

КНИГА

НА ВСЕ
ВРЕМЕНА

Сомерсет МОЭМ

Эшенден,
или Британский агент

От автора (пер. А. Ливергант)

В основу этой книги¹ положен мой опыт работы в разведке во время Первой мировой войны, однако опыт этот подвергся художественному переосмыслению. Факт – плохой рассказчик: обычно он приступает к повествованию по собственной прихоти, задолго до того, как оно началось, он совершенно не держит тему и обрывает ее на полуслове. На самом интересном месте он может завести разговор о чем-то абсолютно постороннем; кульминация, интрига, завязка и развязка для него, как правило, – пустой звук. А между тем есть немало писателей, которые в своих сочинениях руководствуются фактом, а никак не вымыслом. Раз жизнь, рассуждают они, хаотична и непредсказуема, такой же должна быть и литература, ведь литература должна подражать жизни. В жизни царит случай – должен он царить и в литературе; в литературе не должно быть кульминации, ибо кульминация – это грубое нарушение жизненной правды. Ничто так не выводит этих людей из себя, как резкие повороты сюжета, с помощью которых некоторые писатели стремятся удивить своих читателей, и поэтому, когда описываемые ими события приобретают драматический характер, они изо всех сил стараются свести этот драматизм на нет. Они не столько пишут рассказ сами, сколько дают нам материал, с помощью которого мы можем написать свой собственный рассказ. Иногда нам предлагается некий взятый наудачу случай, смысл которого мы должны определить сами. Иногда нам дается некий черновой набросок персонажа – делайте, дескать, с ним что хотите. Нам, иными словами, дают лишь рецепт блюда, а приготовить его нам предстоит самим. Впрочем, такая литература ничуть не хуже любой другой – ей принадлежит немало первоклассных произведений. Чехов довел метод жизненной правды до совершенства. Такой метод более пригоден для короткого повествования, чем для длинного.

Описание настроения, обстановки или атмосферы может удерживать внимание читателя на десяти страницах; когда же повествование растягивается на все пятьдесят, ему становится нужен некий стержень, некое организующее начало. Таким повествовательным стержнем и является сюжет, у которого обязательно должны быть начало, середина и конец. Сюжет – понятие самодовлеющее. Он начинается с описания обстоятельств, которые имеют причинно-следственную связь, и эта причинно-следственная связь прослеживается до тех пор, пока, к удовольствию читателя, не доводится до своего логического конца. Из чего следует, что повествование должно в определенном месте начинаться и в определенном же месте кончаться. Не брести куда глаза глядят, а уверенно вышагивать по заранее прочерченному пути, снизу вверх, от зачина до кульминации. Если изобразить это движение

¹ Книга «Эшенден, или Британский агент» («Ashenden: or The British Agent») вышла 29 марта 1928 г. в Англии (L.: William Heinemann Ltd), днем позже – в США (N.Y.: Doubleday, Doran & Company, Inc.).

«Эшенден» представляет собой цепочку эпизодов, изложенных в хронологической последовательности. Некоторые из этих 16 эпизодов-глав являются самостоятельными рассказами, другие играют роль связок. До выхода книги в свет Моэм опубликовал в журналах несколько эпизодов.

Готовя книгу к выпуску в составе Собрания сочинений (The Collected Edition of the Works of W. Somerset Maugham. – L.: William Heinemann Ltd. – «Ashenden», 1934), автор снял посвящение, в нумерации эпизодов-глав заменил римские цифры на арабские и сопроводил книгу предисловием «От автора».

В «Полном собрании рассказов» Моэма на английском языке (1951) автор «укрупнил» рассказы, объединив по несколько эпизодов-глав в одну новеллу. Так, «Р», «Визит полиции» и «Мисс Кинг» составили рассказ «Мисс Кинг»; «Безволосый Мексиканец», «Смуглянка» и «Грек» – «Безволосый Мексиканец»; «Поездка в Париж» и «Джулия Лаццари» – «Джулия Лаццари»; «Густав» и «Предатель» – «Предатель»; «За кулисами» и «Его превосходительство» – «Его превосходительство»; «Случайное знакомство», «Любовь и русская литература» и «Белье мистера Харрингтона» – «Белье мистера Харрингтона». За пределами «Полного собрания рассказов» остался, таким образом, лишь рассказ-связка «Орел или решка». После выхода английского «Полного собрания рассказов» новеллы из «Эшендена» переводились на русский язык по текстам, представленным в этом издании.

В настоящем издании, тексты «укрупненных» новелл вновь разбиты на эпизоды-главы в том виде, в котором были опубликованы в «Эшендене». – *Примеч. верстальщика по материалам* <http://www.zakharov.ru>.

графически, то получится полукруг. Элемент неожиданности никогда не помешает, и этот толчок, этот внезапный поворот, который так претит эпигонам Чехова, плох лишь тогда, когда он плохо сработан; если же он является органичной частью повествования, если логически из него вытекает, — он превосходен. В кульминации нет ровным счетом ничего плохого — читатель имеет на нее полное и неотъемлемое право; кульминация плоха лишь в том случае, если не является логическим следствием предшествовавших ей обстоятельств. Избегать кульминации в литературном произведении на том лишь основании, что наша с вами жизнь в основном несобытийна, — лицемерие чистой воды.

Вообще утверждение, что литература должна подражать жизни, вовсе не является аксиомой. Есть ведь и другая точка зрения, ничуть не менее правомочная. Согласно этой точке зрения, литература должна использовать жизнь лишь в качестве сырья, которое ей предстоит обработать по своему разумению. И тут напрашивается аналогия с изобразительным искусством. Для пейзажистов семнадцатого века живая природа была не более чем предлогом для создания произведения искусства. Они переписывали пейзаж, подгоняя размер дерева под размер облака, использовали свет и тень для создания перспективы. Они стремились не скопировать действительность, а преобразить ее. Они переделывали мир на свой лад, сообразуясь с чувством реальности своих зрителей. Импрессионисты же в отличие от них писали только то, что видели. Они пытались передать неуловимую красоту природы: ослепительный солнечный день, игру теней или прозрачность воздуха. Их целью была истина. Они хотели, чтобы художник был лишь глазом и рукой. Интеллект был им ненавистен. И как же невыразительны сейчас их пейзажи в сравнении с величественными пейзажами Клода! Метод Клода — это метод непревзойденного мастера новеллистики Ги де Мопассана. И метод этот очень хорош — полагаю, что метод жизненной правды он непременно переживет. Ведь сейчас нам уже не так интересно, что представляли собой русские разночинцы пятьдесят лет назад, да и сюжет чеховских рассказов, как правило, не настолько увлекателен (по сравнению с историей Паоло и Франчески или Макбета), чтобы постоянно держать читателя в напряжении. Писатель же, о котором веду речь я, берет от жизни то, что любопытно, наглядно и драматично; он не копирует жизнь, но и не дает волю безудержной фантазии; что-то он при описании выбрасывает, что-то видоизменяет; описывая те факты, с которыми он предпочитает иметь дело, он предлагает читателю преображенную картину мира, которая, будучи проявлением авторского темперамента, является в известном смысле автопортретом, задуманным для того, чтобы заинтересовать и увлечь читателя. Если автору это удалось, читатель сочтет его произведение правдивым.

Все это я написал только для того, чтобы внушить читателю: эта книга — вымысел, впрочем, ненамного больший, чем несколько книг на ту же тему, которые вышли за последние несколько лет и которые претендуют на право называться мемуарной прозой. Работа сотрудника внешней разведки в целом крайне однообразна и нередко совершенно бесполезна. Жизненный материал, который эта работа дает писателю, — бесвязан и невыразителен; автор сам должен сделать его связным, волнующим и правдоподобным.

В 1917 году я поехал в Россию с заданием предотвратить большевистскую революцию и воспрепятствовать выходу России из войны. Читатель увидит, что усилия мои успеха не имели. Из Владивостока я поехал в Петроград. Однажды, когда мы ехали по Сибири, поезд остановился на каком-то полустанке, и пассажиры, как это обычно бывает, вышли на платформу — одни за водой для чая, другие — запастись съестным, третьи — просто размять ноги. На лавке, в окружении двадцати — тридцати однополчан в рваных, грязных гимнастерках, сидел слепой солдат — высокий, сильный, еще совсем молодой парень. Судя по всему, ему не было и восемнадцати. На щеках вился светлый юношеский пушок. Лицо было широкое, скуластое. Лоб пересекал огромный шрам от раны, лишившей его зрения. Из-за прикрытых глаз выражение его лица казалось каким-то таинственно отстраненным. Солдат запел. Сильным, красивым голосом. Он пел и сам же подыгрывал себе на аккордеоне. Поезд стоял, а он пел песню за песней. Слов я не понимал, но в этом диком и печальном пении мне слышался крик угнетенных; мне виделись голые степи и бескрайние леса, медленные,

величавые русские реки и тяжкий крестьянский труд – пахота, жнивье, вздохи ветра в березах, долгие, погруженные в ночь зимние месяцы, а потом танцующие крестьянки, деревенские дети, плещущиеся летними вечерами в мелких речушках; я ощутил ужас войны, промозглые ночи в окопах, бредущих по грязным дорогам солдат после боя, от которого веет ужасом, страданиями и смертью. Пение вселяло страх и в то же время было необычайно трогательным. У ног певца лежала фуражка, доверху наполненная медяками, которые бросали в нее пассажиры. Всех нас охватило чувство безграничного сострадания и безотчетного ужаса, ибо в этом невидящем, обезображенном шрамом лице было что-то жуткое, какая-то погруженность в себя, оторванность от этого пленительного мира. В слепом певце было что-то нечеловеческое. Солдаты угрюмо молчали, всем своим видом давая понять, что на милостыню пассажиров они имеют такое же право, как и слепец. От них исходили пренебрежение и злоба, от нас – безмерная жалость, но никому не приходило в голову, что есть только один способ возместить страдания этому беспомощному существу.

Р (пер. Г. Косов)

Когда началась война, Эшенден – писатель по профессии – находился на борту парохода, и смог вернуться в Англию лишь в начале сентября. Вскоре после прибытия ему довелось побывать на приеме, где его представили средних лет полковнику, имени которого он так и не уловил. Они немного побеседовали, а когда Эшенден собрался уходить, офицер подошел к нему и сказал:

- Вы не будете против того, чтобы снова встретиться? Мне хочется с вами поболтать.
- Конечно, – отвечал Эшенден. – В любое время, когда вам будет угодно.
- Я запишу адрес. У вас найдется визитка?

Эшенден протянул ему карточку, и полковник карандашом нацарапал на ней название улицы и номер дома. Когда Эшенден следующим утром явился на встречу по указанному адресу, то обнаружил, что находится на вульгарной улице с домами из красного кирпича. В свое время этот район Лондона считался довольно модным, но с тех пор успел существенно упасть в глазах тех, кто хотел бы найти себе жилье по приличному адресу. На доме, в который пригласили Эшендена, висело объявление, сообщавшее, что здание выставлено на продажу; ставни окон были наглухо закрыты, и ничто не говорило о том, что здесь кто-то живет. Эшенден позвонил, и дверь ему открыл унтер-офицер. Это произошло настолько быстро, что писатель даже вздрогнул. Не спросив о цели визита, его сразу провели в длинную комнату в дальней части дома, которая в свое время, очевидно, служила столовой. Ее яркий декор совершенно не вязался с немногой и к тому же изрядно потрепанной офисной мебелью. Создавалось впечатление, что здесь обосновались старьевщики. Когда он вошел, полковник, который, как позже выяснил Эшенден, был известен в Управлении Разведки под литерой Р., поднялся из-за стола и пожал гостю руку. Офицер был чуть выше среднего роста и очень худ. У него были жидкие седые волосы, усики, сильно смахивающие на зубную щетку, и изборожденное глубокими морщинами лицо желтоватого оттенка. Но его самой заметной, сразу обращавшей на себя внимание чертой были на удивление близко посаженные друг к другу глаза. Еще немного, и это можно было бы назвать косоглазием. У него были холодные, жестокие и очень усталые глаза, придававшие офицеру вид коварного и хитрого человека. Перед Эшенденом стоял тип, который не мог понравиться с первого взгляда и не внушавший мгновенного чувства доверия. Впрочем, полковник являл собой само радушие – его манеры можно было назвать приятными.

Он задал Эшендену массу вопросов, а затем без каких-либо околичностей заявил, что писатель представляет особый интерес для секретной службы. Эшенден владел несколькими европейскими языками, а его профессия служила прекрасным прикрытием. Под предлогом сбора материалов для новой книги он мог, не привлекая внимания, посещать любую нейтральную страну. Когда они обсуждали этот аспект проблемы, Р. сказал:

– Знаете, но вы действительно можете получить материал, способный пойти на пользу вашей работе.

– Ничего не имел бы против, – ответил Эшенден.

– Я расскажу вам о событии, которое произошло буквально на днях и за подлинность которого я могу поручиться. Я сразу подумал, что из этого со временем может получиться чертовски занимательный рассказ. Один из французских министров отправился в Ниццу, чтобы восстановить здоровье после перенесенной простуды. С собой он прихватил атташе-кейс с весьма важными документами. Подчеркиваю: очень важными. Через пару дней министр повстречался в ресторане (или каком-то ином месте, где танцуют девицы) желтоволосую леди, с которой сразу очень сильно подружился. Он пригласил ее к себе в отель (что, надо признать, было с его стороны поступком опрометчивым), а когда пришел в себя утром, не обнаружил ни леди, ни атташе-кейса с документами. Они немного выпили в номере, и, согласно его теории, женщина, когда он отвернулся, высыпала в его бокал какой-то наркотик.

Р. закончил рассказ и, обратив на Эшендена сияющий восторгом взор, спросил:

– Весьма яркая и занятная история, не так ли?

– И вы хотите сказать, что это произошло совсем недавно?

– На позапрошлой неделе.

– Невозможно! – воскликнул Эшенден. – Вот уже шестьдесят лет этот инцидент ставят на сцене. Он описан по меньшей мере в тысяче романов. Неужели вы хотите сказать, что реальная жизнь догнала нас только что?

Р. был явно слегка обескуражен.

– Если необходимо, я могу сообщить вам имена и даты, и, поверьте мне, союзники имели массу неприятностей из-за утраты содержавшихся в кейсе документов.

– Что же, сэр, если вы в своей секретной службе не способны на нечто большее, – со вздохом произнес Эшенден, – то боюсь, что как источник вдохновения для писателя она совершенно непригодна. Мы действительно не имеем права продолжать печатать эту историю.

На то, чтобы утрясти детали, много времени им не потребовалось, и когда Эшенден поднялся со стула, он уже знал все, что ему следует делать. Он должен был начать жизнь агента уже на следующий день в Женеве. Последние обращенные к Эшендену слова Р. произнес как бы между прочим, что придавало им особое значение:

– Да, прежде чем вы начнете работать, вы должны знать следующее. Прошу вас это хорошенько запомнить. Если вы отлично справитесь с делом, то на благодарность не рассчитывайте, а если у вас начнутся неприятности, то помощи вы не дождетесь. Вас это устраивает?

– Вполне.

– В таком случае позвольте пожелать вам успеха.

Домашний визит (пер. Г. Косов)

Эшенден возвращался в Женеву. Ночь выдалась ненастной, с гор дул холодный ветер, но неповоротливый, маленький пароходик упорно тащился по беспокойной воде озера. Гонимый шквалистым ветром и только что превратившийся в ледяную крупу дождь злобными порывами омывал палубу, напоминая вздорную женщину, не способную оставить в покое объект своего недовольства. Эшенден побывал во Франции, чтобы составить и отправить донесение. За пару дней до этого, примерно в пять вечера, в его номере появился агент-индус. Застал он Эшендена лишь по счастливой случайности, поскольку предварительной договоренности о встрече не было. Согласно инструкции агент мог приходить в отель только в случае крайней необходимости. Агент сообщил, что из Берлина прибыл находящийся на службе у германцев бенгалец. Бенгалец привез черный кофр с

документами, которые могли бы иметь большой интерес для правительства Великобритании. Центральные державы делали все, чтобы поднять мятеж в Индии – мятеж, который вынудил бы Британию не только держать в стране войска, но и, возможно, перебросить туда некоторые части из Франции. Чтобы вывести бенгальца из игры, агенты Антанты сумели устроить его арест в Берне и нашли возможность предъявить обвинения, которые на некоторое время делали его безопасным; но черный кофр найти не удалось. Агент Эшендена был очень смелым и очень умным парнем, и ему без особого труда удалось внедриться в компанию соотечественников, не разделявших идеалы Великобритании. И вот теперь он сумел узнать, что бенгалец, прежде чем приехать в Берн, оставил кофр в целях безопасности в камере хранения вокзала в Цюрихе. Теперь, когда бенгалец за решеткой ожидает суда, агенты центральных держав никак не могли добыть багажную квитанцию и получить в свои руки бесценный кофр. Для германского Разведывательного департамента было чрезвычайно важно без промедления получить кофр, и, поскольку сделать это легальными методами было невозможно, они решили той же ночью тайно проникнуть на вокзал и похитить груз. Это был смелый и остроумный план, а поскольку значительная часть работы британского агента была ужасно скучной, он, узнав о намерениях врага, ощутил приятное возбуждение. План, как считал писатель, был, вне сомнения, плодом острого и весьма беспринципного ума руководителя Германской секретной службы в Берне. Налет на вокзал должен был состояться этой ночью в два часа, и нельзя было терять ни мгновения. Эшенден не доверял ни телеграфу, ни телефону, и в Берн для контакта с британским офицером он должен был ехать сам. Агент-индус сделать этого не мог, поскольку уже и так рисковал жизнью, посетив номер Эшендена. Если его заметят выходящим из номера, то может случиться, что его найдут в один далеко не прекрасный день плавающим в озере с торчащим в спине ножом.

В Берн шел поезд, на который он мог еще успеть, и, схватив шляпу и пальто, Эшенден помчался вниз по лестнице. Выбежав из гостиницы, он сразу прыгнул в такси. Четыре часа спустя он уже звонил в колокольчик у дверей штаб-квартиры бернского отделения Секретной службы. Его имя здесь было известно только одному человеку, и именно его Эшенден и спросил. В вестибюль вышел высокий, очень усталый на вид человек (Эшенден его ранее никогда не встречал) и, не говоря ни слова, провел посетителя в свой кабинет. Писатель рассказал ему о причинах своего появления, и высокий человек, бросив взгляд на часы, произнес:

– Слишком поздно для того, чтобы мы могли сами что-то предпринять. Скорее всего вовремя добраться до Цюриха мы не успеем. – Немного подумав, он продолжил: – Придется привлечь швейцарские власти. Те могут воспользоваться телефоном, и, когда ваши друзья попытаются осуществить свое маленькое ограбление, они, вне сомнения, обнаружат, что вокзал надежно охраняется. Но, как бы то ни было, вам лучше вернуться в Женеву.

Он пожал Эшендену руку и выпроводил из кабинета. Эшенден не сомневался, что никогда не узнает, чем завершится дело. Будучи всего лишь крошечным винтиком в большой и сложной машине, он никогда не имел возможности увидеть операцию целиком и был знаком либо с ее началом, либо с завершением. Иногда это был какой-то эпизод, но ему крайне редко предоставлялась возможность узнать результат своих действий. Это раздражало его не меньше, чем современные романы, которые, состоя из ряда не связанных между собой эпизодов, заставляли читателя, дабы создать целостное повествование, самостоятельно сводить в уме эти эпизоды в единый сюжет.

Несмотря на меховое пальто и теплый шарф, Эшенден промерз до костей. В салоне парохода было тепло, а хорошее освещение позволяло читать, но он счел за благо не торчать там из опасения, что какой-нибудь любитель путешествий узнает его и задастся вопросом, с какой стати он постоянно перемещается из швейцарской Женевы во французский Тонон и обратно. Поэтому Эшенден в полной мере использовал то убежище, которое смог найти, проведя несколько унылых часов на темной палубе. Он посмотрел в сторону Женевы, но городских огней не увидел, а дождь со снегом, превратившись в просто снег, не позволял рассмотреть какие-либо береговые ориентиры. В хорошую погоду Женевское озеро,

живописное и светлое, скорее походило на искусственный водоем во французском парке, однако в штормовую погоду оно было столь же таинственным и грозным, как море. Эшенден решил, что, вернувшись в отель, он разожжет камин в гостиной, примет горячую ванну и поужинает в комфорте перед огнем в пижаме и халате. Перспектива провести вечер в одиночестве с трубкой и книгой была настолько привлекательной, что определенно стоила тех страданий, которые ему пришлось перенести, пересекая озеро. Мимо него тяжело протопали два матроса. Чтобы хоть немного укрыть лица от ледяных порывов, они шли, низко наклонив головы. «Nous arrivons!»¹ – крикнул Эшендену один из них. Затем матросы подошли к борту и сняли планку, закрывающую выход на трап. Снова вглядевшись в ревущую тьму, Эшенден разглядел туманные огни набережной. Это была весьма приятная картина. Через две-три минуты пароход ошвартовался, и Эшенден, закутавшись до ушей в теплый шарф, присоединился к небольшой кучке ожидающих высадки на берег пассажиров. Хотя он путешествовал часто – ему полагалось раз в неделю пересекать озеро, чтобы составить и отправить донесение во Францию, – Эшенден, стоя в толпе людей, ожидающих выхода на трап, постоянно испытывал легкое беспокойство. В его паспорте не было никаких указаний на то, что он был за границей. Пароход ходил по озеру, соприкасаясь с французской территорией только в двух точках. Официально судно шло из Швейцарии в Швейцарию, и Эшенден мог, к примеру, плыть из Веве в Лозанну. Но он никогда не был уверен в том, что агенты тайной полиции его не заметили, а если за ним следили и видели, как он высаживался во Францию, то факт отсутствия штампа в паспорте объяснить будет затруднительно. У него, конечно, имелась наготове легенда, но он хорошо понимал, что она выглядит не очень убедительно, и хотя швейцарским властям будет невозможно доказать, что он является злостным нарушителем, ему все же придется провести два-три дня за решеткой, что само по себе было бы весьма некомфортно. Затем его могут железной рукой препроводить до границы, что выглядело бы чрезвычайно унижительно. Швейцарцы прекрасно понимали, что их страна является ареной для самых разнообразных интриг. Агенты секретных служб, шпионы, революционеры и агитаторы разных мастей наводняли гостиницы всех главных городов, и швейцарцы, ревниво оберегая свой нейтралитет, были полны решимости не допустить ничего, что могло бы связать их с одной из воюющих сторон.

За высадкой пассажиров наблюдала пара полицейских, и Эшенден, благополучно прошествовав мимо них с независимым, как ему казалось, видом, испытал облегчение. Его поглотила темнота, и он быстро двинулся в отель. Отвратительная погода, словно в насмешку, лишила этот обычно приятный променад какой-либо прелести. Все магазины были закрыты, и на пути Эшенден повстречал лишь одного пешехода. Человек шагал сквозь непогоду с таким видом, словно стремился избежать слепого гнева какой-то неизвестной ему опасности. Создавалось впечатление, что в эту холодную, черную ночь вся цивилизация, словно устыдившись своей искусственности, сдалась на милость природных стихий. Теперь дождь со снегом хлестал Эшендена в лицо, а тротуар был таким скользким, что шагать приходилось очень осторожно. Отель фасадом смотрел на озеро. Когда Эшенден до него добрался и привратник открыл дверь, вместе с ним в лобби гостиницы ворвался порыв холодного ветра, заставив закружиться в воздухе бумаги на стойке регистрации. Яркий свет ослепил Эшендена. Он задержался у стойки, чтобы поинтересоваться, нет ли для него писем. Таковых не оказалось, и он был готов войти в лифт, когда регистратор сказал, что его в номере ждут два джентльмена. Друзей в Женеве у Эшендена не было.

– Вот как? – произнес он, немало удивившись. – И кто же они?

Он заранее позаботился о том, чтобы завязать с регистратором дружбу, давая щедрые чаевые за мелкие услуги. Регистратор сдержанно улыбнулся и сказал:

– Если я вам скажу, вреда, думаю, не будет. Мне кажется, что они из полиции.

– И чего же они желают? – поинтересовался Эшенден.

– Джентльмены не сказали. Спросили, где вы, и когда я сообщил им, что вы на прогулке, они заявили, что станут ждать вашего возвращения.

¹ Мы прибываем (*фр.*).

– И сколько же времени они здесь находятся?

– Час.

Сердце у Эшендена упало, но он сделал все, чтобы лицо не выдавало тревоги.

– Я поднимусь, чтобы с ними повидаться, – сказал он. – Лифтер отступил в сторону, чтобы пропустить его в кабину, но Эшенден, покачивая головой, произнес: – Я так промерз, что лучше пойду пешком.

Ему хотелось выиграть время, чтобы подумать, но когда он поднимался на три пролета, ему казалось, что ноги словно налились свинцом. Сомнений о причинах, в силу которых полицейские офицеры проявили горячее желание с ним встретиться, у него не было. Эшенден вдруг почувствовал чудовищную усталость. Ему казалось, что он не сможет справиться с множеством ждущих его вопросов. И если его арестуют как тайного агента, придется провести в камере по меньшей мере ночь. А ему как никогда ранее хотелось принять горячую ванну и плотно поужинать, сидя рядом с камином. У него мелькнула мысль развернуться к ним хвостом и уйти, оставив за спиной все тревоги. Паспорт лежал в кармане, а он сам наизусть знал время отправления всех идущих к границе поездов. Прежде чем власти Швейцарии сообразят, как следует поступить, он уже окажется в безопасности. Но Эшенден продолжал устало тащиться вверх по лестнице. Ему не нравилась сама мысль о столь легком отказе от работы. Ведь он ехал в Женеву, зная о риске, с которым связано его поручение, и сейчас ему казалось, что он должен продолжать работу. Двухлетнее пребывание в швейцарской тюрьме, конечно, не самое приятное времяпрепровождение, но это была одна из издержек профессии – сродни угрозе покушения на царствующую особу. Он добрался до площадки третьего этажа и направился к своему номеру. Действиям Эшендена всегда было присуще некоторое легкомыслие (за что ему часто доставалось от критиков), и теперь, задержавшись на миг перед дверью, он вдруг обнаружил, что нелегкое положение, в котором он оказался, не лишено некоторой забавности. Сделав это открытие и воспрянув духом, Эшенден решил преодолеть все трудности с помощью наглости. Поэтому, когда он повернул ручку двери и вошел в номер, чтобы встретиться с визитерами, на его лице светилась совершенно искренняя улыбка.

– Добрый вечер, господа, – сказал он.

Комната была ярко освещена, поскольку горели все лампы, а в камине пылал огонь. Воздух в помещении стал серым от дыма, так как визитеры, видя, что ожидание затягивается, курили крепкие и предельно дешевые сигары. Они сидели в своих толстых пальто, не сняв с головы котелков, словно только что вошли, однако количество пепла в стоящей на столе маленькой пепельнице говорило о том, что в распоряжении джентльменов оказалось достаточно времени для знакомства с обстановкой. Это были крепко сбитые, мощные, возможно, чуть излишне дородные черноусые мужчины, вид которых сразу заставил Эшендена вспомнить пару гигантов из «Золота Рейна» – Фафнера и Фазольда. Массивные, неуклюжие сапоги, монументальность, с которой они восседали в креслах и выражение мрачной настороженности на их лицах не оставляли сомнения в том, что господа принадлежат к породе ищеек. Эшенден обвел комнату взглядом. Будучи существом аккуратным, он сразу заметил, что помещение, хоть и не находится в беспорядке, пребывает не совсем в том состоянии, в котором он его оставил. Это говорило о том, что его пожитки подверглись досмотру. Обыск Эшендена совершенно не тревожил, поскольку он не держал в своем жилье никаких способных его скомпрометировать документов. Что касается шифра, то он выучил его наизусть и уничтожил еще до отъезда из Англии. Все сообщения из Германии передавались ему третьими лицами и без задержки переправлялись в нужные места. Итак, обыска можно было не опасаться, но сам факт досмотра подтверждал его опасения, что власти подозревают в нем тайного агента. Видимо, на него кто-то донес.

– Чем я могу помочь вам, господа? – весело осведомился он. – Здесь очень тепло. Не желаете ли освободиться от пальто и снять шляпы?

Его слегка раздражало, что эти типы расселись в его доме, не сняв котелков.

– Мы задержимся лишь на минуту, – сказал один из них. – Мы заглянули в отель, и,

поскольку консьерж сообщил нам, что вы вот-вот вернетесь, мы решили подождать.

Котелка он так и не снял. Эшенден освободился от шарфа и избавился от подбитого мехом пальто.

– Не желаете ли сигару? – спросил он, поднеся коробку вначале одному детективу, а затем – второму.

– Лично я – не против, – ответил Фафнер, извлекая из коробки сигару. Фазольд же схватил сигару молча, не удостоив Эшендена ни единым словом благодарности.

Этикетка на сигарном ящике, судя по всему, весьма своеобразно подействовала на их манеры, поскольку теперь они сняли шляпы.

– Прогулка по такой погоде была, надо полагать, весьма неприятной, – произнес Фафнер, откусив с полдюйма от кончика своей сигары и выплюнув огрызок в камин.

Эшенден всегда придерживался принципа (весьма пригодного и для работы в Разведывательном управлении) излагать все, насколько позволяли возможности, максимально близко к правде. Поэтому он сказал:

– За кого вы меня принимаете? Если бы я мог, то в такую погоду и носа не высунул бы из дома. Мне пришлось сегодня отправиться в Вебе, чтобы встретиться с другом-инвалидом, и я вернулся на пароходе. На озере страшно холодно.

– А мы – из полиции, – небрежно бросил Фафнер.

Эшенден подумал, что они держат его за полного идиота, если считают, что собеседник не догадался об этом с самого начала. Однако свои соображения на этот счет он решил оставить при себе, поскольку поделиться ими, сохраняя на физиономии приятную мину, было положительно невозможно.

– Неужели? – сказал Эшенден.

– Паспорт у вас при себе?

– Да. Думаю, что в это военное время иностранец поступает разумно, если постоянно носит с собой паспорт.

– Да, это очень разумно.

Эшенден вручил полицейскому свой прекрасный новый паспорт, не содержащий никаких сведений о его перемещениях, если не считать штампа, говорящего о том, что англичанин прибыл из Лондона три месяца назад. С тех пор, судя по документу, он ни разу не пересекал границу. Полицейский, внимательно изучив документ, передал его своему коллеге.

– Похоже, что здесь все в порядке, – сказал он.

Эшенден промолчал. Он зажег сигарету и, встав рядом с камином, чтобы быстрее согреться, взирал на детективов с видом, как ему казалось, дружелюбного безразличия. Фазольд вернул документ Фафнеру, и тот, задумчиво постучав по корочке указательным пальцем, произнес:

– Нас направил сюда шеф полиции, чтобы кое-что расследовать.

Эшенден заметил, что оба представителя власти уставились на него в этот момент особенно пристально. Ему было хорошо известно, что если тебе нечего сказать, поприветствуй язык, а если человек, сделавший замечание, уверен, что оно заслуживает ответа, то твое молчание приводит его в состояние легкого замешательства. Эшенден сделал вид, что ждет продолжения. Ему показалось – впрочем, уверен он в этом не был, – что полицейский начал испытывать некоторую неловкость.

– Дело в том, что в последнее время мы стали получать множество жалоб на шум, который производят люди, выходящие ночью из казино. Нам хотелось бы выяснить, беспокоил ли этот шум лично вас. Поскольку ваши комнаты смотрят на озеро и гуляки проходят под вашими окнами, то вы должны их слышать. Если шум достаточно сильный.

На какой-то миг Эшендену показалось, что он ослышался. Во всяком случае, он был ошарашен. Что за вздор мелет этот сыщик (бум-бум, гремит большой барабан, когда гигант появляется на сцене в «Золоте Рейна»), и неужели шеф полиции действительно может послать подчиненных узнать, не нарушают ли сладкий сон гостя какие-то горластые игроки? Все это очень смахивало на ловушку. Но нет ничего глупее, чем называть провалом все, что с

первого взгляда кажется нелепым. Это может быть вовсе не провалом, а волчьей ямой, куда, как показывает жизнь, неоднократно проваливались даже самые проникательные скептики. Тем не менее Эшенден был глубоко убежден в глупости животного по имени человек, и в течение его жизни это убеждение не раз приносило ему пользу. В его голове пронеслась мысль – раз детектив задает ему подобный вопрос, то у него нет даже намека на доказательство его преступной деятельности. Эшенден не сомневался, что на него донесли, но никаких фактов не представили, а обыск комнат оказался безрезультатным. Но для посещения был придуман более чем жалкий повод, говоривший лишь о бедности воображения. Эшенден, не сходя с места, придумал три причины, которыми детективы могли бы объяснить желание с ним побеседовать, и пожалел, что недостаточно хорошо знаком с сыщиками, чтобы поделиться с ними своими идеями. Повод для визита, приведенный ими, был оскорблением для разума. Эти типы оказались даже глупее, чем он думал, но поскольку в его сердце всегда имелся теплый уголок для дурачков, он стал относиться к незванным гостям значительно лучше. Ему захотелось слегка потрепать их по плечу. Однако на поставленный вопрос он ответил со всей серьезностью:

– По правде говоря, я сплю очень сладко – что, как вы понимаете, несомненно, является следствием чистого сердца и спокойной совести – и никогда ничего не слышу.

Эшенден взглянул на них в надежде увидеть хотя бы мимолетную улыбку, которой, как он считал, заслужило его замечание, но лица сыщиков остались невозмутимыми. Эшенден даже в качестве агента британского правительства сохранил чувство юмора и поэтому с трудом подавил готовый вырваться вздох. Приняв, как ему показалось, более внушительную позу, он серьезным тоном продолжил:

– Но даже если бы меня разбудили шумные люди, мне бы и голову не пришлось выступать с жалобой. В то время, когда в мире так много тревог, страданий и несчастий, я считаю непростительным чинить помехи тем людям, которым настолько повезло, что они способны себя развлечь.

– Все верно, – согласился детектив. – Но, как бы то ни было, гостям отеля мешают спать, и шеф полиции распорядился это расследовать.

Его коллега, который до этого хранил молчание, очень смахивающее на молчание сфинкса, решил вступить в беседу.

– Я обратил внимание на то, что согласно записи в вашем паспорте вы являетесь писателем, месье, – сказал он.

– Да. Эта профессия доставляет массу неприятностей, но время от времени приносит и радость, – подчеркнуто доброжелательно, чтобы сгладить свое предыдущее выступление, ответил Эшенден.

– Славу, например, – вежливо заметил Фафнер.

– Правильнее будет сказать «печальную знаменитость», – решился поправить его Эшенден.

– И что же вы делаете в Женеве?

Вопрос был задан очень дружелюбным тоном, и Эшенден понял, что следует быть настороже. Каждый умудренный опытом человек знает, что дружелюбный полицейский опаснее, нежели офицер полиции, настроенный враждебно.

– Я пишу пьесу, – ответил Эшенден, махнув рукой в направлении разбросанных на столе бумаг. Короткий взгляд, брошенный полицейскими в сторону стола, красноречиво говорил, что гости уже успели просмотреть манускрипт и приняли к сведению его содержание.

– Но почему вам так нужно сочинять пьесу здесь, а не в своей стране?

Эшенден улыбнулся даже более дружелюбно, чем ранее, так как очень долго готовился к этому вопросу и теперь почувствовал облегчение. Кроме того, ему было любопытно, как детективы воспримут ответ.

– Но, месье, в Европе идет война. Поскольку моя страна пребывает в сильном ажиотаже, там невозможно спокойно сидеть и просто писать пьесу.

– Это будет комедия или трагедия?

– Комедия. И очень легкая, если на то пошло, – ответил Эшенден. – Художнику нужен мир и тишина. Разве можно хранить независимость духа, необходимого для творчества, если нет возможности созидать спокойно? Швейцария – счастливая страна. Она осталась нейтральной, и я посчитал, что здесь, в Женеве, смогу найти ту среду, которая мне столь необходима.

Фафнер едва заметно кивнул Фазольду, и было не совсем ясно, хочет ли он этим жестом сказать, что считает Эшендена слабоумным, или, напротив, желает выразить сочувствие желанию англичанина найти тихое убежище в бурном мире. У Эшендена не было способа это узнать. Как бы то ни было, но детективы, видимо, решив, что из дальнейшей беседы с Эшенденом ничего не выудят, поскольку ответы последнего становились все более и более бессвязными, через несколько минут поднялись, чтобы удалиться.

Дружески пожав полицейским руки и закрыв за ними дверь, Эшенден глубоко вздохнул, ощутив громадное облегчение. Он открыл кран в ванне, наполнил ее горячей водой – такой горячей, которую, как ему казалось, едва можно было выдержать, – и принялся неторопливо раздеваться, размышляя о своем счастливом спасении.

За день до этого произошел инцидент, вынудивший его удвоить осторожность. На него должен был работать агент-швейцарец, известный в Разведывательном управлении под псевдонимом Бернارد, который только что прибыл из Германии. Эшенден назначил ему встречу в определенном кафе в определенное время. Поскольку Эшенден ранее никогда не видел этого человека, он через посредника проинформировал его о том, какой контрольный вопрос задаст и какой ответ должен получить. Встречу он назначил на полдень, рассчитывая, что в кафе в это время не будет много посетителей и он еще с порога увидит мужчину нужного возраста. Возраст агента был ему известен. Бернارد сидел в одиночестве, и Эшенден, подойдя к нему, как бы случайно задал ему заранее согласованный вопрос. Получив заранее согласованный ответ, он занял место рядом с агентом и заказал для себя бутылку дюбонне. Шпион оказался бедно одетым, невысоким коренастым парнем, с круглой, похожей на пушечное ядро коротко остриженной головой, бегающими голубыми глазами и землистого цвета лицом. Доверия он не внушал, и Эшенден, хотя по собственному опыту знал, как тяжело найти готовых ездить в Германию агентов, был удивлен тем, что его предшественник завербовал этого типа. Бернارد был швейцарским немцем и говорил по-французски с сильным акцентом. Бернارد первым делом потребовал свое вознаграждение, и Эшенден передал ему конверт. Оплата велась в швейцарских франках. Бернارد в общем виде отчитался о своем пребывании в Германии и ответил на тщательно продуманные вопросы Эшендена. По профессии Бернارد был официантом, и ему удалось найти работу вблизи одного из мостов через Рейн, что открывало перед ним широкие возможности получения именно той информации, которая от него требовалась. Причины возвращения на несколько дней в Швейцарию выглядели вполне убедительными, и осложнений при обратном пересечении границы не предвиделось. Эшенден выразил удовлетворение действиями агента, дал ему новые указания и уже готовился завершить встречу, когда Бернارد сказал:

– Очень хорошо. Но до отправления в Германию я желаю получить две тысячи франков.

– Неужели?

– Да, и я хочу их немедленно, еще до того, как вы покинете кафе. Такую сумму я обязан отдать, и мне необходимо ее получить.

– Боюсь, что я не смогу вам ее дать.

Лицо агента исказила кривая гримаса, и оно стало еще более неприятным, чем было до этого.

– Вам придется это сделать.

– Почему вы так считаете?

Шпион наклонился к Эшендену и, не повышая голоса, чтобы его мог слышать только собеседник, сердито выпалил:

– Неужели вы считаете, что я стану рисковать жизнью за ту нищенскую плату, которую вы мне предлагаете?! Менее десяти дней тому назад в Майнце схватили и расстреляли человека. Это был один из ваших людей?

– В Майнце у нас никого нет, – небрежно бросил Эшенден, и это теперь полностью соответствовало истине. Вот уже несколько дней он не получал никакой информации из этого города и понять не мог, почему это происходит. Сообщение Бернарда проливало свет на загадку. – Дав согласие на эту работу, вы прекрасно понимали, на что идете, и если вас не удовлетворяли условия, вам следовало бы от нее отказаться. У меня нет полномочий на выдачу вам даже одного дополнительного пенни.

– Не хотите ли взглянуть, что у меня имеется? – спросил Бернард.

С этими словами он извлек из кармана небольшой револьвер и со значением постучал по нему пальцем.

– И что же вы намерены с этой штукой предпринять? Заложить у старьевщика?

Бернард сердито пожал плечами и вернул оружие в карман. Эшенден подумал, что если бы Бернард был хотя бы чуть-чуть знаком с законами драматургии, то знал, что не следует совершать действие, не имеющее дальнейшего продолжения.

– Итак, вы отказываетесь дать мне деньги.

– Совершенно верно.

Шпион, державшийся сначала подобострастно, повел себя вызывающе, но при этом он не терял головы и ни на миг не повысил голос. Эшенден видел, что Бернард, каким бы негодяем ни был, является надежным агентом, и решил про себя, что предложит Р. увеличить вознаграждение. Он немного отвлекся от беседы, чтобы изучить окружающую обстановку. Неподалеку от них двое тучных, украшенных черными бородами граждан Женевы играли в домино, а с противоположной стороны молодой человек в очках быстро строчил страницу за страницей бесконечно длинного письма. Какое-то швейцарское семейство (может быть, даже по фамилии Робинсон), состоявшее из папы, мамы и четырех детишек, восседало вокруг стола, пытаясь выжать как можно больше из двух крошечных чашек кофе. Находящаяся за стойкой кассирша – импозантная брюнетка с затянутым в черный шелк могучим бюстом – читала местную газету. Окружение являло собой театральную мизансцену, которая в глазах Эшендена выглядела полным гротеском. По сравнению с этой картиной его собственная пьеса представлялась ему шедевром реализма.

Бернард улыбнулся. Обворожительной эту улыбку назвать было никак нельзя.

– Вы понимаете, что мне, чтобы вас арестовали, достаточно пойти в полицию и сказать им о вас? Вам известно, что представляют собой швейцарские тюрьмы?

– Нет, хотя с некоторых пор я задаю себе этот вопрос. А вам они знакомы?

– Да, и уверен, что они вам окажутся не по вкусу.

Помимо всего прочего Эшендена тревожило то, что его могут посадить в тюрьму, прежде чем он закончит пьесу. Перспектива отложить на неопределенный срок наполовину готовую вещь была ему категорически не по вкусу. Эшенден не знал, будут ли к нему относиться как к политическому заключенному или как к простому уголовнику. У него даже возникла идея поинтересоваться у Бернарда, позволено ли в последнем случае (именно в таком качестве был знаком с тюрьмой Бернард) пользоваться письменными принадлежностями. Но он не спросил из опасения, что Бернард воспримет его любопытство как насмешку. Тем не менее Эшенден не ощущал какого-то особого напряжения и поэтому смог ответить без накала на угрозу Бернарда.

– Конечно, вы без труда сможете устроить для меня два года тюрьмы.

– По меньшей мере.

– Нет. Два года, насколько мне известно – максимум, хотя и этого, полагаю, более чем достаточно. Не стану скрывать, что нахожу подобную возможность крайне неприятной. Но далеко не такой неприятной по сравнению с тем, что ждет вас.

– Но что вы смогли бы сделать?

– Мы нашли бы какой-нибудь способ до вас добраться. Помимо всего прочего, война не

будет длиться вечно. Вы – официант, и вам нужна свобода рук. Обещаю, что если у меня возникнут неприятности, то вас до конца дней не впустят ни в одну из союзнических стран. Почему-то мне кажется, что это серьезно отразится на вашем образе жизни.

Бернард ничего не ответил, вперив мрачный взгляд в мраморную столешницу. Эшенден решил, что настал момент расплатиться за выпивку и уходить.

– Подумайте, Бернард, – сказал он. – Если вы захотите вернуться к своей работе, у вас есть мои инструкции, и ваше обычное вознаграждение будет поступать по привычным каналам.

Шпион в ответ пожал плечами. Эшенден, хотя и не знал конечного результата беседы, тем не менее чувствовал, что должен покинуть кафе с достоинством. Он так и поступил.

И вот теперь, осторожно опуская ногу в горячую воду, не зная, сможет ли выдержать тело этот кипяток, задавал себе вопрос, как в конечном итоге решил поступить Бернард. Вода оказалась не столь обжигающей, и он медленно в нее погрузился. По большому счету ему казалось, что шпион решил хранить верность, а источник доноса следует искать в ином месте. Возможно, в самом отеле. Тело постепенно привыкало к горячей воде, и Эшенден, улегшись на спине, удовлетворенно вздохнул.

«Удивительно, – думал он, – но иногда бывают моменты, когда процесс превращения примитивной, первобытной слизи в человека и, таким образом, в меня самого представляется почти что приемлемым».

Эшенден не мог не думать о том, как ему повезло, что он выкрутился из переделки, в которую попал этим вечером. Если бы его арестовали, а затем и осудили, то Р., пожав плечами, назвал бы его «треклятым тупицей» и незамедлительно приступил бы к поискам нового человека. Эшенден успел достаточно хорошо узнать шефа и ни на йоту не сомневался – слова о том, что попавшему в беду агенту ждать помощи со стороны не следует, были сущей правдой.

Мисс Кинг (пер. Г. Косов)

Эшенден нежился в ванне, не без удовольствия думая о том, что ему, по всей видимости, удастся мирно закончить свою пьесу. Полицейские остались ни с чем, и, хотя за ним может начаться слежка, власти вряд ли сделают следующий шаг до того, как он хотя бы вчерне закончит третий акт. Но положение требовало особой осторожности, особенно в свете того, что всего две недели тому назад его коллега в Лозанне получил тюремный срок. Но и для излишней нервозности причин не было. Его предшественник в Женеве, видя, что за ним денно и ночью следят, и имея несколько преувеличенное представление о ценности своей личности, испытывал такое нервное напряжение, что его пришлось отозвать. Дважды в неделю Эшенден должен был отправляться на рынок, чтобы получить инструкции, которые доставляла пожилая крестьянка из Французской Савойи, торгующая маслом и яйцами. Она приходила вместе с другими торговками, и на границе их досматривали более чем поверхностно. Женщины пересекли рубеж на рассвете, и пограничники старались побыстрее разделаться с этой горластой, болтливой компанией, чтобы вернуться к своим каминам и сигарам. Пожилая дама, с ее дородностью, круглой, вечно красной физиономией и улыбчивым, добрым ртом, выглядела настолько невинно, что надо было быть чрезвычайно проницательным детективом, чтобы догадаться запустить руку между ее объемистых грудей и извлечь на свет клочок бумаги, который мог отправить на скамью подсудимых как старую, честную даму (которая, рискуя таким образом, спасала от окопов своего сына), так и почти достигшего среднего возраста английского писателя. Эшенден появлялся на рынке около девяти часов, когда большинство домашних хозяек Женевы уже успевали загрузиться провиантом. Он останавливался перед корзиной, рядом с которой в дождь и ветер, в жару и снег восседало это нестигаемое создание, и покупал полфунта сливочного масла. Женщина совала ему в руку записку вместе со сдачей с десятифранковой банкноты, и он тут же

удалялся. Самую большую опасность для него представляли те минуты, когда он возвращался с заданием в кармане. Теперь, после неприятного визита полиции, он решил максимально сократить то время, когда на нем можно обнаружить записку.

Эшенден вздохнул, поскольку вода уже была не такой горячей. Он не мог дотянуться до крана рукой, и с помощью пальцев ног тот тоже не открывался (как следовало открываться хорошо отлаженной конструкции). Если же, чтобы добавить горячей воды, придется подняться, то он с таким же успехом мог вообще вылезти из ванны. С другой стороны, ему не удавалось вытащить ногой затычку, дабы слить воду и, таким образом, вынудить себя прекратить приятное времяпрепровождение. Для того чтобы проявить себя настоящим мужчиной и просто вылезти из ванны, ему не хватало силы воли. Многие говорили, что он обладает сильным характером, и Эшенден подумал, насколько часто люди делают поспешные выводы, не располагая для этого достаточным набором фактов. Им, например, никогда не доводилось видеть его в горячей и постепенно остывающей ванне. Тем временем мысли Эшендена снова вернулись к пьесе. Когда он, совершенно забыв, что вода в ванне стала едва теплой, изобретал забавные сцены и придумывал остроумные диалоги, которые, как ему было известно по собственному опыту, будут совсем по-иному выглядеть таковыми на бумаге или звучать с театральных подмостков, кто-то постучал в дверь. Поскольку ему никого не хотелось видеть, у него хватило силы не произносить: «входите». Но стук повторился.

– Кто там? – раздраженно крикнул он.

– Письмо.

– Входите и подождите немного.

Услышав, как открылась дверь спальни, он вылез из воды, обернул вокруг бедер полотенце и вышел из ванной комнаты. В спальне его ждал коридорный с запиской. От него требовался устный ответ. Остановившаяся в отеле дама приглашала его на игру в бридж после ужина. Под посланием по континентальному обычаю стояла подпись: «Барон де Хиггинс». Эшенден, мечтавший об приятном ужине в шлепанцах и халате, о хорошей книге в свете торшера, был готов ответить отказом, но затем до него дошло, что в данных обстоятельствах появление в столовой этим вечером стало бы с его стороны более уместным поступком. Нелепо было бы предполагать, что весть о том, что его навещала полиция, не распространилась среди обитателей гостиницы. В связи с этим следовало продемонстрировать всем гостям, что это не выбило его из колеи. В его мозгу промелькнула мысль, что на него донес кто-то из постояльцев гостиницы, и в этой связи имя бойкой баронессы не могло не всплыть в его памяти. Если его выдала она, то в его игре с ней в бридж можно будет усмотреть изрядную толику юмора. Эшенден попросил посыльного передать баронессе, что будет рад принять участие в игре, и неторопливо приступил к облачению в вечерний костюм.

Баронесса фон Хиггинс была австриячкой, которая, обосновавшись в Женеве в первую военную зиму, решила, что для нее будет более удобным переключить свое имя на французский манер. Английским и французским языками она владела безукоризненно. Ее фамилия, звучавшая столь не по-тевтонски, была ею унаследована от йоркширского деда-грума, которого в начале девятнадцатого столетия привез с собой в Австрию князь Бланкенштайн. Дедушка сделал весьма приятную романтическую карьеру. На привлекательного юношу обратила внимание одна из эрцгерцогинь, и тот, прекрасно воспользовавшись представившейся возможностью, закончил жизнь бароном и полномочным министром при итальянском дворе. Его единственным потомком осталась баронесса. После неудачного замужества (подробностями которого она охотно делилась с окружающими) дама вернула себе девичье имя. Баронесса частенько упоминала о том, что ее дед служил послом, но никогда не говорила, что он когда-то был грумом, и Эшенден узнал эту пикантную деталь через Вену, поскольку по мере укрепления их дружбы считал необходимым выяснить кое-какие детали ее прошлого. Помимо всего прочего он узнал, что ее личные доходы не могут обеспечить того довольно расточительного образа жизни, которого баронесса придерживалась в Женеве. Поскольку перед ней открывались такие

широкие возможности для шпионажа, можно было, не боясь ошибки, предположить, что одна из секретных служб прибегла к ее услугам. Эшенден считал само собой разумеющимся, что баронесса занимается примерно тем же делом, что и он. Это обстоятельство не могло не усилить ту сердечность, с которой он к ней относился.

Когда Эшенден вошел в столовую, та была почти заполнена. Он занял место за своим столиком и, ощущая после всего того, что пришлось пережить, некоторую развязность, заказал для себя бутылку шампанского. Баронесса одарила его сверкающей улыбкой. Даме было уже за сорок, однако она оставалась изумительно красивой. Красота эта была ослепительной, хотя, возможно, чуть-чуть жестковатой. Баронесса была крашеной блондинкой. Ее золотистые волосы имели металлический блеск. Они были красивы, но отнюдь не соблазнительны. Эшенден с самого начала решил, что это вовсе не те волосы, которые вы хотели бы обнаружить в своем супе. У нее были прекрасные черты лица, голубые глаза, прямой нос и бело-розовая кожа, которая, на взгляд Эшендена, слишком туго обтягивала кости. Декорте дамы было весьма щедрым, а ее белый и довольно обширный бюст имел все качества мрамора. В ее облике не имелось ничего, что говорило бы о наличии той податливой нежности, которую некоторые чувствительные мужчины находят столь соблазнительной. Одевалась дама прекрасно, но ювелирных изделий почти не носила, и Эшенден, кое-что знавший о подобных вещах, пришел к заключению, что верховные власти, открыв для нее карт-бланш у портных, решили, что будет нескромно или не посчитали необходимым снабдить ее кольцами и жемчугом. Тем не менее баронесса была настолько яркой женщиной, что даже и без рассказа Р. о похождениях министра Эшенден решил, что одного ее вида достаточно, чтобы пробудить у любого мужчины, на котором она попытается использовать свои чары, чувство благоразумия.

Пока подавали ужин, Эшенден успел изучить взглядом сотрапезников. С первого взгляда казалось, что большинство собравшихся в столовой людей – старинные друзья. Женева в то время являла собой гнездо интриг, центром которых был отель, где остановился Эшенден. Здесь под одной крышей обитали французы, итальянцы и русские, турки, румыны, греки и египтяне. Часть из них просто бежали из родных стран, а некоторые, вне сомнения, представляли интересы своих правительств. Среди них находился и один из агентов Эшендена, по национальности болгарин, с которым он в целях пущей безопасности, находясь в Женеве, никогда не общался. Этим вечером болгарин ужинал с двумя соотечественниками, и через пару дней – если, конечно, его за это время не убьют – можно было ожидать любопытного сообщения. Среди ужинающих находилась маленькая немецкая проститутка, с голубыми глазами и кукольным личиком, которая частенько ездила по дороге вдоль озера в Берн и, занимаясь своим основным делом, собирала крохи информации, служившей, вне сомнения, пищей для размышления в Берлине. Она принадлежала к совсем иному классу, нежели баронесса, и охотилась на более мелкую дичь. Узрев среди гостей графа Хольцминдена, Эшенден удивился. Интересно, подумал он, с какой стати оказался здесь этот тип и что он здесь делает? Хольцминден был германским резидентом в Веве и в Женеве появлялся лишь изредка. Как-то раз Эшенден увидел его в старом городе, с его пустынными улицами и молчаливыми домами. Граф, стоя на углу, беседовал с человеком, в котором сразу угадывался шпион, и Эшенден много бы дал, чтобы услышать то, что они говорят друг другу. Самым забавным в этой ситуации было то, что перед войной Эшенден встречался с графом в Лондоне, и они довольно хорошо знали друг друга. Хольцминден принадлежал к знатной семье, состоящей, естественно, в родстве с самими Гогенцоллернами. Графу нравилась Англия. Он прекрасно танцевал, был отличным наездником и метким стрелком. Люди говорили о нем, что он – больше англичанин, чем сами англичане. Граф был строен, высок ростом и коротко пострижен на прусский манер. Его корпус имел специфический наклон, присущий тем, кто провел большую часть жизни при дворе и всегда был готов отвесить поклон монаршей особе, присутствия которой не видел, а скорее чувствовал. У графа были чарующие манеры, и он очень увлекался изящными искусствами. И вот теперь Эшенден и граф Хольцминден всем своим видом старались показать, что раньше никогда не

встречались. Они, естественно, прекрасно знали, чем каждый из них занимается, и у Эшендена даже возникла идея пошутить с ним на эту тему – разве не абсурд вести себя так, словно не знаешь человека со времен Адама, после того как много лет приглашал его на ужин и играл в карты? Но, раскинув мозгами, он от этой идеи отказался, опасаясь, что немец усмотрит в его поведении очередное доказательство британского легкомыслия, категорически недопустимого в то время, когда идет война. Итак, Эшенден очень удивился. Хольцминден никогда ранее не переступал через порог гостиницы, и весьма сомнительно, что он появился здесь сейчас, не имея на то весьма серьезных причин.

Эшендена интересовало, не вызвано ли данное событие необычным присутствием в обеденном зале принца Али? Подобную ситуацию, какой бы случайной она ни казалось, считать простым совпадением было бы просто неразумно. Принц Али был египтянином и близким родственником Хедива. Ему пришлось бежать из страны после того, как Хедив был низложен. Али был злейшим врагом Англии и активно провоцировал смуту в Египте. Три недели тому назад смещенный Хедив тайно останавливался в отеле на три дня, которые пара почти полностью провела в совещаниях в апартаментах Али. Принц был маленьким, тучным человеком, с большущими черными усами. Он жил вместе с парой своих дочерей и неким пашой по имени Мустафа. Мустафа выступал в роли его секретаря и делопроизводителя. И сейчас все четверка сидела за одним столом. Несмотря огромное количество выпитого шампанского, они восседали в полном молчании. Обе принцессы были вполне эмансипированными молодыми женщинами, танцевавшими ночи напролет в ресторанах с голубой кровью Женева. Принцессы были невелики ростом и дородны. У них были крупные, землистого цвета лица, украшенные прекрасными черными глазами. Их одеяние отличалось крикливой роскошью, говорившей больше о Рыбном рынке Каира, чем о Рю-де-ла-Пэ Женева. Его Высочество обычно принимал пищу наверху, но принцессы ужинали каждый вечер в общем зале. Девиц ненавязчиво сопровождала пожилая маленькая англичанка по имени мисс Кинг. Мисс Кинг считалась их гувернанткой, но, несмотря на это, она постоянно сидела за отдельным столиком и девицы не обращали на нее никакого внимания. Однажды, проходя по коридору, Эшенден оказался невольным свидетелем того, как старшая из двух тучных принцесс на французском языке в чем-то убеждает гувернантку. Принцесса делала это настолько злобно и агрессивно, что у Эшенденахватило дух. Вначале она визгливо кричала, а затем неожиданно отвесила пожилой женщине пощечину. Завидев Эшендена, она обожгла его полным ярости взглядом и вбежала в свой номер, захлопнув за собой дверь. Эшенден прошагал с таким видом, словно ничего не заметил.

Поселившись в отеле, Эшенден попытался навязаться к мисс Кинг в знакомые, но та встретила все его заходы даже не холодно, а так, словно они принадлежали к разному вероисповеданию. Он начал с того, что при встрече с ней снял шляпу, на что дама отвечала сухим, чопорным поклоном. Затем он обратился к ней с изустным приветствием, но получал короткий ответ, из которого ясно следовало, что она не желает иметь с ним никакого дела. Но Эшенден не принадлежал к числу тех людей, которых легко обескуражить. Поэтому, призвав на помощь всю свою самоуверенность, он при первой же возможности попытался вступить с ней в беседу. Мисс Кинг выпрямилась во весь рост и ответила по-французски с сильным английским акцентом:

– У меня нет ни малейшего желания знакомиться с посторонними.

Она повернулась к нему спиной, а, встретив следующий раз, сделала вид, что его не видит.

Мисс Кинг была крошечной старой женщиной, являя собой небольшое количество костей в мешке из морщинистой кожи. Ее лицо было изборождено глубокими складками. С первого взгляда становилось ясно, что она носит парик. Накладные волосы мышиного цвета имели весьма сложную прическу, но на голове сидели иногда криво. Кроме того, дама обожала яркую раскраску – ее выдавшие виды щеки украшали алые пятна, а губы были кроваво-красными. Облачалась она в фантастически яркие, веселые наряды, выглядевшие так, словно были куплены по случаю в лавке подержанной одежды. В дневное время мисс

Кинг носила огромные, исключительно девичьи шляпки. Вышагивала она в крошечных, элегантных туфельках на высоченном каблуке. Вид ее был настолько гротескным, что вызывал не насмешку, а ужас. Увидев ее на улице, люди впадали в оцепенение и, открыв рты, долго смотрели ей вслед. Эшендену сказали, что мисс Кинг не была в Англии с тех пор, когда ее наняли гувернанткой для матери принца, и мысль о том, что она в течение всех этих долгих лет не видела ничего, кроме гаремов Каира, не могла не приводить его в изумление. Определить ее возраст было невозможно. Страшно представить, сколько кратких восточных жизней промелькнуло перед ее взором и какие мрачные секреты могли храниться в ее памяти! Эшендену было интересно, откуда она родом. Находясь так долго вдали от своей страны, она не могла иметь там ни родственников, ни друзей. Эшенден знал, что она настроена крайне антианглийски, и, судя потому, насколько грубо она ему ответила, можно было предположить, что ей велели быть с ним настороже. Говорила она только по-французски. Интересно, о чем она размышляла во время обедов и ужинов, сидя в одиночестве за столом? Читает ли она когда-нибудь, спрашивал себя Эшенден. После еды она сразу поднималась наверх, и ее никогда не видели в общих гостиных. Интересно, что она думает об этих эмансипированных принцессах, носящих кричащие платья и танцующих с незнакомыми мужчинами во второразрядных кафе. Когда мисс Кинг, выйдя из обеденного зала, проходила мимо Эшендена, тому показалось, что неподвижную маску ее физиономии исказила гримаса гнева. Создавалось впечатление, что она его активно не любит. Их взгляды скрестились, и они некоторое время молча смотрели друг на друга. Эшендену казалось, что мисс Кинг хочет сделать все, чтобы ее взор нес в себе молчаливое оскорбление. На старческом, ярко разрисованном лице это могло выглядеть забавным абсурдом, если бы там не было чего-то такого, что вызывало странную жалость. Между тем баронесса де Хиггинс закончила ужин. Взяв свою шейную косынку и ридикюль, она неспешно поплыла между кланяющихся со всех сторон официантов по обширному обеденному залу. Выглядела баронесса необыкновенно величественно. Рядом со столом Эшендена она остановилась.

– Я так рада, что вы сможете сыграть в бридж этим вечером, – сказала баронесса на превосходном английском, с едва заметными следами немецкого акцента. – Не могли бы вы прийти в мою гостиную, после того как закончите ужин и выпьете кофе?

– Какое прекрасное платье, – заметил Эшенден.

– Просто ужасающее. Мне совсем нечего надеть. Поскольку у меня нет возможности поехать в Париж, я не представляю, что мне делать. Эти отвратительные пруссаки, – она повысила голос, и ее «р» стало гортанным, – почему они так стремились втянуть мою бедную страну в эту страшную войну?

Она улыбнулась – это была ослепительная улыбка – и отплыла. Эшенден закончил ужинать одним из последних, и, когда он уходил, зал был почти пуст. Проходя мимо графа Холцминдена, Эшенден, чувствуя какое-то неудержимое веселье, рискнул едва заметно подмигнуть. Германский агент не мог быть до конца уверен, подмигивал ли ему англичанин, а если уловил жест, то напрягал мозги, пытаясь понять, что он может означать. Эшенден поднялся на второй этаж и постучал в дверь баронессы.

– Entrez, entrez,¹ – сказал дама и широко распахнула дверь.

Затем она сердечно потрясла обе руки гостя и провела его в номер. Он увидел, что два человека, призванные довести число игроков до четырех, уже прибыли. Это был принц Али и его секретарь. Эшенден остолбенел.

– Позвольте, Ваше Высочество, представить вам мистера Эшендена, – произнесла баронесса на беглом французском.

Эшенден поклонился и принял протянутую руку. Принц окинул его быстрым взглядом, но ничего не сказал.

– Не знаю, право, встречались ли вы с пашой? – продолжила мадам де Хиггинс.

– Счастлив с вами познакомиться, мистер Эшенден, – сказал секретарь принца, дружески пожимая руку англичанина. – Наша прекрасная баронесса рассказывала о вашем

¹ Входите, входите (фр.).

искусстве играть в бридж, а Его Высочество является страстным поклонником этой игры. *N'est-ce pas, Altesse?*¹

– *Oui, oui,*² – ответил Принц.

Мустафе-паше на вид можно было дать лет сорок пять. Крупный, довольно тучный мужчина с большими бегающими глазами и огромными черными усами был облачен в элегантный вечерний костюм, грудь его сорочки украшал крупный бриллиант, а голову – национальный головной убор – феска. Он был чрезмерно словоохотлив, и слова из его рта сыпались безостановочно, словно мраморные шарики из мешка. Паша демонстрировал исключительную вежливость и из кожи лез вон, подчеркивая свое почтение к Эшендену. Принц сидел молча, спокойно глядя на Эшендена из-под тяжелых век.

– Я не встречал вас в клубе, месье. Вы не любитель баккара?

– Играю, но очень редко.

– Баронесса, которая читает все, сказала мне, что вы замечательный писатель. Я, к сожалению, по-английски не читаю.

Баронесса, сделав Эшендену весьма льстивый комплимент, который он выслушал с приличествующей моменту благодарной вежливостью. Затем, подав гостям кофе и напитки, она достала карты. Эшенден продолжал недоумевать, почему его вдруг пригласили на игру. Он льстил себе, полагая, что питает в отношении себя очень мало иллюзий, что же касается бриджа, то иллюзий не было вовсе. Эшенден знал, что является неплохим игроком второй лиги. Но поскольку ему доводилось часто сидеть за одним столом с асами бриджа, он давно понял, что живет с ними на разных улицах. На сей раз они играли в контракт-бридж, с которым он был не очень знаком. Ставки были высокими, но игра явно лишь служила предлогом для встречи, и Эшенден понятия не имел, какие тайные игрища здесь ведутся. Можно было предположить, что принц и паша, зная, что Эшенден является британским агентом, решили лично узнать, что он представляет собой как личность. Вот уже два дня Эшенден ощущал в атмосфере отеля какое-то напряжение, и эта встреча лишь подтверждала его подозрения. Но он оставался в полном неведении, что в действительности происходит. Ничего серьезного, если судить по последним донесениям его агентов, не происходило. Теперь он был убежден, что за визит швейцарских полицейских он должен благодарить баронессу, а встреча за карточным столом была организована после того, как выяснилось, что детективы ничего не смогли обнаружить. Мотивы встречи оставались тайной, но от игры тем не менее отвлекали. Играя роббер за роббером, Эшенден вел нескончаемую беседу, следя за своими словами не менее внимательно, чем за тем, что говорят другие. Они много говорили о войне, и баронесса – так же как и паша – демонстрировали при этом сильные антигерманские настроения. Сердце баронессы принадлежало Англии, откуда происходили ее предки (грум из Йоркшира), а паша считал Париж своим духовным домом. Когда паша заговорил о ночной жизни Монматра, принц впервые нарушил молчание.

– *C'est une bien belle ville, Paris,*³ – сказал он.

– У принца там великолепные апартаменты, – сказал секретарь Его Высочества, – великолепными картинами и статуями в рост человека.

Эшенден, со своей стороны, поставил их в известность, что с величайшей симпатией относится к национальным устремлениям Египта, а Вену считает наиболее приятной столицей Европы. Он вел себя с ними не менее дружелюбно, чем они по отношению к нему. Но Эшенден не сомневался, что собеседники глубоко заблуждаются, если надеются получить от него информацию, какую не могли вычитать в швейцарских газетах. В какой-то момент ему почудилось, что речь зашла о возможности того, чтобы он им продался. Это было сказано настолько вскользь, что Эшенден не был уверен, правильно ли он все понял. Однако ему давно казалось, что в воздухе витает мысль о том, что талантливый писатель может оказать своей стране большую услугу и одновременно заработать хорошие деньги, если

1 Не так ли, Ваше Высочество? (фр.).

2 Да-да (фр.).

3 Довольно красивый город, этот Париж (фр.).

заклучит соглашение, способное принести потрясаемому бурями человечеству мир. Мир, которого должно искренне жаждать каждое не лишенное чувства гуманности человеческое существо. Было ясно, что в первый вечер много сказано не будет, но Эшенден как можно более уклончиво – не столько словами, сколько дружелюбной манерой держаться – пытался показать, что готов продолжить разговор на эту тему. Беседуя с пашой и прекрасной австриячкой, Эшенден ощущал на себе внимательный взгляд принца Али и опасался, что тот слишком хорошо читает его мысли. Он подозревал или скорее чувствовал, что принц – человек умный, проницательный и хитрый. Вполне возможно, что после того, как игра закончится и он покинет номер баронессы, принц Али скажет своим компаньонам, что они напрасно потратили время и что с Эшенденом у них ничего не получится.

Вскоре после полуночи, после того как завершился очередной роббер, принц поднялся из-за стола.

– Уже поздно, – сказал он, – а мистеру Эшендену завтра, вне сомнения, предстоит много дел. Нам не следует его задерживать.

Эшенден воспринял эти слова как предложение удалиться. Троица осталась, чтобы обсудить положение, а он ушел, так и не избавившись до конца от удивления. Интересно, думал Эшенден, озадачены они, так же, как и он, или нет? Поднявшись в свой номер, он вдруг осознал, что устал как собака. Раздеваясь, он с трудом держал глаза открытыми и уснул сразу, как только нырнул в кровать.

Когда стук в дверь вернул Эшендена в состояние бодрствования, тот был готов поклясться, что спал не более пяти минут. Немного выждав, он спросил:

– Кто там?

– Горничная. Откройте. Мне надо вам что-то сказать.

Ворча проклятия, Эшенден провел рукой по взъерошенным и, увы, начинающим редеть волосам (подобно Юлию Цезарю он не любил выставлять напоказ свою зарождающуюся лысину), открыл замок и распахнул дверь. За порогом стояла горничная-швейцарка. Ей волосы тоже были сильно взъерошены. На ней был передник, но создавалось впечатление, что одевалась она в большой спешке.

– Старая английская леди, гувернантка египетских принцесс, умирает и желает вас видеть.

– Меня? – изумился Эшенден. – Но это невозможно. Я с ней не знаком. Кроме того, этим вечером она была в полном порядке.

Он пребывал в некотором замешательстве и говорил то, что приходило на ум.

– Она просит вас. Доктор говорит, чтобы вы пришли. Она долго не протянет.

– Видимо, здесь какая-то ошибка. Дама не может этого желать.

– Она назвала ваше имя и номер вашей комнаты. Повторяет: «Быстрее, быстрее».

Эшенден пожал плечами. Он вернулся в спальню, сунул ноги в шлепанцы, влез в ночной халат и, немного подумав, опустил в карман небольшой револьвер. Эшенден больше полагался на свой острый ум, нежели на огнестрельное оружие, имеющее склонность стрелять в неподходящий момент, производя при этом большой шум. Но бывают моменты, когда ощущение рукоятки под пальцами придает уверенность, а это неожиданное приглашение выглядело, мягко говоря, чрезвычайно таинственным. Предположение, что два любезных, немного тучных египетских джентльмена возжелали устроить ему ловушку, выглядело нелепым, но в деле, которым занимался Эшенден, унылая рутина иногда имела склонность без стыда и совести превращаться в мелодраму шестидесятых годов. Если страсть вынуждает нас нахально прибегать к избитым фразам, то случай позволяет продемонстрировать наше равнодушие по отношению к банальностям литературного сборища.

Номер мисс Кинг располагался двумя этажами выше апартаментов Эшендена, и, поднимаясь по лестнице в сопровождении горничной, он спросил девушку, что случилось со старухой-гувернанткой. Девушка оказалась суматошной и довольно глупой.

– Не знаю, но думаю, что у нее случился удар. Ночной портье меня разбудил и сказал,

что месье Бридэ требует, чтобы я немедленно поднялась к ней.

Месье Бридэ был помощником управляющего.

– Сколько сейчас времени? – поинтересовался Эшенден.

– Наверное, три часа.

Они подошли к дверям мисс Кинг, и горничная постучала. Открыл дверь месье Бридэ. Его, видимо, вырвали из сна, и выглядел он совершенно нелепо. На нем были серые брюки, поверх пижамы был накинут черный фрак, а на босых ногах красовались домашние шлепанцы. Его обычно гладко уложенные волосы стояли дыбом. Узрев Эшендена, месье Бридэ рассыпался в извинениях:

– Простите великодушно, месье Эшенден, за беспокойство, но она все время спрашивала о вас, и доктор сказал, что за вами надо кого-нибудь послать.

– Это не имеет значения, – сказал Эшенден и вошел в номер.

Мисс Кинг обитала в крошечном, расположенном в задней части дома номере. Все окна в комнате были закрыты, а шторы задернуты. Но зато все лампы оказались включенными. В помещении стояла страшная жара. Доктор, чернобородый, седоватый швейцарец стоял рядом с кроватью. Месье Бридэ, несмотря на свой костюм и заметную растерянность, сохранив достаточное присутствие духа для того, чтобы выглядеть внимательным управляющим, произвел представление по всей форме.

– Это – мистер Эшенден, о котором спрашивала мисс Кинг, – доктор Арбос с медицинского факультета женевского университета.

Не говоря ни слова, доктор показал на кровать. На ней лежала мисс Кинг. Взглянув на нее, Эшенден испытал подлинный шок. На голове женщины был завязанный под подбородком огромный белый чепец (войдя в комнату, он увидел на туалетном столике подставку с каштановым париком на ней), а одеянием служила застегнутая высоко на шее длинная и широкая ночная рубашка белого же цвета. Ночной чепец и рубашка принадлежали прошлому веку и заставляли вспомнить иллюстрации Крукшенка к романам Чарльза Диккенса. Ее лицо все еще блестело от крема, которым она перед тем, как отправиться спать, снимала макияж. Сделала она это небрежно, и над ее бровями виднелись черные мазки, а на щеках – красные. В постели она казалась очень маленькой – совсем как ребенок, – но безмерно старой.

Ей, должно быть, далеко за восемьдесят, подумал Эшенден.

Мисс Кинг походила сейчас не на человека, а на куклу – карикатуру на старую, старую, которую, чтобы немного развлечься, смастерил кукольник. Она лежала на спине абсолютно неподвижно, и ее крошечное тело под покровом одеяла было едва заметно. Личико мисс Кинг было даже меньше, чем обычно, поскольку она вынула вставную челюсть. Ее можно было бы принять за покойницу, если бы не глаза, выглядевшие необычно большими на усохшей маске лица. Немигающий взгляд больной был устремлен в пространство. Эшендену показалось, что, когда мисс Кинг его увидела, выражение ее глаз изменилось.

– Весьма сожалею, мисс Кинг, что мне пришлось увидеть вас в таком положении, – с натянутой веселостью произнес он.

– Она не может говорить, – сказал доктор. – В то время, когда горничная ходила за вами, с ней случился еще один небольшой удар. Я только что сделал ей инъекцию. Чуть позже ее речь может частично восстановиться. Она хочет вам что-то сказать.

– Я охотно подожду, – ответил Эшенден.

Ему почудилось, что в больших черных глазах мисс Кинг мелькнуло облегчение. Несколько секунд они все четверо стояли вокруг кровати, глядя на умирающую женщину.

– Что же, если я здесь ничем не могу помочь, то, пожалуй, вернусь в постель, – произнес месье Бридэ.

– Alle, mon ami,¹ – сказал доктор. – Вы ничего не можете сделать.

– Не мог бы я перекинуться с вами парой слов? – спросил месье Бридэ, обращаясь к Эшендену.

¹ Идите, друг мой (фр.).

– Конечно.

Доктор заметил, что в глазах мисс Кинг мелькнул страх.

– Не тревожьтесь, – мягко произнес он. – Месье Эшенден не уходит. Он пробудет здесь ровно столько, сколько вы пожелаете.

Помощник управляющего вывел Эшендена в коридор, прикрыв за собой дверь так, чтобы оставшиеся в номере не услышали его приглушенного голоса.

– Могу ли я полагаться на вашу скромность, мистер Эшенден? – спросил он. – Крайне неприятно, когда в отеле кто-нибудь умирает. Остальным гостям это не нравится, и мы обязаны сделать все, чтобы они об этом не узнали. Тело вывезут при первой возможности, и я буду вам безмерно обязан, если вы никому не скажете, что в гостинице кто-то умер.

– Можете не сомневаться – этого не произойдет, – ответил Эшенден.

– Весьма печально, что управляющий не смог быть здесь этой ночью. Боюсь, что он будет крайне недоволен. Если бы было возможно, то я, вне сомнения, послал бы за каретой «Скорой помощи», и ее увезли бы в больницу. Однако доктор категорически запретил мне это делать, сказав, что она может умереть еще до того, как мы спустим ее вниз. Я не виноват в том, что она умирает в отеле.

– Смерть часто приходит без учета времени, – пробормотал Эшенден.

– В конце концов, она очень старая женщина, и ей следовало бы умереть много лет тому назад. С какой стати этот египетский принц захотел иметь такую старую гувернантку? Ему давным-давно следовало бы отослать ее на родину. От этих восточных людей всегда одно беспокойство.

– А где сейчас принц? – спросил Эшенден. – Она находилась у него в услужении много-много лет. Может быть, вам следует его разбудить?

– Его нет в отеле. Ушел вместе со своим секретарем. Возможно, играет в баккара. Не знаю. Как бы то ни было, но я не могу послать людей, чтобы они разыскивали его по всей Женеве.

– А принцессы?

– Они еще не вернулись. Крайне редко появляются до рассвета. Принцессы без ума от танцев. Мне неизвестно, где они сейчас находятся, да и в любом случае они не были мне признательны за то, что я положил конец их приятному времяпрепровождению только потому, что их гувернантка получила удар. Я прекрасно знаю, что они собой представляют. Как только они появятся, ночной портье им все скажет, и девицы могут поступать, как им заблагорассудится. Она, во всяком случае, их всех видеть не желает. Когда ночной портье притащил меня сюда и я поинтересовался у нее, где Его Высочество, она изо всех сил крикнула: «Нет, нет!».

– Выходит, она могла говорить?

– Да, в некотором роде. Но меня очень удивило, что она говорила по-английски. Она всегда упорно говорила на французском языке. Дама, если вы этого не знаете, ненавидела англичан.

– Чего же она от меня хотела?

– Этого я сказать вам не могу. Мисс Кинг заявила, что ей немедленно надо вам кое-что сообщить. Мне кажется забавным, что ей был известен номер ваших апартаментов. Вначале, когда она захотела вас увидеть, я не разрешил кого-либо к вам посылать. Я не могу допустить, чтобы наших клиентов тревожили среди ночи, потому что их пожелала увидеть какая-то безумная женщина. Насколько я понимаю, у вас есть право на сон. Но когда появился доктор, мисс Кинг стала требовать встречи с вами более настойчиво. Женщина не оставляла нас в покое, а когда я сказал, что надо подождать до утра, она расплакалась.

Эшенден внимательно посмотрел на помощника управляющего. Судя по его виду, в описываемой им сцене он не видел ничего, что могло тронуть душу.

– Доктор спросил, кто вы такой, и когда я ему сказал, он предположил, что больная желает видеть вас, возможно, потому, что вы ее соотечественник.

– Не исключено, – сухо произнес Эшенден.

– Что же, а теперь я попытаюсь немного поспать. Я велел ночному портье меня разбудить, когда все кончится. По счастью, ночи в это время года длинные, и если все пойдет хорошо, мы сможем вывезти тело еще до рассвета.

Эшенден вернулся в комнату, и взгляд темных глаз умирающей женщины замер на нем. Ему казалось, что он должен произнести нечто утешительное, однако, заговорив, подумал, как глупо звучат слова, обращенные к тяжелобольным.

– Боюсь, что вы почувствуете себя очень скверно, мисс Кинг.

Ему показалось, что в ее глазах мисс Кинг промелькнули искры гнева, и Эшенден подумал, что ее привела в ярость никчемность произнесенных им слов.

– Вы можете подождать? – спросил доктор.

– Конечно, могу.

Все началось с того, что ночного портье разбудил телефонный звонок из номера мисс Кинг, он поднял трубку, но голоса не услышал. Телефон меж тем продолжал трезвонить. Портье поднялся наверх и постучал в дверь. Открыв замок служебным ключом, он вошел и увидел мисс Кинг лежащей на полу. Рядом с ней валялся телефон. Создавалось впечатление, что, почувствовав себя плохо, она сняла трубку, чтобы позвать на помощь, но потеряла сознание. Ночной портье кинулся за помощником управляющего, и они вдвоем подняли ее на кровать. После этого помощник разбудил горничную и отправил ее за доктором. Эшенден испытывал какое-то странное чувство оттого, что доктор излагает ему эти факты, невзирая на то, что его повествование могла слышать мисс Кинг. Он говорил так, словно она не могла понять его французского, – говорил так, словно женщина уже умерла.

Затем доктор сказал:

– Боюсь, что я больше ничего не могу сделать и мое пребывание здесь бесполезно. Если произойдут какие-либо изменения, мне можно будет позвонить.

Эшенден, понимая, что мисс Кинг может оставаться в подобном положении много часов, пожал плечами и сказал:

– Хорошо.

Доктор легонько похлопал мисс Кинг по щеке с остатками румян так, словно старуха была ребенком.

– Попытайтесь уснуть, – сказал он. – Я вернусь утром.

Он упаковал саквояж, в котором носил медицинские инструменты, вымыл руки и влез в тяжелое пальто. Эшенден проводил его до дверей, и, когда они пожимали друг другу руки, доктор дал прогноз течения болезни, скривив скрытый в бороде рот. Вернувшись в номер, Эшенден взглянул на горничную. Она с тревожным видом сидела на краешке стула, словно ее пугало присутствие смерти. Ее широкое, некрасивое лицо опухло от усталости.

– В вашем пребывании здесь нет необходимости, – сказал Эшенден. – Почему бы вам не пойти поспать?

– Месье не захочет оставаться один. Кому-то следует быть с ним.

– Но почему? Завтра вам предстоит рабочий день.

– Да. В любом случае я должна подняться в пять утра.

– Тогда попытайтесь хотя бы немного поспать. Вы сможете заглянуть сюда, когда проснетесь. Alle.

– Как будет угодно джентльмену. Но я охотно осталась бы.

Эшенден улыбнулся и покачал головой.

– Bonsoir, ma ravvte mademoiselle,¹ – сказала горничная.

Девушка вышла, и Эшенден остался один. Он сел рядом с кроватью, и его взгляд снова встретился со взглядом умирающей. Эшенден испытывал неловкость, глядя в эти немигающие глаза.

– Не волнуйтесь, мисс Кинг, – сказал он. – У вас случился легкий удар. Не сомневаюсь, что через минуту-другую к вам вернется речь.

Эшенден был уверен, что заметил в ее темных глазах отчаянное стремление что-то

¹ Спокойной ночи, моя бедная мадемуазель (фр.).

сказать. Да, он не ошибся. Мозг умирающей буквально трепетал от желания, но парализованное тело не имело возможности ему повиноваться. Ее разочарование проявило себя очень ясно. Она заплакала, и по морщинистому лицу потекли слезы. Эшенден достал свой носовой платок и осушил влагу.

– Не терзайте себя, мисс Кинг. Немного терпения, и вы, вне сомнения, сможете сказать все, что хотите.

Он не знал, был ли это плод его фантазии, или он действительно прочитал в ее взгляде мысль о том, что у нее нет времени на ожидание. Возможно, что он просто приписал ей то, о чем думал сам. На туалетном столике находились недорогие туалетные принадлежности гувернантки – инкрустированные серебром гребни и зеркало в серебряной оправе. В углу комнаты стоял выдавший виды черный дорожный кофр, а на гардеробе обитала огромная шляпная коробка из потертой кожи. В элегантном гостиничном номере с палисандровой мебелью все эти предметы казались убогой дешევкой. Свет в комнате слепил глаза.

– Может быть, вам будет удобнее, если я погашу часть ламп? – спросил Эшенден.

Оставив гореть лишь одну лампу на прикроватной тумбочке, он снова уселся. Ему страшно хотелось курить. Их взгляды снова встретились. У этой старой-престарой женщины продолжали жить только глаза. Эшенден был уверен, что ей надо что-то срочно ему сказать. Но что? Что именно? Возможно, она захотела видеть его только потому, что, почувствовав приближение смерти, у нее, столько лет пробывшей вдали от родной, давно забытой страны, вдруг возникло желание увидеть рядом со своим смертным ложем кого-то из соотечественников. Так, во всяком случае, считал доктор. Но почему она послала именно за ним? В отеле остановились и другие англичане. Среди гостей была пожилая пара – отставной гражданский чиновник из Индии и его супруга. Было бы гораздо уместнее, если бы она обратилась к ним. Более чуждого для нее человека, нежели Эшенден, в отеле не было.

– У вас есть что мне сказать, мисс Кинг? – спросил он.

Ответ он попытался прочитать в ее глазах. Осмысленный взгляд был по-прежнему обращен на него, но о том, что именно он означал, Эшенден не имел ни малейшего представления.

– Не надо бояться, что я уйду. Я останусь здесь до тех пор, пока вы этого хотите.

Ничего. Эшенден смотрел в черные глаза, и ему казалось, что глаза сияют каким-то таинственным светом, словно в их глубине пылает пламя. Глаза продолжали удерживать требовательным взглядом. А может быть, мисс Кинг послала за ним, так как знала, что он – британский агент? Неужели перед смертью она почувствовала неожиданное отвращение к тому, что так много лет было смыслом ее жизни, и у нее снова пробудилась любовь к своей стране – любовь, беспробудно спавшая половину столетия? И ее охватило неудержимое желание принести пользу тому, что когда-то принадлежало ей. «Я глупец, если придаюсь столь идиотским фантазиям, – подумал Эшенден, – подобные выдумки присущи лишь дешевым и вульгарным романам». С другой стороны, теперь каждый перестал быть самим собой, и патриотизм, бывший в мирное время уделом политиков, публицистов и дураков, в темные времена стал чувством, способным затронуть самые тайные струны сердца. Патриотизм способен толкнуть человека на странные поступки. Забавно, что умирающая не захотела увидеть принца и его дочерей. Может быть, она их вдруг возненавидела? Может быть, она почувствовала, что по их вине стала предательницей, и в последний миг жизни решила что-то исправить? (Все это крайне маловероятно, а мисс Кинг – всего лишь глупая старая дева, которой следовало умереть много лет тому назад.) Но нельзя игнорировать даже то, что представляется маловероятным. Эшенден был каким-то странным убежден (хотя его здравый смысл протестовал против этого), что мисс Кинг владеет тайной, которой жаждете ним поделиться. Она послала за ним, потому что знала, чем он занимается, и надеялась, что он сможет употребить ее слова на пользу. Она умирала и уже не испытывала страха. Действительно ли важно то, что она хочет сказать? Эшенден наклонился вперед, чтобы лучше понять, о чем говорят ее глаза. Возможно, это было нечто совершенно тривиальное, что казалось значительным лишь ее старому, изношенному мозгу. Эшендену было тошно от

людей, видевших шпиона в каждом безобидном прохожем и заговор в самом невинном стечении обстоятельств. Он был готов поставить сто к одному, что от сообщения мисс Кинг, если к ней вернется дар речи, пользы никому не будет.

Но старая женщина могла знать и очень много! Обладая острым зрением и слухом, она могла иметь возможность узнать то, что тщательно скрывалось от людей, казавшихся не столь незначительными. Эшенден снова подумал о тех действительно важных событиях, которые, как ему казалось, затеваются вокруг него. Появление Хольцминдена в отеле именно в этот день представлялось ему фактом весьма любопытным. И с какой стати такие азартные картежники, как принц Али и паша, потратили целый вечер, играя с ним в контрактный бридж? Могло быть так, что у них созрел новый план. Нельзя исключать того, что назревают какие-то великие события, и сообщение старой женщины сможет изменить положение в мире. Оно может означать поражение или победу. Означать все, что угодно. И вот она лежит перед ним, лишенная дара речи. Эшенден долго смотрел на нее молча, а затем вдруг громко спросил:

– Имеет ли это какое-нибудь отношение к войне, мисс Кинг?

Что-то промелькнуло в ее глазах, а маленькое, старое лицо задрожало. Это движение нельзя было не заметить. Происходило нечто странное и ужасное. Эшенден затаил дыхание. Крошечное, иссохшее тело содрогнулось в судороге, и старая женщина, словно собрав в кулак оставшуюся волю, села в кровати. Эшенден вскочил со стула, чтобы ее поддержать.

– Англия, – выкрикнула она единственное слово неприятным, надтреснутым голосом и упала ему на руки.

Укладывая ее на подушку, Эшенден увидел, что она мертва.

Безволосый Мексиканец (пер. И. Бернштейн)

– Вы любите макароны? – спросил Р.

– Что именно вы имеете в виду? – отозвался Эшенден. – Все равно как если бы спросили, люблю ли я стихи. Я люблю Китса, и Вордсворта, и Вердена, и Гете. Что вы подразумеваете, говоря про макароны: spaghetti, tagliatelli, vermicelli, fettuccini, tufali, farfalli или просто макароны?

– Макароны, – ответил Р., который был скуп на слова.

– Я люблю все простые блюда: вареные яйца, устрицы и черную икру, truite au bleu,¹ лососину на вертеле, жареного барашка (предпочтительно седло), холодную куропатку, пирожок с патокой и рисовый пудинг. Но из всех простых блюд единственное, что я способен есть каждый божий день не только без отвращения, но с неослабевающим аппетитом, это макароны.

– Рад слышать, так как хочу, чтобы вы съездили в Италию.

Эшенден прибыл в Лион для встречи с Р. из Женеви и, приехав первым, пробродил до вечера по серым, шумным и прозаичным улицам этого процветающего города. Теперь они сидели в ресторане на площади – Эшенден встретил Р. и привел его сюда, потому что, как считалось, во всей этой части Франции не было другого заведения, где бы так же хорошо кормили. Но поскольку в таком многолюдном месте (лионцы любят вкусно поесть) никогда не знаешь, не ловят ли чьи-нибудь любопытные уши каждое полезное сведение, которое сорвется с твоих уст, они беседовали лишь на отвлеченные темы. Роскошная трапеза подходила к концу.

– Еще коньяку? – предложил Р.

– Нет, спасибо, – ответил Эшенден, более склонный к воздержанию.

– Надо по возможности скрашивать тяготы военного времени, – сказал Р., взял бутылку и налил себе и Эшендену.

Эшенден, сознавая, что ломаться дурно, смолчал, зато счел себя обязанным возразить

¹ Отварная форель (фр.).

против того, как шеф держит бутылку.

– Когда мы были молоды, нас учили, что женщину надо брать за талию, а бутылку за горлышко, – негромко заметил он.

– Хорошо, что вы мне сказали. Я буду и впредь брать бутылку за талию, а женщин обходить стороной.

Эшенден не нашелся, что ответить. Пока он маленькими глотками пил коньяк, Р. распорядился, чтобы подавали счет. Он, бесспорно, был влиятельным человеком, от него зависели душой и телом многие его сотрудники, к его мнению прислушивались те, кто вершил судьбы империй; однако, когда надо было дать официанту на чай, такая простая задача приводила его в замешательство, заметное невооруженным глазом. Он опасался и переплатить и тем свалить дурака, и недоплатить, а значит, возбудить ледяное презрение официанта. Когда принесли счет, он протянул Эшендену несколько стофранковых бумажек и попросил:

– Рассчитайтесь с ним, ладно? Я не разбираюсь во французских ценах.

Слуга подал им пальто и шляпы.

– Хотите вернуться в гостиницу? – спросил Эшенден.

– Пожалуй.

Была еще совсем ранняя весна, но к вечеру вдруг сильно потеплело, и они шли, перекинув пальто через руку. Эшенден, зная, что шеф любит номера с гостинными, снял ему двухкомнатный номер, куда они теперь и направились. Гостиница была старомодная, помещения просторные, с высокими потолками. В гостиной стояла громоздкая, красного дерева мебель с обивкой из зеленого бархата, кресла чинно расставлены вокруг большого стола. По стенам на бледных обоях – крупные гравюры, изображающие битвы Наполеона, под потолком грандиозная люстра, первоначально газовая, но теперь переделанная под электрические лампочки. Они заливали неприветливую комнату сильным, холодным светом.

– Прекрасно, – входя, сказал Р.

– Не очень-то уютно, – заметил Эшенден.

– Согласен, но судя по всему, это здесь самый лучший номер, так что все превосходно.

Он отодвинул от стола одно из зеленых бархатных кресел, уселся и закурил сигару. И при этом распустил пояс и расстегнул китель.

– Раньше мне казалось, что нет ничего лучше манильской сигары, – сказал он, – но с начала войны я полюбил гаваны. Ну, да вечно она продолжаться не будет. – Углы его рта тронуло подобие улыбки. – Во всяком деле есть своя положительная сторона. Плох тот ветер, который никому не приносит удачи.

Эшенден сдвинул два кресла, одно – чтобы сидеть, другое – чтобы положить ноги. Р. посмотрел и сказал:

– Неплохая мысль, – и, подтянув к себе еще одно кресло, со вздохом облегчения уложил на бархат свои сапоги.

– Что за стеной? – спросил он.

– Ваша спальня.

– А с той стороны?

– Банкетный зал.

Р. встал и медленно прошелся по комнате, отворачивая край тяжелых репсовых портьер, выглянул, будто бы невзначай, в каждое окно, потом возвратился к своему креслу и снова уселся, удобно задрав ноги.

– Осторожность не мешает, – произнес он. И задумчиво посмотрел на Эшендена. Его тонкие губы слегка улыбались, но белесые, близко посаженные глаза оставались холодными, стальными. Под таким взглядом с непривычки легко было растеряться. Но Эшенден знал, что шеф просто обдумывает, как лучше приступить к разговору. Молчание длилось минуты три. Потом Р. наконец сказал:

– Я жду к себе сегодня одного человека. Его поезд прибывает около десяти. – Он мельком взглянул на часы. – Этот человек носит прозвище Безволосый Мексиканец.

– Почему?

– Потому что он без волос и потому что мексиканец.

– Объяснение исчерпывающее, – согласился Эшенден.

– Он сам вам о себе все расскажет. Он человек разговорчивый. Я познакомился с ним, когда он сидел совсем на мели. Он принимал участие в какой-то революции у них там в Мексике и вынужден был удрать налегке, в чем был. И когда я его нашел, то, в чем он был, уже тоже пришло в негодность. Захотите сделать ему приятное, называйте его «генерал». Он утверждает, что был генералом в армии Уэрты, да, помнится, Уэрты; во всяком случае, по его словам, если бы обстоятельства сложились иначе, он был бы сейчас военным министром и пользовался бы огромным весом. Он оказался для нас человеком весьма ценным. Худого про него не скажу. Вот только одно: злоупотребляет парфюмерией.

– А при чем тут я? – спросил Эшенден.

– Он едет в Италию. У меня для него имеется довольно щекотливое поручение, и я хочу, чтобы вы находились поблизости. Я не склонен доверять ему большие суммы. Он игрок и слишком любит женщин. Вы приехали из Женевы с паспортом на имя Эшендена?

– Да.

– У меня есть для вас другой, кстати, дипломатический, на имя Сомервилла, с французской и итальянской визами. Думаю, что вам лучше ехать вместе. Он занятный тип, когда разойдется, и вам полезно будет познакомиться поближе.

– А что за поручение?

– Я еще не решил окончательно, насколько вас стоит посвящать в это дело.

Эшенден промолчал. Они сидели и смотрели друг на друга, как смотрят два незнакомых человека в одном купе, гадая, что собой представляет сосед.

– На вашем месте я бы говорить предоставил в основном генералу. Вам лучше не сообщать ему о себе ничего лишнего. Вопросов задавать он не будет, в этом могу поручиться, он в своем роде, как бы сказать, джентльмен.

– Кстати, а как его настоящее имя?

– Я зову его Мануэль. Не уверен, что ему это нравится, его имя – Мануэль Кармона.

– Насколько я понимаю из того, о чем вы умалчиваете, он проходимец высшей пробы.

Р. улыбнулся своими белесо-голубыми глазами.

– Пожалуй, это слишком сильно сказано. Конечно, он не учился в закрытой школе. Его понятия о честной игре не вполне совпадают с вашими и моими. Может быть, я и побоялся бы оставить вблизи от него золотой портсигар, но если он проиграет вам в покер, а потом стянет ваш портсигар, он его тут же заложит, чтобы вернуть карточный долг. При мало-мальски удобном случае он непременно соблазнит вашу жену, но в трудную минуту поделится с вами последней коркой. Он будет проливать слезы у патефона, если ему завести «Ave Maria» Гуно, но попробуйте оскорбить его достоинство, и он пристрелит вас как собаку. В Мексике, например, считается оскорбительным становиться между человеком и его выпивкой, так вот, он рассказывал мне, что один голландец по неведению прошел как-то между ним и стойкой в баре, а он выхватил револьвер и застрелил его.

– И ничего ему не было?

– Нет, он принадлежит к одному из лучших семейств. Дело замяли, в газетах было сообщение, что голландец кончил жизнь самоубийством. Так оно в каком-то смысле и было. Безволосый Мексиканец, кажется, не очень высоко ценит человеческую жизнь.

Эшенден, внимательно слушавший Р., чуть вздрогнул и взглянул пристальнее прежнего в желтое, изможденное, в глубоких складках лицо шефа. Он понимал, что это было сказано не просто так.

– На самом деле о ценности человеческой жизни говорится много вздора. С таким же успехом можно приписывать самостоятельную ценность фишкам, которыми пользуются в покере. Они стоят столько, сколько вы назначите. Для генерала, дающего бой, солдаты – всего-навсего фишки, и очень глупо будет, если он посентиментальничает и позволит себе относиться к ним как к людям.

– Но дело в том, что эти фишки умеют чувствовать и рассуждать и, если сочтут, что их растрачивают впустую, еще, глядишь, откажутся служить.

– Ну, да не о том речь. Мы получили сведения, что некто по имени Константин Андреади выехал из Константинополя, имея при себе ряд документов, которые нам нужны. Он грек, агент Энвера-паши. Энвер ему очень доверяет. Он дал ему устные поручения, настолько важные и секретные, что их сочтено невозможным доверить бумаге. Этот человек отплывает из Пирея на судне «Итака» и высадится в Бриндизи, откуда проследует в Рим. Депеши он должен доставить в германское посольство, а устное сообщение передать лично послу.

– Так. Понятно.

В это время Италия еще сохраняла нейтралитет. Центральные державы напрягали все силы, стремясь удержать ее в этой позиции, а союзники давили на нее как могли, чтобы она объявила войну на их стороне.

– Мы ни в коем случае не хотим неприятностей с итальянскими властями, это могло бы привести к самым скверным последствиям. Но нельзя допустить, чтобы Андреади попал в Рим.

– Любой ценой?

– За деньгами дело не станет, – сардонически усмехнулся Р.

– И что предполагается предпринять?

– Это не ваша забота.

– Но у меня богатое воображение.

– Я хочу, чтобы вы вместе с Безволосым Мексиканцем поехали в Неаполь. Он сейчас рвется на Кубу. Его друзья готовят выступление, и он стремится быть поблизости, чтобы в удобный момент одним прыжком очутиться в Мексике. Ему нужны деньги. Я привез с собой некоторую сумму в американских долларах и сегодня же передам ее вам. Деньги лучше всего носите при себе.

– Много там?

– Порядочно, но я считал, что вам будет удобнее, если пакет окажется компактным, поэтому здесь тысячедолларовые банкноты. Вы вручите их Безволосому Мексиканцу в обмен на документы, которые везет Андреади.

На языке у Эшендена вертелся вопрос, но он его не задал. Вместо этого он спросил:

– А он знает, что от него требуется?

– Несомненно.

Раздался стук. Дверь отворилась – перед ними стоял Безволосый Мексиканец.

– Я приехал. Добрый вечер, полковник. Счастлив вас видеть.

Р. встал.

– Как доехали, Мануэль? Это мистер Сомервилл, он будет сопровождать вас в Неаполь, генерал Кармона.

– Приятно познакомиться, сэр.

Он с силой пожал Эшендену руку. Эшенден поморщился.

– У вас железные руки, генерал, – заметил он.

Мексиканец бросил взгляд на свои руки.

– Я сделал маникюр сегодня утром. К сожалению, не очень удачно. Я люблю, чтобы ногти блестели гораздо ярче.

Ногти у него были заострены, выкрашены в ярко-красный цвет и, на взгляд Эшендена, блестели, как зеркальные. Несмотря на теплую погоду, генерал был в меховом пальто с каракулевым воротником. При каждом движении он источал резкий парфюмерный запах.

– Раздевайтесь, генерал, и закуривайте сигару, – пригласил Р.

Безволосый Мексиканец оказался довольно рослым и скорее худощавым, но производил впечатление большой физической силы; одет он был в модный синий костюм, из нагрудного кармана эффектно торчал край шелкового носового платка, на запястье поблескивал золотой браслет. Черты лица у него были правильные, но неестественно

крупные, а глаза карие, с глянцем. У него совсем не было волос. Желтоватая кожа гладкая, как у женщины, ни бровей, ни ресниц; а на голове довольно длинный светло-каштановый парик, и локоны ниспадали на шею в нарочито артистическом беспорядке. Эти искусственные локоны и гладкое изжелта-бледное лицо в сочетании с франтовским костюмом создавали вместе облик, на первый взгляд слегка жутковатый. Безволосый Мексиканец был с виду отвратителен и смешон, но от него трудно было отвести взгляд – в его странности было что-то завораживающее.

Он сел и подпернул брючины, чтобы не было мешков на коленках.

– Ну, Мануэль, сколько вы сегодня разбили сердец? – с насмешливым дружелюбием спросил Р.

Генерал обратился к Эшендену:

– Наш добрый друг полковник завидует моему успеху у прекрасного пола. Я убеждаю его, что он может добиться того же, если только послушает меня. Уверенность в себе – вот все, что необходимо. Если не бояться получить отпор, то никогда его и не получишь.

– Вздор, Мануэль, тут нужен ваш природный талант. В вас есть что-то для них неотразимое.

Безволосый Мексиканец рассмеялся с самодовольством, которое и не пытался скрыть. По-английски он говорил прекрасно, с испанским акцентом и с американской интонацией.

– Но раз уж вы спрашиваете, полковник, могу признаться, что разговорился в поезде с одной дамочкой, которая ехала в Лион навестить свекровь. Дамочка не так чтобы очень молодая и посухощавее, чем я люблю, но все же приемлемая, она помогла мне скоротать часок-другой.

– А теперь перейдем к делу, – сказал Р.

– Я к вашим услугам, полковник. – Он посмотрел на Эшендена. – Мистер Сомервилл – человек военный?

– Нет, – ответил Р. – Он писатель.

– Что ж, как говорится, божий мир состоит из разных людей. Я рад нашему знакомству, мистер Сомервилл. У меня найдется немало историй, которые вас заинтересуют; уверен, что мы с вами превосходно поладим, у вас симпатичное лицо. Сказать вам правду, я весь – сплошной комок нервов, и если приходится иметь дело с человеком, мне антипатичным, я просто погибаю.

– Надеюсь, наше путешествие будет приятным, – сказал Эшенден.

– Когда этот господин ожидается в Бриндизи? – спросил Мексиканец у Р.

– Он отплывает из Пирея на «Итаке» четырнадцатого. Вероятно, это какая-то старая калоша, но лучше, если вы попадете в Бриндизи загодя.

– Вполне с вами согласен.

Р. встал с кресла и, держа руки в карманах, присел на край стола. В своем потертом кителе с расстегнутым воротом он рядом с вылощенным, франтоватым Мексиканцем выглядел довольно непрезентабельно.

– Мистеру Сомервиллу почти ничего не известно о поручении, которое вы выполняете, и я не хочу, чтобы вы его посвящали. По-моему, вам лучше держать язык за зубами. Он уполномочен снабдить вас суммой, потребной для вашей работы, но какой именно образ действий вы выберете, его не касается. Разумеется, если вам нужен будет его совет, можете его спросить.

– Я редко спрашиваю и никогда не выполняю чужих советов.

– И если вы провалите операцию, надеюсь, я могу рассчитывать на то, что Сомервилл останется в стороне. Он не должен быть скомпрометирован ни при каких обстоятельствах.

– Я человек чести, полковник, – с достоинством ответил Безволосый Мексиканец, – и скорее позволю себя изрезать на мелкие куски, чем предам товарища.

– Именно это я только что говорил мистеру Сомервиллу. С другой стороны, если все пройдет удачно, Сомервилл уполномочен передать вам оговоренную сумму в обмен на бумаги, о которых у нас с вами шла речь. Каким образом вы их добудете, не его забота.

– Само собой разумеется. Я хочу только уточнить одно обстоятельство. Мистер Сомервилл, надеюсь, сознает, что дело, которое вы мне доверили, я предпринимаю не ради денег?

– Безусловно, – не колеблясь, ответил Р., глядя ему прямо в глаза.

– Я телом и душой на стороне союзников, я не мог простить немцам надругательства над нейтралитетом Бельгии, а деньги если и беру, то исключительно потому, что я прежде всего патриот. Я полагаю, что мистеру Сомервиллу я могу доверять безоговорочно?

Р. кивнул. Мексиканец обернулся к Эшендену.

– Снаряжаются экспедиционные силы для освобождения моей несчастной родины от тиранов, которые ее эксплуатируют и разоряют, и каждый пенс, полученный мною, пойдет на ружья и патроны. Лично мне деньги не нужны: я солдат и могу обойтись коркой хлеба и горстью маслин. Есть только три занятия, достойные дворянина: война, карты и женщины; чтобы вскинуть винтовку на плечо и уйти в горы, деньги не нужны – а это и есть настоящая война, не то что всякие там переброшки крупных частей и стрельба из тяжелых орудий, – женщины любят меня и так, а в карты я всегда выигрываю.

Эшендену начинала положительно нравиться эта необыкновенная вычурная личность с надушенным платочком и золотым браслетом. Не какой-то там «средний обыватель» (чью тиранию мы клянем, но всегда в конце концов покоряемся), а яркое, живое пятно на сером фоне толпы, настоящая находка для ценителя диковин человеческой природы. В парике, несуразно мордастый и без единого волоса на коже, он был, бесспорно, по-своему импозантен и, несмотря на нелепую внешность, производил впечатление человека, с которым шутки плохи. Он был великолепен в своем самодовольстве.

– Где ваши пожитки, Мануэль? – спросил Р.

Возможно, что Мексиканец чуть-чуть, самую малость, нахмурился при этом вопросе, заданном, пожалуй, не без доли высокомерия, едва он успел закончить свою пышную тираду. Однако больше он ничем не выказал недовольства. Эшенден подумал, что он, наверно, считает полковника варваром, которому недоступны высокие чувства.

– На вокзале.

– У мистера Сомервилла дипломатический паспорт, он сможет, если угодно, провезти ваши вещи со своим багажом, без досмотра.

– Моя поклажа невелика, несколько костюмов и немного белья, но, пожалуй, будет действительно лучше, если мистер Сомервилл возьмет заботу о ней на себя. Перед отъездом из Парижа я купил полдюжины шелковых пижам.

– А ваши вещи? – спросил Р. у Эшендена.

– У меня только один чемодан. Он находится в моем номере.

– Велите отправить его на вокзал, пока еще в гостинице кто-то есть. Ваш поезд отходит в час десять.

– Вот как?

Эшенден только сейчас впервые услышал о том, что их отъезд назначен на ту же ночь.

– Я считаю, что вам надо попасть в Неаполь как можно скорее.

– Хорошо.

Р. встал.

– Не знаю, как кто, а я иду спать.

– Я хочу побродить по Лиону, – сказал Безволосый Мексиканец. – Меня интересует жизнь. Одолжите мне сотню франков, полковник. У меня при себе нет мелочи.

Р. вынул бумажник и дал генералу одну банкноту. Потом обратился к Эшендену:

– А вы что намерены делать? Ждать здесь?

– Нет, – ответил Эшенден. – Поеду на вокзал и буду там читать.

– Выпьем на прощание виски с содовой. Вы как, Мануэль?

– Вы очень добры, но я пью только шампанское и коньяк.

– Смешиваете? – без тени улыбки спросил Р.

– Не обязательно, – совершенно серьезно ответил Мексиканец.

Р. заказал коньяк и содовую воду, им подали, он и Эшенден налили себе того и другого, а Безволосый Мексиканец наполнил свой стакан на три четверти неразбавленным коньяком и осушил его в два звучных глотка. А потом поднялся, надел пальто с каракулевым воротником, одной рукой взял свою живописную черную шляпу, а другую жестом романтического актера, отдающего любимую девушку тому, кто достойнее, протянул Р.

– Полковник, пожелаю вам доброй ночи и приятных сновидений. Вероятно, следующее наше свидание состоится не скоро.

– Смотрите, не наломайте дров, Мануэль, а в случае чего – помалкивайте.

– Я слышал, что в одном из ваших колледжей, где сыновья джентльменов готовятся в офицеры флота, золотыми буквами написано: «В британском флоте не существует слова „невозможно“». Так вот, для меня не существует слова «неудача».

– У него много синонимов, – заметил Р.

– Увидимся на вокзале, мистер Сомервилл, – сказал Безволосый Мексиканец и с картинным поклоном удалился.

Р. поглядел на Эшендена с подобием улыбки, которое всегда придавало его лицу такое убийственно пронизательное выражение.

– Ну, как он вам?

– Ума не приложу, – ответил Эшенден. – Клоун? Самоупоеение, как у павлина. С такой отталкивающей внешностью неужели он вправду покоритель дамских сердец? И почему вы считаете, что можете на него положиться?

Р. хмыкнул и потер ладони, как бы умывая руки.

– Я так и знал, что он вам понравится. Колоритная фигура, не правда ли? Я считаю, что положиться на него можно. – Взгляд его вдруг стал каменным. – По-моему, ему нет расчета играть с нами двойную игру. – Он помолчал. – Как бы то ни было, придется рискнуть. Сейчас я передам вам билеты и деньги и простимся; я страшно устал и пойду спать.

Десять минут спустя Эшенден отправился на вокзал. Чемодан двинулся вместе с ним на плече у носильщика.

Оставалось почти два часа до отхода поезда, и Эшенден расположился в зале ожидания. Здесь было светло, и он сидел и читал роман. Подошло время прибытия парижского поезда, на котором они должны были ехать до Рима, а Безволосый Мексиканец не появлялся. Эшенден, слегка нервничая, вышел поискать его на платформе. Эшенден страдал всем известной неприятной болезнью, которую называют «поездной лихорадкой»: за час до обозначенного в расписании срока он начинал опасаться, как бы поезд не ушел без него, беспокоился, что служители в гостинице так долго не несут его вещи из номера, сердился, что автобус до вокзала подадут в самую последнюю секунду; уличные заторы приводили его в исступление, а медлительность вокзальных носильщиков – в бессловесную ярость. Мир, словно сговорившись, старался, чтобы он опоздал на поезд: встречные не давали выйти на перрон, у касс толпились люди, покупающие билеты на другие поезда, и мучительно долго пересчитывали сдачу, на регистрацию багажа затрачивалась бездна времени, а если Эшенден ехал не один, то его спутники вдруг уходили купить газету или погулять по перрону, и он не сомневался, что они обязательно отстанут, то они останавливались поболтать неизвестно с кем, то им срочно надо было позвонить по телефону и они со всех ног устремлялись в здание вокзала. Просто какой-то вселенский комплот. И отправляясь в путешествие, Эшенден не переставал терзаться, покуда не усаживался на свое законное место в углу купе, чемодан уже лежал в сетке над головой, а до отхода поезда все еще добрых полчаса. Были случаи, когда он приезжал на вокзал настолько раньше времени, что поспевал на предыдущий поезд, но это тоже стоило ему нервов, ведь опять-таки выходило, что он едва не опоздал.

Объявили римский экспресс, но Безволосый Мексиканец не показывался; поезд подошел к платформе – а его все нет. Эшенден не на шутку встревожился. Он быстрыми шагами прохаживался по перрону, заглядывал в залы ожидания, побывал в отделении, где велась регистрация багажа, – Мексиканца нигде не было. Поезд был сидячий, но в Лионе много пассажиров сошло, и Эшенден занял два места в купе первого класса. Стоя у

подножки, он озирает платформу и то и дело взглядывал на вокзальные часы. Ехать без Мексиканца не имело смысла, и он решил, как только прозвучит сигнал к отправлению, вытащить из вагона свою поклажу, но зато уж он задаст этому типу, когда тот отыщется. Оставалось три минуты, две, одна; вокзал опустел, все отъезжающие заняли свои места. И тут он увидел Безволосого Мексиканца – тот не спеша шел по платформе в сопровождении двух носильщиков с чемоданами и какого-то господина в котелке. Заметив Эшендена, Мексиканец помахал рукой.

– А-а, вот и вы, мой друг, а я-то думаю, куда он делся?

– Господи, да поторопитесь, поезд сейчас уйдет.

– Без меня не уйдет. Места у нас хорошие? Начальник вокзала ушел ночевать домой, это его помощник.

Господин в котелке в ответ на кивок Эшендена обнажил голову.

– Да, но это обыкновенный вагон. В таком я ехать не могу. – Он милостиво улыбнулся помощнику начальника вокзала. – Вы должны устроить меня лучше, любезный.

– Конечно, господин генерал, я помещу вас в спальный вагон. Само собой разумеется.

Помощник начальника вокзала повел их вдоль состава и отпер свободное купе с двумя постелями. Мексиканец удовлетворенно огляделся. Носильщики уложили багаж.

– Вот и прекрасно. Весьма вам обязан. – Он протянул господину в котелке руку. – Я вас не забуду и при следующем свидании с министром непременно расскажу ему, как вы были ко мне внимательны.

– Вы очень добры, господин генерал. Премного вам благодарен!

Прозвучал свисток. Поезд тронулся.

– По-моему, это лучше, чем просто первый класс, – сказал Мексиканец. – Опытный путешественник должен уметь устраиваться с удобствами.

Но раздражение Эшендена еще не улеглось.

– Не знаю, какого черта вам понадобилось тянуть до последней секунды. Хороши бы мы были, если бы поезд ушел.

– Друг мой, это нам совершенно не грозило. Я по приезде уведомил начальника вокзала, что я, генерал Кармона, главнокомандующий мексиканской армией, прибыл в Лион для кратковременного совещания с английским фельдмаршалом, и просил его задержать отправку поезда до моего возвращения на вокзал. Я дал ему понять, что мое правительство, вероятно, сочтет возможным наградить его орденом. А в Лионе я уже бывал, здешние женщины недурны. Конечно, не парижский шик, но что-то в них есть, что-то есть, бесспорно. Хотите перед сном глоток коньяку?

– Нет, благодарю, – хмуро отозвался Эшенден.

– Я всегда на сон грядущий выпиваю стаканчик, это успокаивает нервы.

Он сунул руку в чемодан, не шаря, достал бутылку, сделал несколько внушительных глотков прямо из горлышка, утерся рукой и закурил сигарету. Потом разулся и лег. Эшенден притушил свет.

– Сам не знаю, как приятнее засыпать, – раздумчиво проговорил Безволосый Мексиканец, – с поцелуем красивой женщины на губах или же с сигаретой во рту. Вы в Мексике не бывали? Завтра расскажу вам про Мексику. Спокойной ночи.

Вскоре по размеренному дыханию Эшенден понял, что его спутник уснул, а немного погодя задремал и сам.

Когда через непродолжительное время он проснулся, Мексиканец крепко, спокойно спал; пальто он снял и укрылся им вместо одеяла, а парик на голове оставил. Вдруг поезд дернулся и, громко скрежеща тормозами, остановился; и в то же мгновение, не успев еще Эшенден осознать, что произошло, Мексиканец вскочил и сунул руку в карман брюк.

– Что это? – возбужденно выкрикнул он.

– Ничего. Семафор, наверно, закрыт.

Мексиканец тяжело сел на свою полку. Эшенден включил свет.

– Вы так крепко спите, а просыпаетесь сразу, – заметил он.

– Иначе нельзя при моей профессии.

Эшенден хотел было спросить, что подразумевается: убийства, заговоры или командование армиями, – но промолчал из опасения оказаться нескромным.

Генерал открыл чемодан и вынул бутылку.

– Глотните, – предложил он Эшендену. – Если внезапно просыпаешься среди ночи, нет ничего лучше.

Эшенден отказался, и он опять поднес горлышко ко рту и перелил к себе в плотку щедрую порцию коньяка. Потом вздохнул и закурил сигарету. На глазах у Эшендена он уже почти осушил бутылку, и вполне возможно, что не первую со времени прибытия в Лион, однако был совершенно трезв. По его поведению и речи можно было подумать, что за последние сутки он не держал во рту ничего, кроме лимонада.

Поезд двинулся, и Эшенден снова уснул. А когда проснулся, уже наступило утро, и, лениво перевернувшись на другой бок, он увидел, что Мексиканец тоже не спит. Во рту у него дымилась сигарета. На полу под диваном валялись окурки, и воздух был прокуренный и сизый. С вечера он уговорил Эшендена не открывать окно на том основании, что ночной воздух якобы очень вреден.

– Я не встаю, чтобы вас не разбудить. Вы первый займетесь туалетом или сначала мне?

– Мне не к спеху, – сказал Эшенден.

– Я привык к походной жизни, у меня это много времени не займет. Вы каждый день чистите зубы?

– Да, – ответил Эшенден.

– Я тоже. Этому я научился в Нью-Йорке. По-моему, хорошие зубы – украшение мужчины.

В купе был умывальник, и генерал, плюясь и кашляя, старательно вычистил над ним зубы. Потом он достал из чемодана флакон одеколона, вылил немного на край полотенца и растер себе лицо и руки. Затем извлек гребенку и тщательно, волосок к волоску, причесал свой парик – то ли парик у него не сбился за ночь, то ли он успел его поправить на голове, пока Эшенден еще спал. И наконец, вынув из чемодана другой флакон, с пульверизатором, и выпустив целое облако благоуханий, опрыскал себе рубашку, пиджак, носовой платок, после чего с выражением полнейшего самодовольства, в сознании исполненного долга перед миром обратился к Эшендену со словами:

– Ну вот, теперь я готов грудью встретить новый день. Оставляю вам мои принадлежности, не сомневайтесь насчет одеколона, это лучшая парижская марка.

– Большое спасибо, – ответил Эшенден, – но все, что мне нужно, это мыло и вода.

– Вода? Я лично не употребляю воду, разве только когда принимаю ванну. Вода очень вредна для кожи.

На подъезде к границе Эшендену вспомнился недвусмысленный жест Мексиканца, разбуженного среди ночи, и он предложил:

– Если у вас есть при себе револьвер, лучше отдайте его мне. У меня дипломатический паспорт, меня едва ли станут обыскивать, вами же могут и поинтересоваться, а нам лишние осложнения ни к чему.

– Его и оружием-то назвать нельзя, так, детская игрушка, – проворчал Мексиканец и достал из брючного кармана заряженный револьвер устрашающих размеров. – Я не люблю с ним расставаться даже на час, без него я чувствую себя словно не вполне одетым. Но вы правы, рисковать нам не следует. Я вам и нож вот отдаю. Я вообще предпочитаю револьверу нож, по-моему, это более элегантное оружие.

– Дело привычки, наверно, – сказал Эшенден. – Должно быть, для вас нож как-то естественнее.

– Спустить курок каждый может, но чтобы действовать ножом, нужно быть мужчиной.

Одним, как показалось Эшендену, молниеносным движением он расстегнул жилет, выхватил из-за пояса и раскрыл длинный, смертоубийственный кинжал. И протянул Эшендену с довольной улыбкой на своем крупном, уродливом, голом лице.

– Отличная, между прочим, вещь, мистер Сомервилл. Лучшего клинка я в жизни не видел – острый как бритва, и прочный, режет и папиросную бумагу, и дуб может срубить. Устройство простое, не ломается, а в сложенном виде – ножик как ножик, такими школяры делают зарубки на партах.

Он закрыл нож и передал Эшендену, и тот упрятал его в карман вместе с револьвером.

– Может быть, у вас еще что-нибудь есть?

– Только руки, – с вызовом ответил Мексиканец. – Но ими, я думаю, на таможне не заинтересуются.

Эшенден припомнил его железное рукопожатие и внутренне содрогнулся. Руки у Мексиканца были длинные, кисти большие, гладкие, без единого волоска, с заостренными, ухоженными красными ногтями – действительно, довольно страшные руки.

Смуглянка **(пер. И. Бернштейн)**

Эшенден и генерал Кармона порознь прошли пограничные формальности, а потом, в купе, Эшенден вернул ему револьвер и нож. Мексиканец облегченно вздохнул:

– Ну вот, так-то лучше. А что, может быть, сыграем в карты?

– С удовольствием, – ответил Эшенден.

Безволосый Мексиканец опять открыл чемодан и вытащил откуда-то из глубины засаленную французскую колоду. Он спросил, играет ли Эшенден в экарте, услышал, что не играет, и предложил пикет. Эта игра была Эшендену в какой-то мере знакома, договорились о ставках и начали. Поскольку оба были сторонниками скорых действий, играли в четыре круга вместо шести, удваивая очки в первом и последнем. Эшендену карта шла неплохая, но у генерала всякий раз оказывалась лучше. Вполне допуская, что его партнер не полагается только на слепой случай, Эшенден все время был начеку, но ничего мало-мальски подозрительного не заметил. Он проигрывал кон за коном – генерал расправлялся с ним, как с младенцем. Сумма его проигрыша все возрастала и достигла примерно тысячи франков, что по тем временам было достаточно много. А генерал одну за другой курил сигареты, которые сам себе скручивал с фантастическим проворством – завернет одним пальцем, лизнет, и готово. Наконец он откинулся на спинку своей полки и спросил:

– Между прочим, друг мой, британское правительство оплачивает ваши карточные проигрыши, когда вы при исполнении?

– Разумеется, нет.

– В таком случае, я нахожу, что вы проиграли достаточно. Другое дело, если бы это шло в счет ваших издержек, тогда я предложил бы вам играть до самого Рима, но я вам симпатизирую. Раз это ваши собственные деньги, я больше у вас выигрывать не хочу.

Он собрал карты и отодвинул колоду. Эшенден без особого удовольствия вынул несколько банкнот и отдал Мексиканцу. Тот пересчитал их, с присущей ему аккуратностью сложил стопкой, перегнул пополам и спрятал в бумажник. А потом протянул руку и почти ласково потрепал Эшендена по колену.

– Вы мне нравитесь, вы скромны и незаносчивы, в вас нет этого высокомерия ваших соотечественников, и я знаю, вы правильно поймете совет, который я вам дам. Не играйте в пикет с людьми, вам неизвестными.

Наверно, на лице у Эшендена отразилась досада, потому что Мексиканец схватил его за руку.

– Мой дорогой, я не оскорбил ваши чувства? Этого мне бы никак не хотелось. Вы играете в пикет вовсе не хуже других. Не в этом дело. Если нам с вами придется дольше быть вместе, я научу вас, как выигрывать в карты. Ведь играют ради денег, и в проигрыше нет смысла.

– Я думал, все дозволено только в любви и на войне, – усмехнулся Эшенден.

– Ага, я рад, что вы улыбаетесь. Именно так надо встречать поражение. Вижу, у вас

хороший характер и умная голова. Вы далеко пойдете в жизни. Когда я снова окажусь в Мексике и ко мне возвратятся мои поместья, непременно приезжайте погостить. Я приму вас, как короля. Вы будете ездить на лучших моих лошадях, мы с вами вместе посетим бои быков, и если вам приглянется какая-нибудь красotka, только скажите слово, и она ваша.

И он стал рассказывать Эшендену о своих обширных мексиканских владениях, о гасиендах и рудниках, которые у него отобрали. Он живописал свое бывшее феодальное величие. Правда это была или нет, не имело значения, потому что его певучие, сочные фразы источали густой аромат романтики. Он рисовал Эшендену иную, несовременную, широкую жизнь и картинными жестами словно расстилал перед ним неоглядные бурные дали, и зеленые моря плантаций, и огромные стада, и в лунном свече ночей песнь слепых певцов, которая тает в воздухе под гитарный звон.

– Все, все мною утрачено. В Париже я дошел до того, что зарабатывал на кусок хлеба уроками испанского языка или таскался с американцами – я хочу сказать *americanos del norte*,¹ – показывал им ночную жизнь города. Я, который швырял по тысяче монет за один обед, принужден был побираться, как слепой индеец. Я, кому в радость было застегнуть бриллиантовый браслет на запястье красивой женщины, пал так низко, что принял костюм в подарок от старой карги, которая годилась мне в матери. Но – терпение. Человек рожден, чтобы мучиться, как искры – чтобы лететь к небу, но несчастья не вечны. Наступает час, когда мы нанесем удар.

Он взялся за свою засаленную колоду и разложил карты на маленькие кучки.

– Посмотрим, что нам скажут карты. Карты не лгут. Ах, если бы только я им больше доверял, мне не пришлось бы совершить тот единственный в моей жизни поступок, который с тех пор камнем висит у меня на душе. Совесть моя чиста. Я поступил так, как и следовало мужчине, однако очень сожалею, что необходимость толкнула меня на поступок, которого я всей душой предпочел бы не совершать.

Он стал просматривать карты в кучках, часть из них отбрасывал по какому-то не понятному для Эшендена принципу, потом оставшиеся перетасовал и опять разложил по кучкам.

– Карты меня предостерегали, не стану этого отрицать, предостерегали внятно и недвусмысленно. Любовь, прекрасная брюнетка, опасность, измена и смерть. Ясно как день. Любой дурак бы на моем месте понял, о чем речь, а ведь я имел дело с картами всю жизнь. Шагу, можно сказать, не ступал, не посоветовавшись с ними. Непростительно. Я просто потерял голову. О, вы, люди северных рас, разве вы знаете, что такое любовь, как она лишает сна и аппетита и заставляет таять, словно от лихорадки. Разве вы понимаете, какое это безумство, ты делаешься словно помешанный и ни перед чем не остановишься, только чтобы утолить свою страсть. Такой человек, как я, когда влюбляется, способен на любую глупость, и на любое преступление, *si, señor*,² и на героизм. Он взберется на горы выше Эвереста и переплывет моря шире Атлантики. Он – бог, он – дьявол. Женщины – моя погибель.

Безволосый Мексиканец еще раз перебрал карты в кучках, опять одни отбросил, другие оставил. И перетасовал.

– Меня любило много женщин. Говорю это не из тщеславия. Почему, не знаю. Просто – факт. Поезжайте в Мехико и спросите, что там известно про Мануэля Кармону и его победы. Спросите, много ли женщин устояло перед Мануэлем Кармоной.

Эшенден внимательно смотрел на него, а сам тревожно думал: что, если проницательнейший Р., всегда с таким безошибочным чутьем избиравший орудия своей деятельности, на этот раз все-таки ошибся? Ему было слегка не по себе. Неужели Безволосый Мексиканец действительно считает себя неотразимым, или же он просто жалкий хвостун? Между тем генерал после повторных манипуляций отбросил все карты, кроме четырех последних, и эти четыре вверх рубашками уложил перед собой в ряд. Он по очереди потрогал их одним пальцем, но переворачивать не стал.

¹ Североамериканцами (*исп.*).

² Да, сударь (*исп.*).

– В них – судьба, – произнес он, – и никакая сила на свете не может ее изменить. Я в нерешительности. Всякий раз в последнюю минуту я колеблюсь и принужден делать над собой усилие, чтобы открыть карты и узнать о несчастьи, быть может, меня ожидающем. Я не из трусливых, но были случаи, когда на этом самом месте мне так и не хватало храбрости взглянуть на четыре решающие карты.

И действительно, он поглядывал на карточные рубашки с откровенной опаской.

– Так о чем я вам рассказывал?

– О том, что женщины не могут устоять перед вашим обаянием, – сухо напомнил Эшенден.

– И все же однажды нашлась такая, которая осталась равнодушна. Я увидел ее в одном доме, в casa de mujeres¹ в Мехико, она спускалась по лестнице, а я как раз поднимался навстречу; не такая уж красавица, у меня были десятки куда красивее, но в ней было что-то, что запало мне в душу, и я сказал старухе, которая содержала тот дом, чтобы она ее ко мне прислала. Будете в Мехико, вы эту старуху узнаете, ее там зовут Маркиза.

Она сказала, что та женщина у нее не живет, а только иногда приходит, и что она уже ушла. Я велел, чтобы завтра вечером она меня дожидалась, но на завтра меня задержали дела, и, когда я приехал, Маркиза мне передала от нее, что она не привыкла ждать и уехала. Я человек покладистый, я не против женских капризов и причуд, они придают женщинам прелести, поэтому я только смеюсь, посылаю ей сотенную бумажку и с нею – обещание, что завтра буду пунктуальнее. Но на завтра, когда я являюсь, минута в минуту, Маркиза возвращает мне мою сотню и объясняет, что моей избраннице я не нравлюсь. Такая дерзость меня совсем рассмешила. Я снял у себя с пальца бриллиантовый перстень и велел старухе передать ей – может быть, это заставит ее изменить свое отношение. Утром Маркиза приносит мне за перстень... красную гвоздику. Что тут будешь делать, сердиться или смеяться? Я не привык встречать преграды моим желаниям и никогда не жалею, если нужно потратить деньги (зачем они вообще, как не затем, чтобы тратить их на хорошеньких женщин?), и я велел Маркизе пойти к этой женщине и сказать, что я дам ей тысячу за то, чтобы она сегодня вечером со мной пообедала. Старуха ушла и возвращается с ответом, что та придет, но при условии, что сразу же после обеда я отпущу ее домой. Я пожал плечами и согласился. У меня и в мыслях не было, что она это всерьез, думал, просто набивает себе цену. И вот она приехала обедать ко мне домой. Не особенно красива, так я, кажется, вам сказал? Самая прекрасная, самая очаровательная из всех женщин, каких я встречал в жизни. Я был околдован. И прелестная, и такая остроумная. Все совершенства настоящей андалузской красавицы. Словом, обворожительнейшая женщина. Я спросил, почему она так со мной нелюбезна, – она засмеялась мне в лицо. Я из кожи лез, чтобы расположить ее к себе. Пустил в ход все мое искусство. Превзошел самого себя. Но как только мы кончили обедать, она поднялась из-за стола и простилась, пожелав мне спокойной ночи. Я спросил, куда она собралась. Она отвечает, что я обещал ее отпустить и как человек чести должен сдержать слово. Я спорил, уговаривал, бушевал, безумствовал – она стояла на своем. Единственное, чего мне удалось от нее добиться, это согласия завтра опять прийти ко мне обедать на тех же условиях.

Вы скажете, я вел себя как последний дурак? Я был счастливейший из людей; семь вечеров подряд я платил ей по тысяче за то, что она приходила ко мне обедать. Каждый вечер я ждал, обмирая от волнения, как novillero² перед первым боем быков, и каждый вечер она играла мной, и смеялась, и кокетничала, и доводила меня до исступления. Я влюбился без памяти. Я за всю мою жизнь, ни прежде, ни потом, никого так страстно не любил. Я забыл обо всем на свете. Ни о чем другом не думал. Я патриот, я люблю родину. Нас собрался небольшой кружок единомышленников, и мы решили, что невозможно больше терпеть деспотизм властей, от которого мы так страдаем. Все прибыльные должности доставались другим, нас облагали налогами, словно каких-то торгашей, и постоянно подвергали

¹ Публичный дом (исп.).

² Начинающий тореадор (исп.).

невыносимым унижениям. У нас были средства и были люди. Мы разработали планы и уже приготовились выступить. Мне столько всего нужно было сделать – говорить на сходках, добывать патроны, рассылать приказы, – но я был так околдован этой женщиной, что ничему не мог уделить внимания.

Вы, может быть, думаете, что я сердился за то, что она мной помыкает – мной, который привык удовлетворять свою малейшую прихоть; но я считал, что она отказывает мне не нарочно, не для того, чтобы меня распалить, я принимал на веру ее слова, что она отдастся мне, только когда полюбит. И что от меня зависит, чтобы она меня полюбила. Для меня она была ангел. Ради нее я согласен был ждать. Меня сжигало такое пламя, что рано или поздно, я знал, вспыхнет и она – так степной пожар охватывает все на своем пути. И наконец! Наконец она сказала, что любит. Я испытал безумное волнение, я думал, что упаду и умру на месте. Какой восторг! Какое счастье! Я готов был отдать ей все, что у меня есть, сорвать звезды с неба и украсить ей волосы, мне хотелось сделать для нее что-нибудь такое, чтобы доказать всю безмерность моей любви, сделать невозможное, немыслимое, отдать ей всего себя, свою душу, свою честь, все, все, чем владею и что представляю собой; и в ту ночь, когда она лежала у меня в объятиях, я открыл ей тайну нашего заговора и назвал его зачинщиков. Я кожей ощутил, как она вдруг насторожилась, почувствовал, как вздрогнули ее ресницы, было что-то, сам не знаю что, может быть, холодная, сухая ладонь, гладившая меня по лицу, но меня вдруг пронзило подозрение, и сразу же вспомнилось, что предрекали карты: любовь, прекрасная брюнетка, опасность, измена и смерть. Трижды предостерегли меня карты, а я им не внял. Но виду я не подал. Она прижалась к моему сердцу и пролепетала, что это так страшно, неужели и такой-то замешан? Я ответил, что да. Мне надо было удостовериться. Понемножку, с бесконечной хитростью, между поцелуями она выманила у меня все подробности заговора, и теперь я знал наверняка, как знаю, что вы сейчас тут сидите, что она – шпионка, шпионка президента, подосланная, чтобы завлечь меня дьявольскими чарами и выведать у меня наши секреты. И вот теперь мы все у нее в руках, и если она покинет это помещение, можно не сомневаться, что через сутки никого из нас не будет в живых. А я ее любил, любил; о, слова не в силах передать муку желаний, сжигавших мое сердце! Такая любовь – не радость, это боль, но боль восхитительная, которая слаще радости; небесное томление, которое, говорят, переживают святые, когда их охватывает божественный экстаз. Я понимал, что живая она не должна от меня уйти, и боялся, что, если промедлю, у меня может не хватить храбрости.

– Я, пожалуй, посплю, – сказала она мне.

– Спи, любовь моя, – ответил я.

– *Alma de mi corazon*, – так она меня назвала – «душа моего сердца».

То были ее последние слова. Тяжелые ее веки, темные, как синий виноград, и чуть в испарине, тяжелые ее веки сомкнулись, и скоро по размеренному колыханию ее груди, соприкасающейся с моей, я убедился, что она заснула. Ведь я ее любил, я не мог допустить, чтобы она испытала мучения; да, она была шпионка, но сердце велело мне избавить ее от знания того, чему предстояло свершиться. Странно, но я не питал к ней зла за то, что она предательница; мне следовало бы ненавидеть ее за коварство, но я не мог, я только чувствовал, что на душу мне снизошла ночь. Бедная, бедная. Я готов был плакать от жалости. Я осторожно высвободил из-под нее руку, это была левая рука, правая у меня была свободна, и приподнялся, опираясь на локоть. Но она была так хороша, мне пришлось отвернуться, когда я со всей силой полоснул ножом поперек ее прекрасного горла. Не пробудившись, она от сна перешла в смерть.

Он замолчал, задумчиво глядя на четыре карты, которые все еще дожидались своей очереди, лежа вверх рубашками.

– А на картах все это было. Ну почему я их не послушал? Нет, не хочу на них смотреть. Будь они прокляты. Пусть убираются.

И от взмаха его руки вся колода разлетелась по полу.

– Я неверующий, а все же заказал по ней заупокойную службу. – Он откинулся, свернул

сигарету и глубоко затянулся. Потом пожал плечами и спросил: – Вы ведь, полковник говорил, писатель? Что вы пишете?

– Рассказы, – ответил Эшенден.

– Детективные?

– Нет.

– Почему же? Я лично других не читаю. Если бы был писателем, то непременно писал бы детективы.

– Это очень трудно. Столько всего надо предусмотреть. Один раз я задумал рассказ про убийство, но оно было такое хитроумное, мне самому было непонятно, как разоблачить убийцу, а ведь одно из требований жанра в том как раз и состоит, чтобы тайна в конце раскрывалась и преступник получал по заслугам.

– Если у вас убийство действительно такое хитроумное, единственный способ доказать вину убийцы – это вскрыть мотивы. Когда мотивы обнаружены, появляются шансы наткнуться и на улики, которых раньше не замечали. А без мотивов даже самые красноречивые улики будут неубедительны. Представьте себе, например, что однажды в безлунную ночь на пустынной улице вы подошли к прохожему и вонзили ему нож в сердце. Ну кому придет в голову подумать на вас? Но если это любовник вашей жены, или ваш брат, или если он вас обманул или оскорбил, тогда клочка бумаги, обрывка веревки или случайной обмолвки может оказаться довольно, чтобы привести вас на виселицу. Докопаются, где вы находились в момент убийства. Обязательно найдутся люди, которые вас видели незадолго перед этим и сразу потом. Но если убитый не имел к вам отношения, никому не придет в голову вас заподозрить. Джек-Потрошитель вон ходил себе по городу, покуда не попался прямо с поличным.

Эшенден по нескольким причинам был склонен переменить тему разговора. В Риме им предстояло расстаться, и надо было успеть обо всем условиться. Мексиканец из Рима ехал в Бриндизи, а Эшенден – в Неаполь. Там он намерен был поместиться в «Отель де Белфаст» – большой второразрядной гостинице вблизи порта, в которой останавливались коммивояжеры и туристы попроще. Генералу следовало знать, в каком номере его можно найти, чтобы в случае чего прямо подняться к нему, не справляясь у портье. Поэтому на следующей остановке Эшенден купил в станционном буфете конверт и дал Мексиканцу, чтобы тот своей рукой написал собственное имя и адрес до востребования в Бриндизи. Теперь Эшендену оставалось только вложить листок с номером и опустить письмо в почтовый ящик.

Безволосый Мексиканец пожимал плечами.

– По мне, так все это детские уловки. Риска нет никакого. Ну, а уж если что случится, можете быть уверены, что на вас не падет и тени подозрения.

– Работа такого рода мне плохо знакома, – сказал Эшенден. – Я предпочитаю придерживаться инструкций полковника и знать только то, что мне совершенно необходимо.

– Вот именно. Если обстоятельства вынудят меня прибегнуть к крайним мерам и случится осечка, я, естественно, буду считаться политическим заключенным, а Италия рано или поздно все-таки должна будет выступить на стороне союзников, и меня освободят. Как видите, я все предусмотрел. Но вас я убедительно прошу не беспокоиться об исходе нашего дела, для вас пусть это будет просто пикник на берегу Темзы.

Все же, когда они наконец расстались и Эшенден очутился один в купе на пути в Неаполь, он вздохнул с великим облегчением. Он рад был, что избавился от своего болтливой, зловещего, фантастического спутника. Мексиканец поехал в Бриндизи на встречу с Константином Андреади, а если хотя бы половина из его рассказов – правда, Эшендену оставалось только поздравить себя с тем, что не он находится на месте этого грека. Интересно, что тот за человек? Становилось жутковато при мысли, что он со своими секретными документами и опасными тайнами плывет сейчас по синему Ионическому морю и, ничего не подозревая, засовывает голову прямо в петлю. Ну да война есть война, и только глупцы думают, будто можно воевать в лайковых перчатках.

Грек (пер. И. Бернштейн)

По приезде в Неаполь Эшенден снял комнату в гостинице, печатными цифрами записал номер на листке бумаги и отправил Безволосому Мексиканцу. Потом сходил в британское консульство, куда, по уговору с Р., должны были поступать для него инструкции, – там о нем уже было известно, и стало быть, все в порядке. Он решил, что теперь надо отложить все заботы и пока пожить в свое удовольствие. Здесь, на юге, весна уже был в разгаре, людные улицы заливало жаркое солнце. Эшенден неплохо знал Неаполь. Пьяцца ди Сан-Фердинандо, заполненная оживленной толпой, Пьяцца дель Плебишито, на которой стоит такая красивая церковь, пробудили в его сердце приятные воспоминания. На Страда ди Кьяра было так же шумно, как когда-то. Эшенден останавливался на углах, заглядывал в узкие, круто уходящие вверх проулки, поперек которых между высокими домами сушилось на веревках белье – точно праздничные флажки расцвечивания между мачтами; гулял по набережной, шурясь на ослепительную гладь залива и виднеющийся в дымке Капри. Он дошел до Позилиппо, где в старом просторном палаццо с облупленными стенами провел в юности немало романтических часов. И с изумлением отметил легкую боль, которую ощутил в своем сжавшемся сердце при этой встрече с прошлым. Потом сел в извозчичью пролетку, запряженную приземистой, косматой лошадейкой, и с грохотом покатил по булыжникам обратно до Галереи, а там расположился в холодке за столиком, попивая коктейль *americano*, и стал разглядывать людей, которые сидели и стояли вокруг и без умолку, без устали, оживленно жестикулируя, разговаривали, а он забавлялся тем, что, давая волю воображению, старался по их внешности догадаться, кто они такие в действительной жизни.

Три дня провел Эшенден в полной беспечности, так подходившей к этому фантастическому, неприбранному, приветливому городу. С утра до ночи ничего не делал – только блуждал по улицам, глядя вокруг не глазами туриста, который высматривает то, чем положено любоваться, и не глазами писателя, который ищет всюду свое (и может в красках заката найти красивую фразу или во встречном лице угадать характер), а глазами бродяги, для которого, что ни происходит, все имеет свой законченный смысл. Он сходил в музей взглянуть на статую Агриппины Младшей, которую имел причины вспоминать с нежностью, и воспользовался случаем, чтобы еще рад увидеть в картинной галерее Тициана и Брейгеля. Но всегда возвращался к церкви Санта Кьяра. Ее стройность и жизнерадостность, ее легкое, как бы шутовское обращение с религией и затаенное в глубине взволнованное чувство, ее прихотливые, но изящные линии – все вместе представлялось Эшендену одной несурзой, напыщенной и меткой метафорой этого солнечного, прелестного города и его предприимчивых обитателей. Она говорила о том, что жизнь сладка и печальна; жаль, конечно, что не хватает денег, но деньги – это еще не все; да и вообще, велика ли важность, ведь сегодня мы есть, а завтра нас уж нет; и все это довольно забавно и увлекательно, и в конце концов приходится приспосабливаться: *fecciamo una piccola combinazione*.¹

Но на четвертое утро, как раз когда Эшенден, выйдя из ванны, делал попытку вытереться полотенцем, которое не впитывало влагу, дверь его номера вдруг приотворилась, и в комнату быстро проскользнул какой-то человек.

– Что вам угодно? – вскрикнул Эшенден.

– Не волнуйтесь. Это я.

– Господи Боже, Мексиканец! Что это вы с собой сделали?

Парик на нем был теперь черный, коротко остриженный, плотно, как шапочка, облегавший голову. Это решительно изменило его внешность, она была по-прежнему очень странной, но совершенно иной. И одет он был в поношенный серый костюм.

– Я только на мгновение. Пока он бреется.

Эшенден почувствовал, как у него зарделись щеки.

– Значит, вы его нашли?

¹ Заключим небольшую сделку (*um.*).

– Это не представляло труда. Он был единственный пассажир-грек на судне. Я поднялся на борт, как только они встали у причала, и объяснил, что приехал встретить знакомого из Пирея, которого зовут Георгий Диогенидис. Выяснилось, что такого нет, я очень удивился, ну и разговорился с Андреади. Он путешествует под другим именем, зовет себя Ломбардос. Когда он сошел на берег, я последовал за ним, и знаете, что он предпринял первым делом? Зашел в парикмахерскую и велел сбрить себе бороду. Что вы на это скажете?

– Ничего. Всякий может сбрить бороду.

– А вот я думаю иначе. Он хочет изменить свою внешность. О, это хитрец. Уважаю немцев, они ни одной мелочи не упустят, у него легенда – не подкопаешься, сейчас расскажу.

– Вы, кстати сказать, тоже изменили внешность.

– А, да-да, парик другой; большая разница, правда?

– Я бы вас ни за что не узнал.

– Надо быть осторожным. Мы с ним закадычные друзья. В Бриндизи пришлось провести целый день, а он по-итальянски ни полслова. Так что он рад был моей помощи. Мы с ним приехали вместе. Я привез его прямо в эту гостиницу. Он говорит, что завтра едет в Рим, но я не спускаю с него глаз, он от меня не улизнет. Теперь он якобы собирается осмотреть Неаполь, и я предложил показать ему все, что тут есть интересного.

– А почему он не едет в Рим прямо сегодня?

– Понимаете, тут все взаимосвязано. Он прикидывается греческим дельцом, разбогатевшим во время войны. Будто бы ему принадлежали два каботажных пароходика. Он их недавно продал и теперь едет кутить в Париж. Говорит, что всю жизнь мечтал побывать в Париже и вот теперь желание его исполняется. Себе на уме человек. Я чего только ни делал, чтобы его разговорить, рассказал, что я испанец, что был в Бриндизи для установления связей с Турцией по вопросу о военных материалах. Он слушал, видно было, что заинтересовался, но сам – ни слова, ну а я, естественно, не стал нажимать. Бумаги у него при себе.

– Откуда вы знаете?

– Он не беспокоится о своем чемодане, зато все время щупает себе поясницу. Они у него либо в поясе, либо под подкладкой жилета.

– А за каким чертом вы притащили его в эту гостиницу?

– По-моему, так будет удобнее. Возможно, нам понадобится обыскать его багаж.

– Так вы тоже здесь остановились?

– Нет, я не такой дурак. Я сказал ему, что уезжаю в Рим ночным поездом и поэтому номер мне не нужен. Но мне пора, я условился встретиться с ним в парикмахерской через четверть часа.

– Ну хорошо.

– Где я вас найду сегодня вечером, если вы мне понадобится?

Эшенден задержал взгляд на Безволосом Мексиканце, а потом, хмурясь, отвернулся.

– Я буду сидеть в номере.

– Прекрасно. Взгляните-ка, в коридоре никого нет?

Эшенден открыл дверь и выглянул. Никого не было видно. В это время года гостиница вообще пустовала. Иностранцев в городе почти не было, наплыв гостей начинался позже.

– Все в порядке, – сказал Эшенден.

Безволосый Мексиканец бесстрашно вышел в коридор. Эшенден закрыл за ним дверь. Потом побрился, медленно оделся. На площади по-прежнему сияло солнце, все так же мельтешили прохожие и обтерханные экипажи, запряженные тощими лошаденками, но они больше уже не наполняли душу Эшендена беззаботным весельем. Ему было не по себе. Он сходил в консульство, справился, как обычно, нет ли для него телеграммы. Ничего не было. Потом зашел к Куку, посмотрел расписание поездов на Рим: один отправлялся сразу после полуночи, другой в пять утра. Хорошо бы успеть на первый. Какие планы у Мексиканца, он не знал; если действительно ему надо на Кубу, наверное, удобнее всего ехать через Испанию; и Эшенден высмотрел ему пароход до Барселоны, который отплывал из Неаполя на

следующий день.

Неаполь прискучил Эшендену. От яркого солнца устали глаза, на улицах несносная пылица, нестерпимый грохот. Он выпил коктейль в Галерее. Посидел. Потом сходил в кино. К вечеру, вернувшись в гостиницу, сказал портье, что завтра чуть свет уезжает и поэтому хочет расплатиться сейчас, а когда с этим было покончено, свез вещи на вокзал, оставив только портфель, в котором у него лежал ключ к шифру и две-три книги для чтения. Потом поужинал. И наконец, вернувшись к себе в номер, уселся ждать Безволосого Мексиканца. Он вынужден был признаться себе, что сильно нервничает. Взялся было читать – книга оказалась нудная; попробовал другую – но не смог сосредоточиться. Посмотрел на часы – было еще безнадежно рано. Снова открыл книгу, дав себе обещание не глядеть на часы, пока не прочитает тридцать страниц, но только исправно водил глазами по строчкам и переворачивал страницы, почти совсем не сознавая прочитанного. Опять взглянул на часы – Боже милосердный, только половина одиннадцатого! Интересно, где сейчас Безволосый Мексиканец? Что делает? Как бы не наломал дров. Ужасно. Пожалуй, надо закрыть окно и задернуть шторы. Он выкурил бесчисленное множество сигарет. Посмотрел на часы – четверть двенадцатого. Мелькнула одна мысль, от которой бешено забилося сердце; для интереса он сосчитал свой пульс, но пульс, как ни странно, оказался в норме. Ночь была теплой, в комнате стояла духота, но руки и ноги у Эшендена были ледяные. До чего неприятно иметь богатое воображение, которое рисует яркие картины, хотя вовсе не хочется их видеть! Как писатель, Эшенден часто помышлял об убийстве – вот и теперь на память ему пришла страшная история, описанная в «Преступлении и наказании». Думать об этом не хотелось, но мысли сами лезли в голову, книга лежала забытая на коленях, и, глядя в стену (обои были коричневые в блеклых розочках), он стал прикидывать, как лучше всего можно совершить убийство в Неаполе. Ну конечно, ведь здесь есть большой сад с аквариумом на берегу залива; ночью в нем безлюдно и очень темно – под покровом тьмы там творятся разные черные дела, и люди благоразумные стараются после наступления сумерек держаться подальше от его зловещих аллей. Дорога за Позилиппо совсем пустынна, от нее отходят кверху проселки, на них ночью не встретишь ни души, но как заманишь туда человека, если он не бесчувственный чурбан? Можно пригласить его покататься на лодке по заливу, но лодочник, у которого будешь нанимать лодку, вероятно, вас запомнит, да и вообще навряд ли он пустит вас кататься одних; есть портовые гостиницы, где не задают вопросов приезжающим среди ночи и без багажа; но опять же, слуга, провожая тебя в номер, сумеет хорошо разглядеть твое лицо, да еще надо будет заполнить книгу регистрации.

Эшенден опять посмотрел на часы. Он страшно устал. Теперь он сидел просто так, не пытаясь больше читать и ни о чем не думая.

Дверь бесшумно открылась. Он вскочил. По коже побежали мурашки. Перед ним стоял Безволосый Мексиканец.

– Я вас испугал? – с улыбкой осведомился он. – Я подумал, что лучше будет войти без стука.

– Видел вас кто-нибудь?

– Меня впустил ночной портье; он спал, когда я позвонил у парадного, и на меня даже не взглянул. Извините, что так поздно, но мне надо было переодеться.

На Безволосом Мексиканце был теперь прежний франтоватый костюм и светлый парик, в котором он приехал. Это опять разительно изменило его наружность. Он казался теперь выше, ярче; даже лицо стало другое. Глаза блестели, видно было, что человек в отличном расположении духа. Он мельком взглянул на Эшендена.

– Что это вы так бледны. Мой друг? Неужели нервничаете?

– Вы достали документы?

– Нет. При нем их не оказалось. Вот все, что у него было.

Он положил на стол пухлый бумажник и паспорт.

– Этого мне не нужно, – быстро сказал Эшенден. – Уберите.

Безволосый Мексиканец пожал плечами и упрятал все к себе в карман.

– А что же было в поясе? Вы говорили, что он все время щупает себе поясницу.
– Только деньги. Я перебрал бумажник. Там частные письма и фотографии женщин. Должно быть, он сегодня, перед тем как встретиться со мной, переложил документы в чемодан.

– Черт, – простонал Эшенден.

– Вот ключ от его номера. Нам с вами надо пойти и просмотреть его багаж.

У Эшендена заныло под ложечкой. Он замялся. Мексиканец добродушно усмехнулся.

– Опасности никакой, *amigo*,¹ – сказал он, словно успокаивал ребенка. – Но если вам так не хочется, я пойду один.

– Нет, пойдем вместе, – ответил Эшенден.

– В гостинице все спят крепким сном, ну а господин Андреади нас не потревожит. Можете разуться, если хотите.

Эшенден промолчал. Он заметил, что пальцы у него слегка дрожат, и поморщился. Он расшнуровал и скинул ботинки. Мексиканец сделал то же самое.

– Ступайте, вы первый, – сказал он. – Сверните налево, и прямо по коридору. Комната тридцать восемь.

Эшенден открыл дверь и первым вышел в коридор. Здесь было полутемно, лампы горели тускло. Он нервничал и досадовал на себя за это, тем более что его спутник явно не испытывал ни малейшего волнения. Они подошли к двери. Безволосый Мексиканец вставил ключ в замочную скважину, повернул и вошел в номер. Зажег свет. Эшенден вошел следом и закрыл за собой дверь. Жалюзи на окне были опущены.

– Ну вот, теперь все в порядке. Можно не спешить.

Мексиканец вынул из кармана связку ключей, стал пробовать их наудачу, и наконец один подошел. В чемодане лежали носильные вещи.

– Дешевка, – презрительно заметил Мексиканец, вытаскивая их по одной. – Мой принцип – покупать самое лучшее, это всегда в итоге оказывается дешевле. Одно из двух: либо ты джентльмен, либо нет.

– Вам обязательно разговаривать? – буркнул Эшенден.

– Привкус опасности воздействует на людей по-разному. Меня она просто возбуждает, а вас приводит в дурное расположение духа, дружище.

– Дело в том, что мне страшно, а вам нет, – честно признался Эшенден.

– Это все нервы.

Одновременно Мексиканец быстро, но тщательно прощупывал вынимаемую одежду. Никаких бумаг в чемодане не было. Тогда он вытащил нож и надрезал подкладку. Чемодан был дешевенький, подкладка приклеена прямо к дерматину, ничего лежать там не могло.

– Тут их нет... Наверно, спрятаны где-то в комнате.

– А вы уверены, что он их никуда не сдал? В какое-нибудь консульство, например?

– Я ни на минуту не упускал его из виду, разве только когда он брился.

Безволосый Мексиканец выдвинул ящики комода, распахнул дверцы шкафа. Ковра на полу не было, но под кровать, под матрац, в постель он заглянул. Его цепкие черные глаза обшарили в поисках тайника все стены, все углы.

– Может быть, он оставил их внизу у портье?

– Я бы знал. И он не рискнул бы. Их здесь нет. Непонятно.

Он еще раз недоуменно оглядел комнату, сосредоточенно наморщив лоб.

– Уйдем отсюда, – сказал Эшенден.

– Одну минуту.

Мексиканец опустился на колени и ловко и аккуратно упаковал обратно в чемодан вынутую одежду. Щелкнул замком, встал. Потом выключил свет, осторожно открыл дверь, выглянул в коридор. И, сделав знак Эшендену, вышел. Эшенден вышел следом, и тогда Мексиканец запер номер, спрятал ключ в карман, и они вместе вернулись в комнату Эшендена. Дверь за собой они заперли на задвижку, и Эшенден вытер потные ладони и лоб.

¹ Дружище (*исп.*).

– Слава Богу, выбрались!

– Не было ни малейшей опасности. Но что нам теперь делать? Полковник рассердится, что мы не добыли документы.

– Я уезжаю пятичасовым в Рим. И оттуда телеграфно запрошу инструкций.

– Очень хорошо, я еду с вами.

– Я считал, что вам лучше поскорее уехать из страны. Завтра отплывает пароход до Барселоны. Почему бы вам не отправиться на нем, а я, если понадобится, вас там найду.

Безволосый Мексиканец слегка ухмыльнулся.

– Я вижу, вам не терпится от меня избавиться. Ну что ж, не буду противиться вашему желанию, оно извинительно ввиду вашей неопытности. Поеду в Барселону. У меня есть испанская виза.

Эшенден посмотрел на часы. Самое начало третьего. Еще почти три часа ожидания. Его гость непринужденно свернул себе сигарету.

– Что бы вы сказали насчет небольшого ужина? – предложил он. – Я проголодался, как волк.

Мысль о еде была Эшендену отвратительна, его только мучила жажда. Идти куда-то вместе с Безволосым Мексиканцем не хотелось, но и оставаться одному в гостинице тоже было не заманчиво.

– А куда можно сунуться в такое время?

– Пошли. Я вас отведу.

Эшенден надел шляпу, взял с собой портфель. Они спустились по лестнице. В холле на тюфяке, расстеленном прямо на полу, спал ночной портье. Ступая осторожно, чтобы не разбудить его, Эшенден прошел мимо конторки и увидел в ящичке со своим номером конверт. Вынул – действительно, конверт был адресован ему. Они на цыпочках вышли на улицу, прикрыв за собой дверь. И быстро зашагали прочь. Отойдя шагов на сто, Эшенден остановился под фонарем, достал письмо и прочел; писали из консульства: «Вложенная телеграмма поступила сегодня вечером, на всякий случай отправляю ее к вам в гостиницу с посыльным». Видимо, ее доставили ближе к полуночи, когда Эшенден сидел и ждал у себя в номере. Телеграмма оказалась шифрованная.

– Подождет, – сказал он и сунул ее в карман. Безволосый Мексиканец шел уверенно, по-видимому, он хорошо ориентировался на пустынных ночных улицах. Эшенден шагал с ним рядом. Наконец они дошли до какой-то дрянной и шумной таверны в одном из пристанских тупиков.

– Правда, не «Ритц», – сказал Мексиканец, входя, – но об эту ночную пору только в таких заведениях и могут накормить человека.

Они очутились в длинном смрадном помещении; в дальнем конце сидел за фортепьяно старообразный юнец; у противоположных стен торцами стояли столы, возле столов – скамьи. Здесь находилось с десятков посетителей, мужчин и женщин. Пили вино и пиво. Женщины сидели страшные, старые, размалеванные, их грубое веселье было шумным и в то же время безжизненным. Они все обернулись навстречу входящим Эшендену и Мексиканцу; и Эшенден, усевшись за стол, не знал, куда смотреть, чтобы только не встретиться с этими искательными, плотоядными взглядами, готовыми загореться зазывной улыбкой. Старообразный пианист заиграл какую-то музыкашку, и несколько пар поднялись и пошли танцевать. Мужчин не хватало, некоторые женщины танцевали одна с другой. Генерал заказал две порции спагетти и бутылку каприйского вина. Как только вино подали, он с жадностью выпил полный стакан и, сидя в ожидании еды, разглядывал женщин за другими столами.

– Вы не танцуете? – спросил он Эшендена. – Я сейчас приглашу какую-нибудь из этих девочек.

Эшенден сидел и смотрел, а Мексиканец встал, подошел к одной, у которой были по крайней мере блестящие глаза и белые зубы; она поднялась, и он обхватил ее за талию. Танцевал он превосходно. Эшенден видел, как он заговорил со своей дамой, как она

рассмеялась, и вот уже безразличное выражение, с которым она приняла его приглашение, сменилось заинтересованным. Скоро уже оба весело болтали. Потом танец кончился, Безволосый Мексиканец отвел ее на место, а сам вернулся к Эшендену и выпил еще стакан вина.

– Как вам моя дама? – спросил он. – Неплоха, верно? Приятная вещь танцы. Почему бы и вам не пригласить какую-нибудь? Прекрасное местечко, а? Можете на меня положиться, я всегда приведу куда надо. У меня инстинкт.

Пианист снова заиграл. Женщина вопросительно оглянулась на Безволосого Мексиканца и, когда он большим пальцем указал ей туда, где топтались пары, с готовностью вскочила со скамьи. Он застегнул на все пуговицы пиджак, выгнул спину и ждал, стоя сбоку у стола. Она подошла к нему, он рванул ее с места, и они поскакали, разговаривая, смеясь, и оказалось, что он уже со всеми в таверне на дружеской ноге. По-итальянски, с испанским акцентом он перешучивался то с тем, то с этим. Его остроты вызывали смех. Когда же официант принес две тарелки спагетти, Мексиканец, увидев еду, без долгих церемоний бросил свою даму, предоставив ей самостоятельно возвращаться на место, и поспешил к себе за стол.

– Умираю с голоду, – сказал он. – А ведь сытно поужинал. Вы где ужинали? Поешьте немного, а?

– Аппетита нет, – ответил Эшенден.

Однако придвинул тарелку и, к удивлению своему, обнаружил, что тоже голоден. Безволосый Мексиканец ел, набивая рот и получая от еды огромное удовольствие; он поглядывал вокруг блестящими глазами и, не умолкая, разговаривал. Его дама успела рассказать ему все о себе, и теперь он пересказывал Эшендену историю ее жизни. Он отламывал и запихивал в рот огромные куски хлеба. И распорядился принести еще бутылку вина.

– Что вино! – презрительно кричал он. – Вино – это не напиток, вот разве только шампанское. А это все даже жажду не утоляет. Ну как, дружище, получше чувствуете себя?

– Должен признаться, что да, – улыбнулся Эшенден.

– Практика, вот все, чего вам недостает, немного практики.

Он потянулся через стол и похлопал Эшендена по плечу.

– Что это? – вскрикнул Эшенден, весь передернувшись. – Что за пятно у вас на манжете?

Безволосый Мексиканец скосил глаза на край своего рукава.

– Ах, это? Да ничего. Всего-навсего кровь. Несчастный случай, порезался немного.

Эшенден молчал. Глаза его сами отыскивали циферблат часов над входной дверью.

– Беспокойтесь, как бы не опоздать на поезд? Еще один последний танец, и я вас провожу на вокзал.

Мексиканец поднялся, со свойственной ему великолепной самоуверенностью подхватил ближайшую женщину и пустился танцевать. Эшенден хмуро водил за ним глазами. Конечно, он страшный, чудовищный человек, и эта его голая рожа в обрамлении белокурого парика – бр-р-р; но двигался он с бесподобной грацией, небольшие ступни мягко упирались в пол, точно кошачьи или тигриные лапы, и видно было, что свою бедную размалеванную даму он совсем закружил и околдовал. Музыка пронизала его с головы до ног, музыка жила в его крепких, загребущих руках и в длинных ногах, так странно шагающих прямо от бедра. Зловещее, кошмарное существо, но сейчас в нем было какое-то хищное изящество, даже своего рода красота – невозможно было, вопреки всему, им тайно не залюбоваться. Эшендену он напомнил каменные изваяния доацтекской эпохи, в которых грубый примитив сочетается с жизненной силой, в которых есть что-то страшное и жестокое и одновременно есть своя вдумчивая, осмысленная прелесть. Но все равно он бы с удовольствием предоставил Мексиканцу самому коротать остаток ночи в этом жалком притоне, если бы не деловой разговор, который еще надо было с ним провести. Предстоящее объяснение не сулило ничего приятного. Эшенден был уполномочен вручить Мануэлю Кармоне некоторую

сумму в обмен на некие документы. Однако документов нет, и взяться им неоткуда, а больше Эшенден знать ничего не знал, дальнейшее его не касалось.

Безволосый Мексиканец, вальсируя мимо, помахал ему рукой.

– Буду с вами, как только кончится музыка. Расплатитесь пока, и я как раз появлюсь.

Неплохо бы знать, что у него на уме. Эшенден даже отдаленно себе этого не представлял.

Мексиканец, отирая надушенным платком пот со лба, подошел к столу.

– Хорошо повеселились, генерал?

– Я всегда веселюсь в свое удовольствие. Конечно, это все белая голь, но мне что за дело? Я люблю почувствовать тело женщины у себя в руках, и чтобы глаза у нее затуманились и губы приоткрылись, и чтобы она вся млела и таяла передо мной, как сливочное масло на солнце. Голь-то они голь, да все-таки женщины.

Мексиканец и Эшенден вышли на улицу. Генерал предложил идти пешком – в это время ночи и в этом квартале такси поймать немыслимо. Небо было звездным – стояла по-настоящему летняя, тихая ночь. Безмолвие шагало об руку с ними, точно тень убитого. Когда подошли к вокзалу, силуэты зданий вдруг оказались серее и четче; чувствовалось, что близок рассвет, и воздух пробрала мимолетная дрожь. То был извечно волнующий миг, когда душа замирает в страхе, унаследованном от несчетных прежних поколений: а вдруг случится так, что новый день не настанет?

Они вошли в помещение вокзала и снова очутились во власти ночи. Там и сям отдыхали носильщики, словно рабочие сцены, которым нечего делать после того, как опущен занавес и убраны декорации. Неподвижно стояли на посту два солдата в неразличимой форме.

Зал ожидания пустовал, но Эшенден и Безволосый Мексиканец на всякий случай прошли и уселись в самом дальнем углу.

– У меня еще целый час до поезда. Посмотрим, о чем телеграмма.

Эшенден достал из кармана телеграмму, а из портфеля – ключ к шифру. Шифр, которым он тогда пользовался, был не очень сложен. Ключ состоял из двух частей, одна содержалась в тоненькой книжице у него в портфеле, другую, уместившуюся на одном листке, который он получил и уничтожил перед тем как оказаться на чужой территории, он хранил в памяти. Эшенден надел очки и приступил к работе. Безволосый Мексиканец сидел в углу деревянного дивана, сворачивал сигареты и курил; он не обращал внимания на то, что делает Эшенден, а просто предавался заслуженному отдыху. Эшенден одну за другой расшифровывал группы цифр и по ходу дела записывал на листок каждое разгаданное слово. Его метод состоял в том, чтобы до завершения работы не вдумываться в смысл, иначе, как он убедился, начинаешь поневоле делать преждевременные выводы, что может привести к ошибке. Так он сидел и механически записывал слово за словом, не сознавая, что они значат. И только когда наконец все было готово, прочел телеграмму целиком. Текст ее был такой:

«Константин Андреади задержался в Пирсе ввиду болезни. Прибыть Неаполь не сможет. Возвращайтесь Женеву и ждите инструкций».

Сначала Эшенден не понял. Перечитал еще раз. Он чувствовал, как с ног до головы его начинает бить дрожь. И вне себя выпалил бешеным, сиплым шепотом, совершенно утратив на миг свою хваленую выдержку:

– Чертов болван! Вы не того убили!

Поездка в Париж (пер. А. Ливергант)

Эшенден любил говорить, что ему никогда не бывает скучно. В соответствии с его представлениями скучать обречены лишь те, кто не способен жить внутренней жизнью. Надо быть последним глупцом, полагал он, чтобы рассчитывать, будто внешний мир в состоянии

развеять скуку. Эшенден никогда на свой счет не обольщался, и поэтому литературный успех, выпавший на его долю, голову ему не вскружил. Он прекрасно знал, в чем отличие истинной славы от громкого имени, которое приобретает автор нашумевшего романа или с успехом сыгранной пьесы, и поэтому к дешевой популярности был равнодушен, хотя и не пренебрегал теми ощутимыми преимуществами, какими обладает литературная знаменитость. Он, например, нередко пользовался своим именем, дабы получить лучшую каюту, чем ту, за которую было уплачено; если же таможенник не рылся в его чемоданах, поскольку недавно прочел его новеллы, Эшенден с удовлетворением отмечал, что в занятии литературой есть и свои положительные стороны. Он потихоньку вздыхал, когда не в меру пытливые студенты театральных училищ забрасывали его вопросами о драматургическом мастерстве; когда же юные дамы, заливаясь румянцем и запинаясь от смущения, шептали ему на ухо, в какой восторг приводят их его романы, ему и вовсе хотелось провалиться сквозь землю. Вместе с тем он полагал себя человеком умным, а ум и скука несовместимы. Он и в самом деле мог подолгу, с неподдельным интересом беседовать с людьми, которых единодушно считали такими непереносимыми занудами, что даже их собственные друзья бежали от них, как от кредиторов. Правда, в данном случае интерес этот, быть может, объяснялся чисто профессиональным инстинктом, который редко ему изменял, ведь люди эти служили материалом для его книг и утомляли его, следовательно, ничуть не больше, чем археолога – древние захоронения. Теперь же скучать ему и вовсе не приходилось: у него было все, о чем мог мечтать любой разумный человек. Он жил в первоклассном номере солидного женевского отеля, а Женева, как известно, является одним из самых уютных городов Европы. Он брал лодку и катался по Женевскому озеру либо садился в седло и ехал шагом по гравиевым дорожкам в предместье Женевы – переходить на галоп в этом добропорядочном, ухоженном кантоне было, по существу, негде. Он бродил пешком по старым женевским улочкам, пытаясь уловить дух старины в серых каменных особняках, непроницаемых и величественных. Он с удовольствием перечитывал «Confessions» Руссо и во второй или третий раз безуспешно попытался осилить «La Nouvelle Heloise».¹ Он писал. Знакомств он завел мало, ибо ему надлежало находиться в тени, но часто перекидывался словом с другими постояльцами гостиницы и одиноким себя не чувствовал. Он жил достаточно полной, разнообразной жизнью, а когда делать было совсем нечего, он с удовольствием проводил время наедине с самим собой. Иными словами, в подобных обстоятельствах скучать Эшендену не приходилось, и все же в неопределенном будущем, точно крошечное облачко на голубом небе, перед ним маячила досадная перспектива скуки. Рассказывают, что однажды Людовик XIV вызвал придворного, который должен был сопровождать его на какую-то официальную церемонию. Когда придворный явился, монарх, который был уже готов, встретил его язвительной фразой «J'ai failli attendre», что в весьма приблизительном переводе означает: «Мне чуть было не пришлось вас ждать». С тем же успехом мог бы сказать про себя и Эшенден: «Мне чуть было не пришлось скучать».

Возможно, размышлял он, когда ехал вдоль озера на пегой лошади с тяжелым крупом и короткой шеей, из тех горячих, то и дело встающих на дыбы лошадей, которых можно увидеть на старых картинах (пегая, впрочем, не только не вставала на дыбы, но даже легкой рысью бежала нехотя под шпорами), возможно, крупные чины британской разведки, которые из своих лондонских кабинетов управляют всей этой гигантской машиной, живут исключительно полноценной жизнью; они переставляют фигуры на огромной шахматной доске, распутывают сложнейшие узоры, вышитые многоцветными нитями (Эшенден не брезговал метафорой), составляют одну большую картину из множества маленьких... Для него же, мелкой – не чета им – сошки, работа в разведке была отнюдь не таким уж увлекательным делом, как это казалось со стороны. И то сказать, обязанности Эшендена были не менее однообразными и унылыми, чем у самого обыкновенного клерка. Через строго определенные промежутки времени он встречался со своими осведомителями и выплачивал им жалованье, когда же удавалось завербовать очередного агента, он его нанимал, давал ему

¹ «Исповедь», «Новая Элоиза» – произведения Жан-Жака Руссо.

соответствующие инструкции и отсылал в Германию; он получал и пересылал секретную информацию; раз в неделю он переходил французскую границу для встречи со своим французским связным и для получения приказов из Лондона; по рыночным дням он отправлялся на женеvский рынок, где встречался со старухой молочницей, сообщавшей ему о том, что происходит на другом конце озера; он слушал во все уши и смотрел во все глаза, и, наконец, он строчил длиннейшие отчеты, в одном из которых, будучи убежден, что их никто не читает, позволил себе однажды шутливое замечание, за что по причине неподобающего легкомыслия был примерно и резко отчитан. Работа, которую он выполнял, была, по-видимому, необходима, но от этого не менее однообразна. В какой-то момент от нечего делать он решил было поволочиться за баронессой фон Хиггинс. В то время у него не оставалось сомнений, что баронесса является агентом Австрии, и Эшенден с нетерпением ждал предстоящей словесной дуэли. Ему было очень любопытно, кто кого перехитрит. Он заранее знал, что баронесса попытается его обмануть, и, чтобы не попасть в расставленные ею сети, ему пришлось бы хорошенько пошевелить мозгами. Оказалось, что и баронесса тоже не прочь развлечься. Он посылал ей цветы и получал в ответ короткие пыльные записочки. Она согласилась покататься с ним в лодке по озеру и, опустив длинные белые пальцы в воду, рассуждала о любви и красноречиво вздыхала. В тот вечер они вместе пообедали и пошли на «Ромео и Джульетту» – пьеса шла во французском прозаическом переводе. Эшенден еще окончательно не решил, насколько далеко он собирается зайти в своем флирте с баронессой, как вдруг получил весьма резкую записку от Р., который интересовался, что это он затеял, ибо до Р. «дошли сведения», что Эшенден много времени проводит в обществе женщины, которая называет себя баронессой фон Хиггинс и является агентом Германии и Австрии, в связи с чем, писал Р., крайне нежелательно, если бы отношения с ней выходили за рамки дружески вежливых. Эшенден пожал плечами. Р., несомненно, считал его глупее, чем он был на самом деле. Этот случай впервые навел Эшендена на мысль, что в Женеве, по всей видимости, находился человек, в чьи обязанности входило не спускать с него, Эшендена, глаз. Кто-то явно получил приказ следить за тем, чтобы Эшенден не пренебрегал своими обязанностями и не допускал оплошностей. Это неожиданное открытие несколько не позабавило Эшендена. Какой же все-таки дошлый и беспринципный тип этот Р.! Какая предусмотрительность! Не допускает ни малейшего риска, никому не доверяет, пользуется сведениями, которые поставляют ему осведомители, однако о самих осведомителях мнения, в сущности, был самого невысокого. Эшенден стал присматриваться к окружающим его людям, пытаясь опознать того, кто мог сообщить Р. о его флирте с баронессой. Быть может, это один из официантов в ресторане отеля? Эшенден знал, что Р. широко пользуется услугами официантов: многое происходит у них на глазах, они имеют доступ к самой свежей информации. Не исключено также, что Р. получил эти сведения от самой баронессы: Эшенден несколько бы не удивился, если бы выяснилось, что фон Хиггинс завербована разведкой одной из стран Тройственного союза. В дальнейшем Эшенден оставался с баронессой подчеркнуто вежлив, однако знаки внимания оказывать ей перестал.

Он повернул лошадь и легкой рысью поехал обратно в Женеву. Грум из конюшен уже поджидал его у дверей отеля, и, перекинув ногу через седло, Эшенден спешил и вошел в вестибюль. Вместе с ключом портье вручил ему телеграмму следующего содержания:

«Тетя Мэгги серьезно больна. Остановилась отеле „Лотти“ Париже. Если можно, приезжай ее навестить. *Реймонд*».

Именем «Реймонд» иногда в шутку подписывал свои письма Р., а поскольку у Эшендена, к несчастью, не было никакой тетушки Мэгги, он заключил, что это приказ ехать в Париж. Эшендену всегда казалось, что в свободное время Р. увлекается чтением детективов: вероятно, поэтому он нередко, находясь в хорошем настроении, имел странную привычку подражать в своих письмах стилю дешевых криминальных романов. Если Р. пребывал в

отличном расположении духа, это означало, что он собирается нанести противнику удар; когда же удар был нанесен, настроение у него портилось и он срывал свое раздражение на подчиненных.

С нарочитой небрежностью швырнув телеграмму на стойку, Эшенден спросил портье, в котором часу уходит парижский поезд, после чего мельком взглянул на висевшие на стене часы – успеть бы до закрытия консульства получить французскую визу. Когда он направился к лифту, чтобы подняться к себе в номер за паспортом, портье вдогонку ему крикнул:

– Мсье, вы забыли телеграмму!

– Вечно я все забываю! – бросил Эшенден.

Теперь Эшенден мог быть спокоен: если австрийской баронессе почему-то станет интересно, с какой стати ему вдруг понадобилось срочно выехать в Париж, она обнаружит, что его отъезд вызван болезнью пожилой родственницы. Перестраховаться, особенно в это беспокойное военное время, никогда не вредно. Во французском консульстве его знали, и получение визы много времени не заняло. Вернувшись в отель, он поручил портье взять билет на поезд и, поднявшись наверх, принял ванну и переоделся. Неожиданный отъезд ничуть его не смущал. Он любил путешествовать. В поездках он спал хорошо, а если и просыпался от неожиданного толчка, то с удовольствием лежал некоторое время без сна в маленьком, уютном купе спального вагона, курил сигарету и наслаждался одиночеством. Под мерное постукивание колес так хорошо думается! Несешься себе сквозь мрак, словно звезда в космосе. А в конце пути всегда поджидает неизвестность.

В Париже было прохладно, моросил дождь; Эшенден был небрит, ему хотелось поскорей принять ванну и надеть чистое белье, но в настроении он находился превосходном. Прямо с вокзала он позвонил Р. и спросил, как здоровье тети Мэгги.

– Судя по тому, как быстро вы приехали, судьба тетушки вам далеко не безразлична. Отрадно, отрадно, – сказал Р., с трудом сдерживая смех. – К сожалению, тетушка очень плоха, но, я уверен, ей станет лучше, когда она увидит любимого племянника.

«Р. совершает типичную ошибку юмориста-любителя, который в отличие от юмориста-профессионала подолгу развивает шутку, – подумал Эшенден. – Шутник должен относиться к своей шутке так же небрежно, легкомысленно, как пчела к цветку. Пошутил и забыл. Разумеется, нет ничего дурного, если, подобно подлетающей к цветку пчеле, он немного пожужжит – надо же объявить туго соображающему миру, что готовится шутка». Впрочем, Эшенден в отличие от большинства профессиональных юмористов был к любительскому юмору терпим и поэтому ответил Р. в его же духе:

– Как вы думаете, – спросил он, – когда бы она могла принять меня? – На противоположном конце провода раздался приглушенный смех. Эшенден вздохнул.

– Полагаю, она захочет к вашему приходу привести себя в порядок, – сказал Р. – Вы же ее знаете, на людях она предпочитает быть в форме. Половина одиннадцатого вас устроит? Посидите у нее, а потом мы могли бы где-нибудь вместе перекусить, хорошо?

– Прекрасно. В половине одиннадцатого я буду в «Лотти».

Когда Эшенден, умытый и посвежевший, приехал в отель, в вестибюле его встретил адъютант и проводил наверх, в номер Р. Приоткрыв дверь, он пригласил Эшендена войти.

Стоя спиной к ярко пылающему камину, Р. что-то диктовал своему секретарю.

– Садитесь, – сказал он, продолжая диктовать. Эшенден осмотрелся. Гостиная была уютной и красиво обставленной. Букет роз на столе выдавал присутствие женщины. Массивный круглый стол был завален бумагами. За то время, что они с Эшенденом не виделись, Р. заметно постарел. Морщин на его худом, желтом лице прибавилось, редкие волосы поседели. Тяжелая работа сказывалась. Р. себя не щадил: каждое утро, что бы ни случалось, вставал ровно в семь и работал до глубокой ночи. Чистый, с иголки китель дорогого сукна висел на нем, как на вешалке.

– На сегодня все, – сказал он секретарю. – Забирайте бумаги и садитесь за машинку. До обеда я все подпишу. – И, повернувшись к адъютанту, добавил: – Я занят, меня не беспокоить.

Секретарь, младший лейтенант лет тридцати, судя по всему, призванный в армию резервист, собрал бумаги и покинул комнату. Адъютант последовал за ним.

– Подождите за дверью, – сказал адъютанту Р. – Если понадобится, я вас вызову.

– Слушаюсь, сэр.

Когда они остались одни, Р. повернулся к Эшендену и с ласковым – для себя – видом спросил:

– Добрались благополучно?

– Да, сэр.

– Как вам мои апартаменты? – Р. окинул взглядом комнату. – Недурно, а? Надо же чем-то компенсировать трудности военного времени.

Беспечно болтая, Р. в то же время внимательно следил за Эшенденом. Всякий раз, когда он пристально вглядывался в собеседника своими бесцветными, близко посаженными глазами, создавалось впечатление, что он усталился прямо в мозг и очень разочарован тем, что там увидел. В редкие минуты благодушия он признавался, что, по его мнению, человечество делится на дураков и мошенников, и хотя человеку его профессии существенно усложняют жизнь и те и другие, в целом он отдавал предпочтение мошенникам: тут по крайней мере знаешь, с кем имеешь дело, и соответствующим образом ведешь себя. Р. был кадровым военным и долгое время служил в Индии и в Америке. Когда началась война, он находился на Ямайке, и какой-то крупный чин из министерства обороны, который когда-то имел с ним дело, вспомнил про него, перевел в Англию и определил в разведку, где благодаря своей исключительной сообразительности Р. вскоре обратил на себя внимание и получил значительное повышение. У Р., талантливого организатора, человека необыкновенно энергичного, на редкость решительного, предприимчивого и смелого, была, пожалуй, всего одна слабость. Дело в том, что он не имел опыта общения с представителями, а тем более с представительницами высших кругов, до перевода в Англию он общался лишь с офицерскими женами, а также с женами колониальных чиновников и коммерсантов. Когда же, оказавшись в начале войны в Лондоне, он подолгу службы столкнулся с блестящими, обворожительными светскими львицами, то совершенно потерял голову. В их обществе он робел, но его к ним тянуло, со временем он стал настоящим дамским угодником, и для Эшендена, который знал про Р. гораздо больше, чем тот подозревал, розы на столе говорили о многом.

Эшенден понимал, что Р. вызвал его не для того, чтобы беседовать о погоде и урожае, и ждал, когда тот перейдет к делу. Ждать пришлось недолго.

– В Женеве вы неплохо потрудились, – сказал Р.

– Спасибо на добром слове, сэр, – откликнулся Эшенден.

Внезапно с лица Р. исчезла улыбка. Тон сделался сухим и официальным. Светская беседа кончилась.

– У меня есть для вас одно дельце.

Эшенден ничего не ответил, но почувствовал, как у него тревожно засосало под ложечкой.

– Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Чандра Лал?

– Нет, сэр.

Полковник не смог скрыть легкого раздражения – его подчиненные обязаны были знать все.

– Где же в таком случае вы жили все эти годы?

– В Мейфэр, Честерфилд-стрит, дом 36, – отпарировал Эшенден.

На желтом лице Р. мелькнула улыбка. Он ценил иронию, и этот довольно меткий ответ пришелся ему по душе. Он подошел к массивному круглому столу и открыл лежавший на нем портфель. Из портфеля он вынул фотографию и вручил ее Эшендену.

– Вот взгляните.

Эшенден не разбирался в восточных лицах, и лицо на фотографии показалось ему ничем не отличающимся от сотен других индийских лиц. Человек на снимке был похож на

какого-нибудь раджу, из тех, что периодически приезжают в Англию, и тогда иллюстрированные журналы публикуют их фотографии. Лицо одутловатое, смуглое; толстые губы, мясистый нос, волосы черные, густые и прямые; глаза огромные и водянистые – как у коровы. В европейской одежде ему явно было не по себе.

– А здесь он в национальном костюме, – сказал Р., передавая Эшендену другую фотографию.

В отличие от предыдущего, на этом снимке Лал был сфотографирован в полный рост и, по всей вероятности, на несколько лет раньше. Тут он был более худым, а его огромные серьезные глаза занимали пол-лица. Фотограф из Калькутты снял Лала на фоне аляповато нарисованных морских волн и раскидистой пальмы. Одной рукой Лал опирался на тяжелый резной стол, на котором в горшке стоял каучуконос. И все же в тюрбане и в длинном светлом кителе Чандра был не лишен определенного обаяния.

– Что вы о нем скажете? – спросил Р.

– Я бы сказал, что это личность. В нем чувствуется какая-то внутренняя сила.

– Вот его досье. Ознакомьтесь, пожалуйста.

Р. дал Эшендену несколько напечатанных на машинке страниц, а сам надел очки и начал просматривать письма, которые должен был подписать. Эшенден подсел к столу и пробежал досье глазами, а затем перечитал его более внимательно. Похоже, Чандра Лал был опасным бунтовщиком. Юрист по профессии, он увлекся политикой и стал ярким противником британского владычества в Индии. Чандра выступал за вооруженное сопротивление короне, и по его вине вспыхнуло немало мятежей, приведших к человеческим жертвам. Один раз его арестовали, судили и приговорили к двум годам тюремного заключения, однако к началу войны он вышел на свободу и сразу же, воспользовавшись сложившейся ситуацией, занялся подстрекательством к вооруженному восстанию, в связи с чем англичане не могли перебрасывать войска из Индии в Европу. Таким образом, располагая огромными суммами, на которые не скупилась германские агенты, Лал мог принести империи немало вреда. Он был замешан в двух или трех покушениях, которые, хоть в них и погибло всего несколько ни в чем не повинных прохожих, перепугали публику и тем самым ущемили общественную мораль. Все попытки задержать смутьяна кончались ничем: он отличался поразительной мобильностью, был вездесущ. Полиция никак не могла напасть на его след: еще накануне было доподлинно известно, что Лал находится в каком-то городе, но стоило туда нагрянуть полиции, как обнаруживалось, что, сделав дело, он исчезал в неизвестном направлении. Наконец за его поимку было назначено крупное вознаграждение, однако Лал бежал из страны, добрался до Америки, оттуда отправился в Швецию и в конце концов обосновался в Берлине, где стал энергично разрабатывать планы антибританской пропаганды в колониальных войсках, переброшенных в Европу. Вся эта информация излагалась сухо, без комментариев и пояснений, однако за бесстрастным тоном докладной записки скрывались приключения и тайны, погони и преследования, опасности, подстерегавшие Лала на каждом шагу. Кончалось досье следующими словами:

«У Ч. Л. в Индии жена и двое детей. Во внебрачных связях не замечен. Не пьет, не курит. По отзывам людей, его знающих, – безукоризненно честен. Через его руки уже не один год проходят значительные суммы, однако на него ни разу не падало подозрение в том, что он мог распорядиться этими деньгами неподобающим образом. Отличается исключительным мужеством и трудолюбием. Умеет держать слово и гордится этим».

Эшенден вернул Р. досье.

– Итак?

– Фанатик. – Эшендену подумалось, что в Лале было что-то романтически привлекательное, но он прекрасно понимал, что слушать всю эту «лирику» Р. не станет. – Сдается мне, этот субъект очень опасен.

– Это самый опасный заговорщик во всей Индии. И не только в Индии. Он доставил

нам больше неприятностей, чем все остальные бунтовщики вместе взятые. Вам, должно быть, известно, что в Берлине собралась целая банда этих индусов; так вот, он – мозг этой банды. Если бы мне удалось устранить Лала, остальные бы меня мало волновали – из них он единственный достойный противник. Я больше года за ним охочусь и уже начал терять надежду, но тут вдруг у меня наконец-то появился шанс, и шанс этот я, черт возьми, не упущу!

– Ну и что вы с ним сделаете, когда поймаете?

Р. угрюмо хмыкнул:

– Поставлю к стенке, и как можно скорее.

Эшенден промолчал. Р. прошелся взад-вперед по комнате, а затем, опять повернувшись лицом к камину, посмотрел Эшендену в глаза. Его тонкие губы скривились в ядовитой улыбке:

– Вы обратили внимание, в конце досье говорится, что этот тип во внебрачных связях не замечен? Так вот, в настоящий момент это не соответствует действительности. Этот болван, будь он проклят, влюбился.

Подойдя к столу, Р. вынул из портфеля перевязанную голубой ленточкой связку бумаг.

– Взгляните, – сказал он, – здесь его любовные письма. Вы ведь писатель, вам это должно быть интересно. Впрочем, интересно или нет, вам их придется прочесть в любом случае, это поможет разобраться в ситуации. Возьмите их с собой.

И Р. бросил пачку писем обратно в портфель.

– Поразительно, как такой способный человек сподобился увлечься женщиной, – сказал он. – Вот уж чего я от него никак не ожидал!

Эшенден украдкой перевел глаза на стоявший на столе красивый букет роз, но ничего не сказал. Р., который мало что упускал из виду, перехватил его взгляд и нахмурился. Эшенден почувствовал, что полковника подмывает спросить, какого черта он уставился на букет. В этот момент Р. явно не питал к своему подчиненному особенно теплых чувств, однако промолчал и вернулся к теме их разговора.

– И тем не менее это факт. Чандра влюбился. Влюбился без памяти в женщину по имени Джулия Лаццари. Он совершенно от нее без ума.

– Вам известно, как он с ней познакомился?

– Еще бы! Она танцовщица, исполняет испанские танцы, но по национальности, как выяснилось, – итальянка. Ее сценический псевдоним – La Malagueña.¹ Типичная испанская танцовщица: популярные испанские мелодии, мантилья, веер, кастаньеты, заносчивый вид. За последние десять лет она объездила всю Европу.

– Хорошо танцует?

– Нет, безобразно. В Англии она в основном выступала в провинции, в Лондоне у нее было всего несколько концертов. Больше десяти фунтов в неделю ей не платил никто. Чандра познакомился с ней в Берлине, в Тингель-тангеле – дешевый мюзик-холл, может, слышали? На континенте, насколько я понимаю, она танцевала главным образом для того, чтобы набить себе цену как проститутке.

– А как ей удалось в военное время добраться до Берлина?

– Несколько лет назад она вышла замуж за испанца – впрочем, думаю, они женаты до сих пор, хотя вместе и не живут, – поэтому путешествовала она с испанским паспортом. По всей вероятности, Чандра совершенно покорил ее сердце. – Р. снова достал фотографию индийца и внимательно на нее посмотрел: – И что она нашла в этом желтокожем? Маленький, жирный... Господи, как эти индийцы быстро толстеют! В общем, факт остается фактом: она влюбилась в него по уши, как и он в нее. У меня ведь и ее письма есть – копии, разумеется: оригиналы хранятся у него – наверняка тоже перевязаны ленточкой, только розовой. Она безумно в него влюблена. Я, конечно, не литератор, но и я могу отличить глубокое чувство от показного – впрочем, вы эти письма тоже прочтете и скажете мне свое мнение. А еще говорят, что не бывает любви с первого взгляда!

¹ Жительница Малаги (исп.).

Р. криво улыбнулся. Сегодня утром он определенно находился в сносном расположении духа.

– А как к вам попали все эти письма?

– Как попали? Догадайтесь сами. Из-за того, что Джулия Лаццари по национальности итальянка, ее в конце концов из Германии выдворили. Вывезли на голландскую границу, а поскольку у нее был ангажемент в Англии, ей поставили английскую визу и... – Р. проверил, порывшись в бумагах, дату, – ...и двадцать четвертого октября прошлого года она отплыла из Роттердама в Харвич. После этого она танцевала в Лондоне, Бирмингеме, Портсмуте, других городах... А две недели назад ее арестовали в Гулле.

– За что?

– За шпионаж. Когда ее перевели в Лондон, я сам ездил к ней в тюрьму Холлоуэй.

Эшенден и Р. с минуту молча смотрели друг на друга – возможно, каждый пытался прочесть мысли другого, Эшенден силился понять, что в рассказе Р. правда, а что ложь, а Р., в свою очередь, прикидывал, что Эшендену говорить можно, а чего нельзя.

– Как вы догадались, что она шпионка?

– Мне показалось странным, что сначала немцы разрешают ей в течение нескольких недель преспокойно танцевать в Берлине, а потом без всякого повода выдворяют из страны. Согласитесь, очень похоже на засылку шпиона. Кроме того, танцовщица, которая, кстати, не отличается особой моральной устойчивостью, имеет прекрасную возможность добывать информацию, за которую в Берлине денег бы не пожалели. Тогда я решил не препятствовать ее въезду в Англию и посмотреть, как она будет себя вести. Мои люди не спускали с нее глаз, и вскоре выяснилось, что она посылает в Голландию не меньше двух-трех писем в неделю и столько же получает в ответ. Ее письма написаны на причудливой смеси французского, немецкого и английского языков (по-английски она говорит неважно, а по-французски – очень хорошо), а ответные – исключительно на английском, на чересчур правильном английском языке – настоящий англичанин никогда не выражается таким цветистым и высокопарным слогом. Я задумался, кто бы их мог написать; на первый взгляд это были самые обыкновенные любовные послания, но мне они показались довольно любопытными. Было очевидно, что эти письма идут из Германии, а их автор – не англичанин, не француз и не немец. Но почему же тогда он писал по-английски? Лучше других европейских языков английским владеют люди с Востока, за исключением, правда, турок и египтян, – эти изъясняются по-французски. Стало быть, письма из Голландии скорее всего написаны либо японцем, либо индийцем, и в конце концов я пришел к выводу, что возлюбленный Джулии принадлежит к той самой шайке индийцев, которая обосновалась в Берлине и вредит нам из всех сил. Что это был именно Чандра Лал, я понял, только когда нашлась его фотография.

– И как же его фотография попала вам в руки?

– Джулия с ней не расставалась, и, чтобы ее заполучить, пришлось как следует потрудиться. Фотография Лала хранилась у нее в шкатулке вместе с множеством других фотографий эстрадных певцов, клоунов и акробатов – вероятно, с таким расчетом, чтобы индеец можно было принять за какого-нибудь загримированного артиста мюзик-холла. Впоследствии, когда Джулию уже арестовали и спросили, чья это фотография, она ответила, что это подарок какого-то фокусника-индейца, а как его зовут, она понятия не имеет. Еще до ареста Джулией по моему приказу занялся один очень дельный парень, и ему показалось странным, что из всех имеющихся в шкатулке фотографий только эта была снята в Калькутте. Он обратил также внимание, что на обратной стороне снимка проставлен порядковый номер, его он списал, а саму фотографию, как вы догадываетесь, положил обратно в шкатулку.

– Простите за любопытство, а как этот ваш дельный парень вообще получил доступ к шкатулке?

Р. сверкнул глазами:

– Вас это не касается. Могу сказать лишь, что сыщик, занимавшийся делом Джулии, не только сообразителен, но и весьма недурен собой. Впрочем, это детали. Отыскав номер

фотографии, мы дали в Калькутту телеграмму, и вскоре я получил ответ, из которого следовало, что предметом обожания Джулии является не кто иной, как неуловимый и неподкупный Чандра Лал. После этого я считал своим долгом следить за Джулией повнимательнее. Оказалось, что она питает тайную слабость к морским офицерам. Я ее вполне понимаю – морские офицеры того стоят, но, согласитесь, со стороны дам сомнительного поведения и неопределенной национальности несколько опрометчиво делить во время войны досуг с офицерами военно-морского флота. Таким образом против нее постепенно собирались улики.

– А как же она передавала информацию?

– А никак. Даже и не пыталась. Немцы выдворили ее из страны без всякого умысла – она ведь работала не на них, она работала на Чандра. После окончания гастролей в Англии она планировала снова вернуться в Голландию и там с ним встретиться. Хорошей шпионки из нее бы не получилось – уж очень у нее нервы слабые, но работа, которую поручил ей Чандра, была не трудной; никто ей не мешал, она втянулась, вошла во вкус, у нее даже появился некоторый азарт: добывать массу интересных сведений, абсолютно ничем не рискуя. В одном из ее писем к Лалу, например, говорится: «Мне столько надо тебе всего рассказать, *mon petitchou*,¹ и тебе это будет *extrêmement intéressé*²»; видите, она даже подчеркнула французские слова.

Р. молча потирал руки. На его усталом лице появилось дьявольское удовлетворение от собственной хитрости.

– По существу, это настоящий шпионаж. Впрочем, на Джулию мне наплевать – мне нужен он, а не она. Итак, когда против нее собралось достаточно улик, я ее арестовал. Улик же было столько, что на их основании я мог арестовать целую армию шпионов.

Р. сунул руки в карманы, и по его бледным губам пробежала улыбка, больше похожая на гримасу:

– Холлоуэй – не самое веселое место на свете.

– Как и любая другая тюрьма, – заметил Эшенден.

– С неделю я предоставил ей повариться в собственном соку, а затем решил ее проверить. К тому времени нервишки у нее уже начинали пошаливать. Надзирательница доложила мне, что Джулия пребывает в постоянной истерике. Вид у нее и впрямь был чудовищный.

– Она красива?

– Сами увидите. Не мой тип. На сцене, в гриме, она смотрится лучше. Я поговорил с ней без обиняков. Нагнал на нее страху. Пригрозил, что она получит десять лет. Как видно, Джулия не на шутку перепугалась – впрочем, этого я и хотел. Разумеется, она все отрицала, но у меня на руках были доказательства, и я заверил ее, что ей не отвертеться. Она залилась слезами и во всем призналась. И тогда я сказал ей, что отпущу ее на все четыре стороны при условии, что она уговорит Чандру приехать во Францию. Она наотрез отказалась, закричала, что лучше смерть, устроила мне довольно утомительную истерику, но я дал ей выговориться. Перед уходом я посоветовал ей еще раз подумать и сказал, что через пару дней мы к этому разговору вернемся. Но в следующий раз я пришел к ней не через два дня, а через неделю, и она, вероятно, поостыв и хорошенько обдумав мои слова, совершенно спокойно попросила рассказать о моем предложении подробнее. К тому времени она просидела в тюрьме уже две недели, и ей это порядком надоело. Я еще раз подробно растолковал ей, что мне от нее надо, и она согласилась.

– Я что-то не совсем понимаю...

– Чего ж тут не понимать? Если Джулия уговорит Чандру пересечь швейцарскую границу и приехать во Францию, она сможет отправляться куда захочет – в Испанию или в Южную Америку. Больше того, мы обязуемся оплатить ей дорогу.

– Но каким образом ей удастся уговорить Чандру на такой шаг?

¹ Мой милый (фр.).

² Чрезвычайно интересно (фр.).

– Он же безумно влюблен в нее. Мечтает о встрече. Пишет ей пылкие письма. Вот она и написала ему, что голландскую визу ей не дают (я же вам говорил, что после гастролей в Англии они должны были встретиться в Голландии), зато швейцарскую она получить сможет. Швейцария – нейтральная страна, и там ему, дескать, ничего не грозит. Чандра за эту возможность ухватился, и они договорились встретиться в Лозанне.

– Понятно.

– Когда он приедет в Лозанну, она напишет ему, что французские власти не разрешают ей перейти границу, что она едет в Тонон, французский приграничный городок, который находится совсем недалеко от Лозанны, на противоположном берегу озера, и что она просит его приехать к ней туда.

– А почему вы думаете, что он согласится?

Р. помолчал с минуту, а потом ласково посмотрел на Эшендена:

– Она вынуждена будет его уговорить, в противном случае ей придется провести за решеткой десять лет.

– Ясно.

– Сегодня вечером она приезжает в Париж из Англии, под охраной, и я попрошу вас доставить ее в Тонон ночным поездом.

– Меня??

– Да, с такого рода заданием вы, мне кажется, должны справиться превосходно. Вы же, писатели, разбираетесь в человеческой природе лучше нас, смертных. Поживете пару недель в Тононе, перемените обстановку. Городок, говорят, красивый – в мирное время это был модный курорт. Сможете принимать грязевые ванны...

– А что я буду делать с этой женщиной, когда привезу ее в Тонон?

– Это уж вы сами решите. Впрочем, я тут набросал кой-какой план. Может, он вам пригодится. Я его вам сейчас прочту, хорошо?

Эшенден внимательно слушал. План Р. был прост и ясен, и Эшенден испытал невольное восхищение человеком, который так блестяще все предусмотрел.

Закончив чтение, Р. предложил Эшендену вместе пообедать и попросил, чтобы тот отвел его в какой-нибудь ресторан пороскошнее, где собирается парижский свет. Забавно было наблюдать, как Р., такой проникательный, сдержанный, самоуверенный у себя в кабинете, вдруг потерялся и в ресторан входил как-то робко. Держался он с какой-то нарочитой непринужденностью и говорил громче обыкновенного – вероятно, чтобы показать, что он чувствует себя здесь как дома. По тому, как он держался, видно было, что до войны, неожиданно вознесшей его на огромную высоту, жизнь он вел скромную и ничем не примечательную. Он был рад оказаться в роскошном ресторане, бок о бок с представителями старинных или громких фамилий и в то же время чувствовал себя в их обществе впервые надевшим цилиндр мальчишкой и пугливо отводил глаза под стальным взглядом метрдотеля. Он смотрел во все стороны, и его желтое лицо светилось от самодовольства, которого он слегка стыдился. Эшенден обратил его внимание на даму в черном с некрасивым лицом, хорошей фигурой и ожерельем из крупного жемчуга на длинной шее.

– Это мадам де Брид. Она любовница великого князя Теодора, быть может, одна из самых влиятельных женщин в Европе и, безусловно, одна из самых умных.

Острый взгляд Р. остановился на мадам де Брид, и он слегка покраснел.

– Вот это жизнь, черт возьми, – проговорил он.

Эшенден с любопытством за ним наблюдал. Жизнь, полная удовольствий, опасна для тех, кто никогда раньше подобной жизнью не жил и не подготовлен к ее многочисленным искушениям. Р., при всем своем уме и цинизме, оказался в плену дешевого великолепия собравшихся здесь людей. Подобно тому как культура дает нам возможность нести вздор с умным видом, привычка к роскошной жизни позволяет с пренебрежением относиться к дорогим нарядам и изысканным кушаньям.

Когда подали кофе, Эшенден, воспользовавшись тем, что Р. совершенно разомлел от экзотических блюд и окружавших его знаменитостей, вернулся к утреннему разговору,

который не шел у него из головы.

– Этот индеец, – начал он, – человек, надо думать, замечательный. В своем роде.

– Да, он парень не промах.

– Поневоле восхищаешься человеком, у которого хватило смелости почти в полном одиночестве бросить вызов британскому владычеству в Индии.

– Я бы на вашем месте особенно на его счет не обольщался. Это опасный преступник – и только.

– Сомневаюсь, чтобы такой человек взрывал бомбы, если бы имел в своем распоряжении несколько батарей и полдюжины батальонов. Он пользуется тем оружием, каким располагает, за это его винить нельзя. Ведь в конце концов он преследует отнюдь не своекорыстные цели. Он борется за независимость своей родины, и в этом смысле средства, к которым он прибегает, вполне оправданны.

Но Р. даже не попытался вникнуть в то, что говорил ему Эшенден.

– Все это из области догадок, – резко возразил он. – У вас, писателей, богатое воображение. В такие тонкости мы вдаваться не можем. Наше дело – поймать его и поставить к стенке.

– Согласен. Он объявил войну и должен за это ответить. Я выполню ваши указания, для этого я сюда приехал, однако не вижу никакой беды в том, чтобы отнестись к этому человеку с восхищением и уважением, которых он заслуживает.

Р. вновь предстал холодным и проницательным судьей рода человеческого.

– Знаете, я до сих пор никак не могу решить, кто больше подходит для нашей работы: те, кто делает свое дело со страстью, или же те, кто сохраняет выдержку и работает на холодную голову. Первые преисполнены ненависти к тем, с кем мы боремся, и, когда мы одерживаем победу, они испытывают огромное удовлетворение, как будто повержен их личный враг. Разумеется, такие люди, что называется, горят на работе. Вы же, насколько я понимаю, смотрите на дело иначе, верно? Для вас это шахматная партия, и вы не испытываете ни малейших симпатий ни к белым, ни к черным. Лично мне это непонятно. Правда, бывают случаи, когда такой подход необходим.

Эшенден ничего не ответил. Он подозвал официанта и вместе с Р. пешком вернулся в отель.

Джулия Лаццари (пер. А. Ливергант)

Поезд уходил в восемь. Оставив вещи в своем вагоне, Эшенден вышел пройтись по перрону. Вагон, в котором ехала Джулия Лаццари, он нашел, но танцовщица забилась в угол, и ее лица видно не было.

За Джулией присматривали два детектива, которым передала ее английская полиция в Булони. Один из детективов был связным Эшендена на французском берегу Женевского озера, и когда Эшенден подошел, тот кивнул ему:

– Я спросил, пойдет ли она в вагон-ресторан, но она хочет обедать у себя в купе, поэтому я велел принести корзину с едой сюда. Я правильно поступил?

– Правильно.

– Мы с моим напарником будем ходить в вагон-ресторан по очереди, чтобы она не оставалась одна.

– Очень предусмотрительно с вашей стороны. А я приду, когда поезд тронется. Хочу с ней побеседовать.

– Она не очень-то расположена к беседе, – сказал детектив.

– Ничего удивительного, – откликнулся Эшенден и вернулся в свой вагон.

В купе к Джулии Лаццари он пришел, когда та уже заканчивала обедать. Одного взгляда на корзинку с едой было достаточно, чтобы заключить: невзгоды последних месяцев на ее аппетите не отразились. При появлении Эшендена детектив, который ее охранял, открыл ему

дверь, а сам вышел, оставив их наедине.

Джулия Лаццари окинула его угрюмым взглядом.

– Надеюсь, вам принесли то, что вы хотели, – начал Эшенден, садясь напротив нее.

Джулия слегка кивнула, но ничего не ответила. Эшенден достал портсигар.

– Сигарету?

Она взглянула на него, некоторое время колебалась, а затем, по-прежнему не произнося ни слова, взяла сигарету. Эшенден, чиркнув спичкой, дал ей прикурить и впервые внимательно на нее посмотрел. Он был поражен. Почему-то он ожидал увидеть блондинку – быть может, из-за распространенного заблуждения, будто восточные люди предпочитают блондинок, – однако перед ним сидела брюнетка, жгучая брюнетка. Волосы ее, правда, были забраны под шляпу, зато глаза были черные как уголь. Джулия была немолода, лет, вероятно, тридцати пяти, не меньше, о чем свидетельствовала желтоватая, кое-где покрытая морщинами кожа. Без косметики лицо ее выглядело довольно изможденным. Особой красотой, если не считать совершенно поразительных глаз, она не отличалась, женщиной она была довольно крупной, быть может, подумал Эшенден, слишком крупной для хорошей танцовщицы; возможно, в испанском костюме на сцене она и смотрелась, но здесь, в поезде, в скромном дешевом платье мало походила на красавицу, прельстившую Чандру Лала. Она смерила Эшендена пристальным, оценивающим взглядом, видимо, прикидывая, что он собой представляет, после чего опустила глаза, выпустила через ноздри дым и вновь посмотрела на своего попутчика. Только теперь Эшенден заметил, что ее угрюмый вид был напускным и что Джулия испугана и нервничает. По-французски она говорила с итальянским акцентом:

– Кто вы?

– Мое имя, мадам, ничего вам не скажет. Я еду в Тонон. Я снял вам номер в «Отель де Пляс». Сейчас это единственная гостиница в городе, остальные закрыты. Надеюсь, там вам будет уютно.

– А, значит, это про вас говорил мне полковник? Вы – мой тюремщик.

– Только формально. В Тононе я предоставлю вам полную свободу.

– И тем не менее вы приставлены следить за мной.

– Надеюсь, что долго следить за вами мне не придется. У меня в кармане ваш паспорт с испанской визой.

Джулия Лаццари опять забилась в угол купе. В тусклом свете ее восковое, с огромными черными глазами лицо выглядело маской отчаяния.

– Вы ведете себя бессовестно. Думаю, я умерла бы счастливой, если б смогла убить этого старого полковника. Он бессердечен. Я так несчастна!

– Боюсь, вы оказались в весьма незавидной ситуации. Разве вы не знали, что шпионаж – опасная игра?

– Я никаких секретов не выдавала. Я не принесла никому вреда.

– Да, но только потому, что вам не представилась такая возможность. Насколько я понял, вы ведь во всем признались?

Эшенден старался держаться как можно мягче, как будто говорил с тяжелобольным человеком.

– О да, я свалила дурака. Я написала письмо под диктовку полковника. Разве этого недостаточно? Скажите, что со мной будет, если он на мое письмо не ответит? Не могу же я заставить его приехать, если он этого сам не хочет?

– Но он уже ответил на ваше письмо, – возразил Эшенден. – Ответ у меня в кармане.

От неожиданности Джулия потеряла дар речи.

– О, покажите его мне! – вскричала она срывающимся голосом. – Ради всего святого, дайте мне на него взглянуть?

– Пожалуйста, но с условием, что вы его мне вернете.

Эшенден вынул из кармана письмо Чандры и протянул его Джулии. Та выхватила письмо у него из рук и впиалась в него глазами. Письмо было на восьми страницах. Она читала его, по ее щекам струились слезы; громко всхлипывая, она шептала слова любви и

называла автора письма ласковыми французскими и итальянскими именами. Это был ответ на письмо Джулии, которая, по указанию Р., предлагала своему возлюбленному встретиться в Швейцарии. Предложение это привело Чандру в неописуемый восторг; не скупясь на громкие слова, он писал, что время, прошедшее с их последнего свидания, кажется ему вечностью, что он не представляет себе жизни без нее и считает дни до новой встречи. Закончив чтение, Джулия уронила письмо на пол.

– Видите, как он меня любит? В этом нет никаких сомнений. А уж я в любви кое-что смыслю, можете мне поверить.

– А вы его любите? – спросил Эшенден. – По-настоящему?

– Это единственный человек, который не хотел мне зла. Вы думаете, легко все время колесить из города в город, не иметь ни одного свободного дня, выступать в дешевых мюзик-холлах, куда набивается сомнительная публика... Видели бы вы мужчин, которые валом валят в такого рода заведения... Сначала я думала, что он такой же, как все...

Эшенден поднял с пола письмо и вложил его обратно в записную книжку.

– От вашего имени в Голландию послана телеграмма, где говорится, что вы будете в Лозанне, в отеле «Гиббонз» четырнадцатого числа.

– То есть завтра.

– Да.

Джулия вскинула голову, в глазах появился неожиданный блеск:

– Вы подбиваете меня на бессовестный, позорный поступок.

– Вы вовсе не обязаны подчиняться.

– А что будет, если я не подчинюсь?

– Боюсь, вам придется расплачиваться за последствия своего упрямства.

– Но я не могу идти в тюрьму! – неожиданно вскричала она. – Не могу, слышите, не могу! Я уже немолода, а он сказал: «Десять лет». Неужели меня могут приговорить к десяти годам?!

– Раз полковник сказал, значит, могут.

– О, я его знаю. Какое жестокое лицо! Он беспощаден. Боже, во что я превращусь через десять лет?! Нет, только не это!

В этот момент поезд подошел к станции и в дверь постучал стоявший в тамбуре детектив. Эшенден открыл дверь, и детектор протянул ему почтовую открытку с видом Понтарлье, невзрачного пограничного городка между Францией и Швейцарией. На открытке была изображена пыльная площадь со статуей посередине и несколькими платанами. Эшенден протянул Джулии карандаш:

– Пошлите эту открытку вашему возлюбленному. Она будет отправлена из Понтарлье на адрес лозаннского отеля.

Джулия молча взглянула на Эшендена, взяла открытку и надписала адрес отеля в Лозанне.

– А на другой стороне пишите: «Задержалась на границе, но все в порядке. Жди в Лозанне». К этому можете приписать все, что угодно, – какие-нибудь нежности, например.

Эшенден взял открытку у нее из рук, пробежал глазами написанное – на всякий случай и надел шляпу.

– Ну-с, а сейчас я вынужден вас покинуть. Желаю вам хорошего сна. Завтра утром приедем в Тонон, и я отвезу вас в отель.

В это время из вагона-ресторана вернулся второй детектив, и, когда Эшенден вышел из купе, детективы заняли его место. Джулия Лаццари вновь забилась в угол, а Эшенден, передав открытку агенту, который должен был опустить ее в Понтарлье, отправился через переполненный поезд в свой спальный вагон.

Выйдя наутро из поезда, Эшенден обнаружил, что на улице солнечно, но довольно холодно. Отдав свои вещи носильщику, он налегке подошел к вагону Джулии, возле которого уже стояли танцовщица и два детектива.

– Доброе утро. Вы можете быть свободны, – сказал, обращаясь к детективам, Эшенден.

Те приподняли шляпы, простились с Джулией и ушли.

– Куда это они? – с тревогой спросила она.

– Не беспокойтесь, вы их больше не увидите.

– Теперь, стало быть, я под вашим надзором?

– Никто здесь над вами надзирать не будет. Я лишь позволю себе отвезти вас в отель, после чего, с вашего разрешения, откланяюсь. Вы должны как следует отдохнуть.

Носильщик Эшендена взял у Джулии ручную кладь, а она дала ему багажную квитанцию. На привокзальной площади их уже ждал кеб. Дорога до отеля заняла немало времени, и иногда Эшенден перехватывал косые взгляды Джулии. Чувствовалось, что танцовщица волнуется. Всю дорогу Эшенден просидел молча. По приезде владелец отеля (это была небольшая, уютная гостиница с красивым видом, расположенная в конце тенистой аллеи) показал им номер, приготовленный для мадам Лаццари.

– Идеальная комната, – сказал, поворачиваясь к хозяину, Эшенден. – Позвольте, я задержусь буквально на пару минут.

Хозяин поклонился и вышел.

– Постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы вам здесь было уютно, мадам, – сказал Эшенден. – В этом отеле вы сами себе хозяйка и можете заказывать все, что вам заблагорассудится. Учтите, для хозяина вы такая же гостья, как все, и ничем от остальных постояльцев не отличаетесь. Можете собой распорядиться.

– Я могу выходить на улицу? – быстро спросила она.

– Естественно.

– В сопровождении двух полицейских?

– Вовсе нет. В этом отеле вы можете жить так же свободно, как в собственном доме. Можете уходить и возвращаться, когда сочтете нужным. Единственная просьба: не писать писем без моего ведома и не покидать город без моего разрешения.

Джулия смирив Эшендена долгим вопросительным взглядом. Она явно не понимала, что все это значит. Вид у нее был такой, словно она грезит наяву.

– В моем положении я вынуждена подчиниться. Даю вам честное слово, что не буду пытаться выехать без разрешения из города, а также не стану писать писем, не показав их предварительно вам.

– Благодарю. А теперь я вас покидаю. Не смогу отказать себе в удовольствии навестить вас завтра утром.

Эшенден кивнул и вышел. Зайдя ненадолго в полицию чтобы убедиться, что там все в порядке, он взял кеб и поехал в сторону гор. На окраине Тонона находился небольшой коттедж, в котором Эшенден останавливался всякий раз, когда приезжал сюда по делам. Хотелось поскорей принять ванну, побриться и влезть в домашние туфли. Остаток дня, окончательно разленившись, Эшенден провел лежа на диване за чтением романа.

Когда стемнело (даже в Тононе, хотя городок и находился во Франции, секретные службы старались привлекать к Эшендену как можно меньше внимания), к нему наведалься агент местной полиции по имени Феликс. Это был маленький смуглый француз с острым взглядом и небритым подбородком, одетый в дешевый серый неглаженный костюм, в котором он был похож на безработного стряпчего. Эшенден предложил ему стакан вина, и они сели к огню.

– А ваша дамочка не теряет времени даром, – сообщил Феликс. – Уже через четверть часа после приезда вышла из гостиницы со свертком под мышкой и в магазине возле рыночной площади продала свои побрякушки и кое-что из одежды. Когда же пришел дневной пароход, она спустилась на набережную и купила себе билет в Эвиан.

Эвиан был соседний с Тононом городок на французской территории, откуда пароход шел на противоположную сторону озера, в Швейцарию...

– Паспорта у нее, разумеется, не оказалось, поэтому на пароход ее не пропустили.

– А как она объяснила отсутствие паспорта?

– Сказала, что забыла, что в Эвиане у нее назначена встреча с друзьями, и попыталась

уговорить чиновника пропустить ее, для чего попробовала даже сунуть ему сто франков.

– Я думал, она умнее, – сказал Эшенден.

Однако когда на следующий день, часов в одиннадцать утра, он пришел навестить Джулию, то ни словом не обмолвился, что знает о ее попытке бежать. Теперь, когда она привела себя в порядок, как следует причесалась, накрасила губы и напудрила щеки, вид у нее был не такой изможденный, как в поезде.

– Я принес вам книги, – сказал Эшенден. – Ведь сейчас время для вас тянется, должно быть, ужасно медленно.

– А вам какая разница?

– Я бы не хотел причинять вам излишние страдания. Итак, я вам эти книги оставляю, а уж вы решайте сами, читать их или нет.

– Знали бы вы, как я вас ненавижу.

– Знал бы – очень огорчился. Я, право, не понимаю за что. Ведь я делаю лишь то, что мне приказывают.

– Что вам от меня надо? Только не говорите, что вы пришли справиться о моем здоровье.

Эшенден улыбнулся:

– Я хочу, чтобы вы написали вашему возлюбленному, что из-за отсутствия каких-то штампов в паспорте швейцарские власти не разрешают вам пересечь границу, поэтому вы приехали в Тонон, уютный тихий городок, такой тихий, что, живя в нем, трудно представить себе, что идет война, и предлагаете Чандре приехать сюда.

– Неужели вы думаете, что Чандра так глуп? Он откажется.

– Вы, во всяком случае, должны сделать все возможное, чтобы его уговорить.

Прежде чем ответить, Джулия долго смотрела на Эшендена, и тот подумал, что она, вероятней всего, прикидывает, удастся ли ей выиграть время, если она согласится написать письмо, продемонстрировав тем самым свою лояльность.

– Хорошо, диктуйте. Я напишу все, что вы скажете.

– Я бы предпочел, чтобы вы написали письмо сами.

– Дайте мне полчаса, и письмо будет готово.

– Я подожду здесь, – сказал Эшенден.

– Почему?

– Так мне хочется.

Глаза Джулии злобно блеснули, однако она сдержалась и ничего не ответила. На этажерке были сложены письменные принадлежности. Джулия села к туалетному столику и начала писать. Когда она вручила Эшендену письмо, он обратил внимание, что сквозь румяна на ее лице проступила мертвенная бледность. Это было письмо человека, не привыкшего выражать свои мысли посредством пера и чернил, однако написано оно было неплохо, а в конце, где говорилось о том, как она любит Чандру, и где, увлекшись, она писала от всего сердца, даже ощущалось что-то вроде истинной страсти.

– Теперь добавьте: «Человек, который передаст тебе это письмо, – швейцарец. Ты можешь ему всецело доверять. Почтой я посылаю письмо не стану, чтобы оно не попало в руки цензора».

С минуту Джулия колебалась, но затем дописала то, что требовалось.

– Как пишется слово – «всецело»?

– Пишите как знаете. Теперь напишите на конверте адрес, и я наконец избавлю вас от своего обременительного присутствия.

Это письмо Эшенден передал своему агенту, который должен был переправить его через озеро, а уже вечером из Швейцарии пришел ответ.

Когда Эшенден принес его Джулии, та выхватила письмо у него из рук и прижала к сердцу. Прочитав его, она даже тихонько вскрикнула от облегчения:

– Он не приедет.

В написанном цветистым, высокопарным стилем письме звучало горькое

разочарование. Лал писал своей возлюбленной о том, с каким нетерпением ждет встречи с ней, и умолял ее сделать все, что в ее силах, чтобы уладить неурядицы, помешавшие ей пересечь границу. Он писал, что не приедет, что это невозможно, что за его голову назначена награда и что было бы чистым безумием идти на риск. Он даже пытался шутить: «Ты же не хочешь, чтобы твоего маленького толстенького пупсика расстреляли, правда?»

– Он не приедет, – повторяла Джулия. – Он не приедет.

– Вы должны объяснить ему, что он ничем не рискует. Что, если б его жизнь подвергалась хоть малейшему риску, вам никогда бы не пришло в голову просить его приехать. Напишите, что если он вас действительно любит, то обязательно должен приехать.

– Не напишу. Нет.

– Не валяйте дурака. Вам же будет хуже.

Из глаз Джулии брызнули слезы. Она упала перед Эшенденом на колени и, обхватив его ноги, стала умолять сжаться над ней.

– Если вы отпустите меня, я сделаю все, что вы пожелаете.

– Что за вздор! – воскликнул Эшенден. – Неужели вы думаете, что я хочу стать вашим любовником?! Перестаньте, возьмите себя в руки. Вы же прекрасно понимаете, что вам грозит.

Тогда она вскочила на ноги и в приступе внезапного бешенства стала осыпать Эшендена проклятиями.

– Ну вот, такой вы мне нравитесь гораздо больше, – сказал он. – Итак, будете писать письмо или мне вызвать полицию?

– Он не приедет. Это бесполезно.

– В ваших интересах уговорить его приехать.

– Что вы хотите этим сказать? Вы намекаете, что если я сделаю все от меня зависящее, а он все-таки...

Она смотрела на Эшендена безумными глазами.

– Да, вопрос стоит именно так: либо вы, либо он.

Джулия сникла. Она прижала руку к сердцу, а затем, не сказав ни слова, взяла лист бумаги и села к столу. Но письмо, которое она написала, Эшендену не понравилось, и он заставил ее писать новое. Закончив, она бросилась на постель и вновь разразилась громкими рыданиями. Горе ее было неподдельным, но в его внешнем проявлении было что-то театральное, и Эшенден поэтому никакого сочувствия не испытал. В этот момент он ощущал себя врачом, который бессилен облегчить страдания своего пациента. Теперь он понимал, почему Р. поручил это несколько необычное задание именно ему, – здесь надо было действовать без эмоций, на холодную голову.

На следующий день он Джулию не видел. Ответ на ее письмо в Лозанну пришел только после обеда, и принес его Феликс, явившись к Эшендену с ежедневным докладом.

– Какие новости?

– Наша подруга окончательно потеряла голову, – усмехнулся маленький француз. – Сегодня утром она отправилась на вокзал к лионскому поезду. Она стояла на перроне и в растерянности смотрела по сторонам, я подошел к ней и, представившись агентом sûreté,¹ поинтересовался, не могу ли я ей чем-нибудь помочь. Видели бы вы, как она на меня посмотрела! Если бы взглядом можно было убить наповал, я не стоял бы сейчас перед вами.

– Садитесь, мой друг, – сказал Эшенден.

– Спасибо. После этого она ушла, по-видимому, решив, что уехать на поезде ей все равно не дадут, но это еще не все. В тот же день она пообещала паромщику тысячу франков, если тот переправит ее через озеро в Лозанну.

– И что же сказал ей паромщик?

– Он сказал, что это слишком большой риск.

– И это все?

Французик слегка пожал плечами и улыбнулся:

¹ Тайная полиция (*фр.*).

– Она договорилась встретиться с ним сегодня вечером в десять часов на дороге, ведущей в Эвиан, и дала ему понять, что, если он станет ее помогать, она не окажет слишком серьезного сопротивления. Паромщику я сказал, чтобы он поступал с ней по своему усмотрению, но чтобы потом все мне рассказал.

– Вы уверены, что ему можно доверять?

– Абсолютно. Он ничего не подозревает, знает только, что она находится под наблюдением. За него можете не беспокоиться. Он парень хороший, я его знаю много лет.

Эшенден прочел письмо Чандры. Каждая строка буквально трепетала от пылкой страсти. Любовь? Да. Настоящая любовь – если только Эшенден что-то в этом смыслил. Чандра писал, как он часами бродит вдоль озера и вглядывается во французский берег. Они находились так близко и в то же время так далеко друг от друга! Он вновь и вновь повторял, что приехать не сможет, и умолял не просить его об этом; ради нее он готов на все, но на это он пойти не в состоянии, и все же, если она будет настаивать, разве может он ей отказать? Он заклинал Джулию пощадить его. А в конце сокрушался, что вынужден будет уехать, так ее и не повидав, просил, чтобы она нашла способ каким-то образом переправиться через границу, и клялся, что, если когда-нибудь ему суждено будет заключить ее в свои объятия, они не расстанутся больше никогда. Даже искусственный, высокопарный слог письма не мог загасить пламени, бушевавшего на его страницах; это определенно было письмо безумца.

– Когда вы будете знать, чем кончились переговоры Джулии с паромщиком?

– Я договорился встретиться с ним между одиннадцатью и двенадцатью часами на пристани.

Эшенден взглянул на часы:

– Я пойду с вами.

Они спустились с горы и, подойдя к пристани, спрятались от холодного ветра за углом дома, где располагалась таможенная служба. Наконец они увидели приближавшегося к пристани человека, и Феликс вышел из тени.

– Антуан?

– Мсье Феликс? У меня для вас письмо. Я обещал ей, что отвезу его в Лозанну завтра утром, первым же паромом.

Эшенден мельком взглянул на паромщика, но что произошло между ним и Джулией Лаццари, спрашивать не стал. Он взял письмо и при свете электрического фонарика, который достал из кармана Феликс, прочел следующее:

«Ни под каким видом не приезжай. Не обращай внимания на мои письма. Это опасно. Я люблю тебя. Любимый, не приезжай».

Письмо было написано на скверном немецком языке. Эшенден положил его в карман, дал паромщику пятьдесят франков и отправился домой спать. На следующий день, поднявшись в номер к Джулии Лаццари, он обнаружил, что дверь заперта. Он несколько раз постучал – безрезультатно.

– Мадам Лаццари, – крикнул Эшенден, – откройте дверь! Мне необходимо с вами поговорить.

– Я лежу в постели. Я больна и не могу вас принять.

– Мне очень жаль, но вам придется открыть дверь. Если вы больны, я пошлю за врачом.

– Нет, уходите. Я не хочу никого видеть.

– Если вы не откроете сами, я вызову слесаря, и дверь взломают.

Джулия ничего не ответила, но через минуту Эшенден услышал, как в замочной скважине повернулся ключ. Он вошел. Джулия была в халате, с распущенными волосами. По всей вероятности, она только что встала.

– Мои силы на пределе. Больше я ни на что не способна. Неужели по мне не видно, что я больна? Мне было дурно всю ночь.

– Я к вам ненадолго. Может быть, все-таки вызвать доктора?

– Доктор тут не поможет.

Эшенден вынул из кармана письмо, которое передал ему паромщик, и протянул ей.

– Как это прикажете понимать? – спросил он.

Увидев свое письмо, она от неожиданности потеряла дар речи, из воскового ее лицо сделалось зеленым.

– Вы же обещали, что без моего ведома не будете писать писем и пытаться уехать из города.

– И вы думали, что я сдержу слово? – вскричала она дрожащим от негодования голосом.

– Нет, не думал. Если хотите знать, вас поселили в уютном отеле, а не в городской тюрьме, не только из гуманных соображений. Должен вам признаться, что при всей предоставленной вам свободе передвижения у вас было не больше шансов бежать из Тонона, чем из тюремной камеры, где держат на цепи особо опасных преступников. Глупо тратить время на письма, которые никогда не дойдут до адресата.

– Cochon.¹

Она выкрикнула это оскорбительное слово со всем неистовством, на которое только была способна.

– А теперь вы должны сесть и написать такое письмо, которое дойдет до адресата.

– Никогда! Больше я ничего делать не буду! Ни слова больше не напишу.

– Но вы забываете, что вас сюда привезли не случайно.

– Я ничего делать не буду. Хватит!

– Советую вам подумать.

– Подумать? Я уже подумала. Можете делать со мной все, что хотите, – мне безразлично.

– Очень хорошо, даю вам пять минут, чтобы вы могли переменить свое решение.

Эшенден вынул из кармана часы и сел на край неубранной постели.

– Боже, как мне осточертел этот отель! Почему вы не посадили меня в тюрьму?! Почему, почему? Куда бы я ни шла, я чувствовала, что шпики ходят за мной по пятам. То, что вы со мной делаете, – бессовестно! У вас нет совести! В чем состоит мое преступление?! Я спрашиваю вас, что я такого сделала? Разве я не женщина? Бессовестно требовать от меня того, что требуете вы! Слышите, бессовестно!

Она говорила высоким, пронзительным голосом и никак не могла остановиться. Наконец пять минут истекли. Эшенден молча встал.

– Да! Идите, идите! – закричала она и вновь стала осыпать его проклятиями.

– Я скоро вернусь, – сказал Эшенден.

Он вынул ключ из замка и, выйдя в коридор, запер дверь снаружи. Спустившись вниз, он поспешно набросал записку, позвонил посыльного и послал его с этой запиской в полицию, после чего вновь поднялся вверх. Джулия Лаццари лежала на кровати, повернувшись к стене, и тело ее сотрясалось от глухих рыданий. На приход Эшендена она никак не отреагировала. Эшенден сел на стул перед туалетным столиком и ленивым взглядом окинул его содержимое. Косметика была дешевой и довольно неаппетитной. На столике стояло несколько неказистых баночек с румянами и кремами, а также маленькие бутылочки с тушью для бровей и ресниц, повсюду валялись сальные шпильки. В комнате царил беспорядок, отвратительно пахло дешевыми духами. Эшенден попытался представить себе, сколько заштатных гостиниц она повидала на своем веку, переезжая из одной страны в другую, из одного провинциального городка в другой. Интересно, из какой семьи она родом. Сейчас это была грубая, довольно вульгарная женщина, но, быть может, в молодости Джулия была иной? С ее данными она едва ли могла стать известной танцовщицей, не имея в роду людей этой профессии – ведь есть же семейные династии танцоров, акробатов, эстрадных певцов. А может, она попала на сцену по чистой случайности, заведя любовника-танцора, с которым одно время вместе танцевала? Сколько мужчин, должно быть, перебивало у нее за

¹ Свинья (фр.).

все эти годы: партнеры по эстрадным ревю, агенты и антрепренеры, которые полагали, что спать с ней – в порядке вещей; преуспевающие коммивояжеры и бизнесмены, юные повесы, представители провинциальной «золотой молодежи», которые приходили на ее выступления и увлекались – одни ее танцевальным искусством, другие пышными формами! Для нее же это были клиенты с деньгами в кармане, и к ним она относилась равнодушно, как к приработку, зато она, надо думать, вносила в их жизнь истинную романтику. В купленных за деньги объятиях эти провинциалы, пусть всего на мгновение, пусть издалека, заглядывали в совсем иной, блестящий и загадочный столичный мир, купались, пусть недолго, в роскоши и богатстве.

Тут в дверь неожиданно постучали, и Эшенден крикнул:

– Entrez.¹

Джулия Лаццари, вздрогнув, села на постели.

– Кто там? – окликнула она и издала глухой стон, когда в дверях показались двое детективов, те самые, что сопровождали ее из Булони и передали ее в Тононе в руки Эшендена.

– Вы?! Что вам надо? – вскричала она.

– Allons, levez-vous,² – отрезал один из них. Чувствовалось, что с ним шутки плохи.

– Боюсь, вам все же придется встать, мадам Лаццари, – спокойно сказал Эшенден. – Я вынужден вновь препоручить вас услугам этих господ.

– Но я не могу встать! Я больна, понимаете? Я не в состоянии стоять. Вы что, хотите погубить меня?

– Если вы не оденетесь сами, придется одеть вас нам, и боюсь, у нас это получится хуже. Вставайте, вставайте, не устраивайте сцен.

– Куда вы меня везете?

– Они отвезут вас обратно в Англию.

Один из детективов схватил ее за локоть.

– Не дотрагивайтесь до меня, не подходите ко мне близко! – с остервенением завизжала она.

– Оставьте ее, – вступился Эшенден. – Я уверен, она одумается и поймет, что не в ее интересах доставлять нам столько хлопот.

– Я оденусь сама.

Эшенден наблюдал за тем, как она скинула халат и натянула через голову платье. Затем сунула ноги в туфли, которые были явно ей малы, и причесалась. Время от времени она бросала на детективов быстрый, злобный взгляд. «Интересно, – подумал Эшенден, – хватит ли у нее мужества выстоять до конца?» Р. назвал бы его круглым дураком, но ему почти хотелось, чтобы Джулия не сдалась. Она подошла к туалетному столику, и Эшенден, встав, уступил ей место. Быстрыми, заученными движениями она намазала лицо кремом, затем стерла крем грязным полотенцем, напудрила нос и подвела глаза. Рука у нее дрожала. Трое мужчин молча наблюдали за ней. Она наложила румяна, наредила губы и водрузила на голову шляпку. Эшенден сделал первому детективу знак, и тот, достав из кармана наручники, направился к ней.

При виде наручников Джулия судорожно отпрянула назад и выбросила вперед руки:

– Non, non, non. Je ne veux pas.³ Нет, только не это. Нет, нет.

– Идем, ma fille,⁴ не валяй дурака, – грубо одернул ее детектив.

И тут Джулия вдруг бросилась Эшендену на шею, словно прося у него защиты:

– Не давайте им увести меня! – закричала она. – Сжальтесь надо мной!

Эшенден попытался высвободиться из ее объятий:

– Больше я для вас сделать ничего не смогу.

1 Входите (фр.).

2 Ну-ка, вставайте (фр.).

3 Нет, нет, нет. Я не хочу (фр.).

4 Детка (фр.).

Первый детектив схватил Джулию за запястья и уже хотел было надеть на нее наручники, когда Джулия с истошными воплями повалилась на пол:

– Я сделаю то, что вы хотите! Я все сделаю!

По знаку Эшендена детективы вышли из комнаты, а он решил несколько минут подождать – пусть хоть немного придет в себя. Джулия лежала на полу и громко рыдала. Он поднял ее и усадил на стул.

– Что я должна делать? – выдохнула она.

– Написать Чандре еще одно письмо.

– У меня совершенно не работает голова. Я двух слов связать не могу. Дайте мне перевести дух.

Но Эшенден счел, что лучше усадить ее за письмо, пока страх не прошел. Кто знает, что она еще выдумает, когда придет в себя?

– Я вам буду диктовать. Пишите то, что я скажу.

Она тяжело вздохнула, но взяла бумагу и ручку и под села к туалетному столику:

– Если я сделаю это и... ваш план увенчается успехом, какая у меня гарантия, что вы отпустите меня на свободу?

– Гарантия? Слово полковника. Обещаю вам, что выполню все его указания.

– Какая же я буду дура, если предам своего друга, а потом сяду на десять лет за решетку!

– Повторяю, мы выполним свое обещание. Ведь вы не представляете для нас никакой ценности. Нам нужен Чандра, а не вы. Зачем нам возиться с вами, тратить на ваше пребывание в тюрьме, раз вы не можете причинить нам никакого вреда?

Джулия задумалась. К ней вернулось самообладание. Создавалось впечатление, что, растратив все эмоции, она стала теперь такой, какой была на самом деле, – разумной, здравомыслящей женщиной.

– Говорите, что писать.

Эшенден задумался. Написать письмо так, как бы она сама его написала, большого труда не составляло, и все же торопиться не следовало, тут ведь ни литературный, ни, наоборот, разговорный стиль не годится. Эшенден заметил, что в момент эмоционального напряжения люди склонны к патетике, выражаются высокопарно. В книге или на сцене это звучит неестественно, и автору приходится придумывать своим героям более простой, менее выспренний, чем в жизни, язык. Одним словом, задача перед Эшенденом стояла серьезная и в то же время, Эшенден это чувствовал, несколько комическая.

– «Я не знала, что полюбила труса, – начал диктовать он. – Если бы ты любил меня, то не колебался бы, раз я прошу тебя приехать. – Подчеркните двойной чертой „не колебался“. – Я ведь ручаюсь, что тебе ничего не грозит. Если же ты меня не любишь, то можешь не приезжать. Не приезжай. Возвращайся в Берлин, где ты будешь в безопасности. Мне все надоело. Мне здесь одиноко. Я так ждала тебя, что от ожидания заболела; каждый день я говорю себе: „Сегодня-то уж он приедет“. Если бы ты действительно меня любил, то не колебался бы так, поэтому теперь мне ясно, что ты меня не любишь. Я устала от тебя, устала безмерно. У меня нет денег. Гостиница ужасная. Ради чего я тут живу? Я ведь могу получить ангажемент в Париже. Там у меня есть друг, который имеет на меня самые серьезные виды. А я потратила на тебя столько времени, ничего не получив взамен. С меня хватит. Прощай. Ты никогда не встретишь женщину, которая будет любить тебя больше, чем я. Я не настолько богата, чтобы отказаться от предложения своего друга, поэтому я дала ему телеграмму и, как только получу от него ответ, уеду в Париж. Я не виню тебя за то, что ты меня не любишь, это не твоя вина, но ты должен понять, что с моей стороны было бы глупостью тратить на тебя жизнь. Молодость ведь проходит. Прощай. Джулия».

Прочитав письмо, Эшенден остался им не очень доволен, но лучшего он придумать не мог. Звучало оно вполне правдоподобно, хотя написано было чудовищно: английский язык Джулия знала очень посредственно, писала так, как слышала, и орфографические ошибки попадались поэтому чуть ли не в каждом слове; вдобавок почерк у нее был, как у

шестилетнего ребенка; она то и дело зачеркивала слова и переписывала их заново. Некоторые фразы были написаны по-французски; в двух-трех местах на бумагу капали слезы, и чернила расплывались.

– Сейчас я вас покину, – сказал Эшенден. – Не исключено, что во время нашей следующей встречи я сообщу вам, что вы свободны и можете ехать, куда захотите. Куда бы вам хотелось?

– В Испанию.

– Очень хорошо. Я об этом позабочусь.

Она пожала плечами. Эшенден ушел.

Теперь оставалось только ждать. После полудня он отправил посыльного в Лозанну, а на следующее утро спустился к причалу встретить пароход. Возле кассы находился небольшой зал ожидания, куда, по его приказу, прошли детективы. Обычно, когда приходил пароход, пассажиры, один за другим, выходили на причал, где у них, прямо у трапа, проверялись паспорта. Если бы Чандра приехал и предъявил свой паспорт (а он у него скорее всего будет фальшивый, выданный какой-нибудь нейтральной страной), его бы попросили подождать, а затем, после того как Эшенден его опознает, арестовали. Эшенден с волнением следил за тем, как пароход медленно подходил к берегу. Он пристально вглядывался в собравшуюся у трапа толпу, но мужчины, хотя бы отдаленно похожего на Чандру, среди них не было. Чандра не приехал. Эшенден терялся в догадках. Он уже выложил все козыри. В Тонон прибыло всего несколько человек, и, когда они прошли паспортный контроль, Эшенден спустился на причал и направился к пароходу.

– Неудача, – сказал он Феликсу, который проверял паспорта. – Человек, которого я ждал, не приехал.

– У меня для вас письмо.

И Феликс протянул Эшендену письмо, адресованное мадам Лаццари. По витиеватому почерку он сразу же узнал руку Чандры Лала. В этот момент на горизонте показался женевский пароход, который шел в Лозанну и приходил в Тонон через двадцать минут после парохода, плывшего в противоположном направлении. И тут Эшендена осенило.

– Где человек, который привез письмо?

– Возле кассы.

– Дайте ему это письмо, пусть отвезет его обратно. Пусть скажет, что он отнес письмо мадам Лаццари, но та отказалась его читать. А если автор письма захочет написать снова, пусть скажет, что это не имеет смысла, поскольку мадам Лаццари складывает вещи и собирается покинуть Тонон.

Феликс вернул посыльному письмо, дал ему соответствующие указания, и Эшенден ушел к себе в коттедж.

Следующий пароход, на котором мог приехать Чандра, прибывал около пяти вечера, а поскольку как раз на это время у Эшендена была назначена важная встреча с его немецким агентом, он предупредил Феликса, что может на несколько минут опоздать. Не поспей он вовремя, индеец – если, конечно, тот объявится – не составит труда под каким-нибудь предлогом задержать и дожидаться Эшендена – все равно парижский поезд, в котором Чандру предстояло вывезти из Тонона, отходил только в начале девятого. Поэтому после встречи с агентом Эшенден отправился к озеру не торопясь. Было еще светло, и, увидев с горы отплывающий от причала пароход, Эшенден вдруг забеспокоился и инстинктивно прибавил шаг. Вдруг он заметил, что ему навстречу бежит какой-то человек. Это был посыльный, тот самый, что отвозил письма в Лозанну.

– Быстрей, быстрей! – крикнул он. – Он здесь.

У Эшендена учащенно забилося сердце.

– Наконец-то!

Он побежал тоже, и по дороге посыльный, тяжело дыша, рассказал ему, как он привез индейцу нераскрытое письмо. Когда он протянул его Лалу, тот вдруг страшно побледнел («Никогда не думал, что у индеец кожа может быть белая как полотно») и стал вертеть его в

руках, словно не понимал, с какой стати ему принесли его же собственное письмо. На глаза у него навернулись слезы и покатались по щекам. («Вид пресмешной – он же толстяк, понимаете?») Чандра что-то сказал на непонятном посылному языке, а затем спросил его по-французски, в котором часу отплывает в Тонон пароход. Поднявшись на палубу, посылный далеко не сразу обнаружил индийца: закутавшись в длинный плащ и надвинув на лоб шляпу, тот в одиночестве стоял на носу. Всю дорогу он не отрываясь смотрел в сторону Тонона.

– Где он сейчас? – спросил Эшенден.

– Не знаю, я сошел на берег первым. Мсье Феликс велел мне бежать за вами.

– Вероятно, они держат его в зале ожидания.

Тяжело дыша, Эшенден вбежал в зал ожидания. Несколько человек, перебивая друг друга и отчаянно жестикулируя, столпились вокруг кого-то, лежащего на полу.

– Что случилось?! – вскричал Эшенден.

– Полюбуйтесь! – сказал Феликс.

На полу в неестественном положении, с широко раскрытыми глазами и тонким слоем пены на губах лежал мертвый Чандра Лал.

– Он убил себя. Мы вызвали врача. Он нас опередил.

Эшендена охватило внезапное смутение. Когда индеец спустился по трапу, Феликс сразу же его узнал. На берег вышли всего четверо пассажиров, Чандра был последним. Феликс, пытаясь выиграть время, долго разглядывал паспорта первых троих и наконец взял паспорт индийца. Тот предъявил испанский паспорт, который был в полном порядке. Феликс задал ему несколько вопросов, что-то отметил в своем блокноте, а затем с вежливой улыбкой сказал:

– Пожалуйста, пройдите на минутку в зал ожидания – кое-какие мелкие формальности.

– У меня не в порядке документы?

– В полном порядке.

Чандра было заколебался, но потом направился вслед за чиновником в зал ожидания. Феликс распахнул перед ним) дверь и посторонился.

– Входите.

Чандра вошел, и ему навстречу, как по команде, встали два детектива. Тут он, вероятно, заподозрил, что это полиция, и понял, что попал в западню.

– Садитесь, – обратился к нему Феликс. – Мне надо задать вам пару вопросов.

– Здесь очень душно, – сказал Чандра. И действительно, в комнате была небольшая печка, которую растопили докрасна. – Если позволите, я сниму плащ.

– Конечно, – великодушно согласился Феликс. Чандра стянул с себя плащ, повернулся, чтобы положить его на стул, и тут, прежде чем Феликс и оба детектива сообразили, что произошло, они вдруг заметили, что он побледнел и тяжело рухнул на пол. Снимая плащ, он сумел проглотить содержимое бутылочки, которую по-прежнему крепко сжимал в руке. Эшенден нагнулся к горлышку бутылки. В нос ударил терпкий запах горького миндаля.

Некоторое время все молча разглядывали лежавшего на полу человека. Феликс понимал, что виноват, и заметно нервничал.

– Мною будут недовольны? – спросил он.

– По-моему, вашей вины тут нет, – сказал Эшенден. – Во всяком случае, вреда он больше причинить не сможет. Что до меня, то я даже рад, что он покончил с собой, – сознание того, что его казнят, особой радости мне не доставляло.

Через несколько минут появился врач, который подтвердил, что Чандра мертв.

– Цианистый калий, – сказал он.

Эшенден понимающе кивнул.

– Пойду к мадам Лаццари, – сказал он. – Если она захочет остаться здесь еще на пару дней, я возражать не буду. Если же предпочтет уехать прямо сегодня вечером, пусть едет. Вы дадите указания своим людям, которые дежурят на вокзале, чтобы ее пропустили?

– Я сам приду на вокзал, – сказал Феликс.

Эшенден двинулся пешком обратно в Тонон. Идти приходилось в гору. Уже стемнело. Стояла холодная, ясная ночь; в черном безоблачном небе рельефно вырисовывался белый серп молодого месяца, и Эшенден из суеверия сунул руку в карман и погремел мелочью. В этот раз отель почему-то вызвал у него отвращение своей бездушной пошлостью. Пахло капустой и вареной бараниной. В вестибюле были развешаны рекламные плакаты железнодорожных компаний с видами Гренобля, Каркассона и лечебных курортов Нормандии. Он поднялся наверх и, постучав, приоткрыл дверь в комнату Джулии Лаццари. Она сидела за туалетным столиком и с отсутствующим видом, лениво, словно от нечего делать, смотрелась в зеркало, в которое Эшендена и увидела. Обратив внимание на его бледность, она и сама мгновенно переменялась в лице и так резко вскочила, что уронила стул.

– В чем дело? Почему вы так бледны? – вскричала Джулия и, повернувшись, устремила на Эшендена пристальный взгляд. В глазах у нее мелькнул ужас.

– Il est pris?¹ – выдохнула она.

– Il est mort,² – отозвался Эшенден.

– Мертв?! Он принял яд. Успел все-таки. Не дался вам в руки.

– Что это значит? Откуда вы знаете про яд?

– Он никогда с ним не расставался, говорил, что англичанам живым не дастся.

Эшенден задумался. Про яд, стало быть, она умолчала. Впрочем, можно было догадаться и самому. Кто бы мог подумать, что Чандра покончит с собой таким романтическим способом?

– Итак, теперь вы свободны. Можете ехать куда угодно, препятствий мы вам чинить не будем. Вот ваш билет и ваш паспорт, а это – деньги, которые у вас отобрали при аресте. Хотите его видеть?

Она вздрогнула:

– Нет, нет.

– Никакой необходимости в этом нет. Просто я подумал, что у вас может возникнуть такое желание.

Джулия не плакала – видимо, все эмоции были давно израсходованы. Она впала в апатию.

– Сегодня вечером на испанскую границу будет послана телеграмма, чтобы вам не чинили там никаких препятствий. Советую вам как можно скорее покинуть пределы Франции.

Джулия молчала, да и Эшенден сказал все, что хотел.

– Простите, что был с вами так суров, – буркнул он на прощание. – Хочется надеяться, что худшее у вас уже позади и время сгладит горечь утраты.

Поклонившись, Эшенден повернулся к двери, однако Джулия его остановила.

– Погодите, – сказала она. – Могу я кое о чем вас попросить? Мне кажется, вы не такой бессердечный.

– Я к вашим услугам!

– Скажите, что будет с его вещами?

– Не знаю. А что?

И тут она сказала такое, чего Эшенден никак не ожидал:

– У него должны быть ручные часы, которые я подарила ему на Рождество. Они стоят двенадцать фунтов. Можно их забрать?

Густав
(пер. А. Ливергант)

Когда Эшендена впервые отправили в Швейцарию на связь с несколькими засланными

1 Он арестован? (фр.).

2 Он мертв (фр.).

туда агентами, Р., который хотел, чтобы Эшенден имел представление о том, какого рода информация была бы желательна, вручил ему в качестве образца пачку отпечатанных на машинке бумаг – секретные сводки, поступавшие от агента, известного в разведке по кличке Густав.

– Лучше Густава у нас никого нет, – пояснил Р. – Его информация всегда обстоятельна и надежна. Отнеситесь к его отчетам с должным вниманием. Разумеется, Густав – хитрая бестия, но это вовсе не значит, что мы не должны требовать таких же точных сведений и от других агентов. Все зависит от того, насколько хорошо мы им разъясним, что от них требуется.

Густав жил в Базеле и представлял швейцарскую фирму с филиалами во Франкфурте, Мангейме и Кельне, благодаря чему имел возможность беспрепятственно ездить в Германию и обратно. Он путешествовал вверх и вниз по Рейну и собирал информацию о передвижении войск, производстве боеприпасов, настроениях в стране (этому Р. придавал особое значение) и других вещах, представлявших интерес для союзников. Густав регулярно отправлял жене в Базель шифрованные письма, а она тут же пересылала их в Женеву Эшендену, в чьи обязанности входило эти письма расшифровывать, извлекать из них нужную информацию и передавать ее по назначению. Каждые два месяца Густав возвращался домой и писал отчеты, служившие образцом для других агентов этого отдела разведки.

Руководство было довольно Густавом, да и Густав не мог пожаловаться на руководство; его сведения были так важны, что, помимо большего, чем у других агентов, жалования, он, если добывал особо важные данные, получал еще солидную премию.

Так продолжалось больше года. Затем Р., отличавшийся редкой, главным образом интуитивной проницательностью, что-то вдруг заподозрил. Ему почему-то стало казаться, что Густав водит его за нос. Эшендену он об этом ничего не сказал (свои предположения Р. предпочитал держать при себе), однако велел ему ехать в Базель и в отсутствие Густава, который в это время находился в Германии, побеседовать с его женой. Характер этой беседы Эшенден должен был определить сам.

Приехав в Базель и оставив вещи на вокзале (неизвестно было, останется он здесь или нет), Эшенден доехал на трамвае до угла той улицы, где жил Густав. Убедившись, что за ним не следят, он направился к довольно обшарпанному многоквартирному жилому дому, из тех, что навевают мысли о честной бедности; здесь, по всей видимости, жили люди скромного достатка – мелкие клерки, торговцы. На первом этаже, прямо за входной дверью находилась сапожная мастерская, и Эшенден остановился.

– Скажите, герр Грабофф здесь живет? – спросил он на очень неважном немецком языке.

– Да. Всего несколько минут назад я сам видел, как он поднялся наверх. Он дома.

Эшендена это несколько озадачило, ибо буквально накануне он получил из Мангейма пересланное ему женой Густава письмо, в котором тот сообщал о передвижениях и численности германских полков, только что переправившихся через Рейн. Эшенден уже собирался было задать сапожнику соответствующий вопрос, но передумал и, поблагодарив, поднялся на третий этаж. Нажав на кнопку, он услышал, как по квартире разнеслись трели звонка; через минуту дверь открыл маленький подвижной человечек с круглой бритой головой, в очках и мягких домашних туфлях.

– Герр Грабофф?

– К вашим услугам, – откликнулся Густав.

– Можно войти?

Густав стоял спиной к свету, и выражения его лица Эшенден видеть не мог. Поколебавшись с минуту, он назвал именем, на которое жена Густава пересылала письма мужа из Германии.

– Входите, входите. Очень рад вас видеть.

Густав провел его в душную, заставленную резной дубовой мебелью комнатушку. На большом, покрытом толстым зеленым сукном столе стояла пишущая машинка. Должно быть,

Густав печатал сейчас один из своих бесценных отчетов. У открытого окна, штопая носки, сидела женщина, которая по знаку мужа молча встала, собрала свою работу и удалилась; Эшенден нарушил трогательную картину семейного счастья.

– Садитесь, пожалуйста. Как удачно, что я оказался в Базеле! Мне так давно хотелось с вами познакомиться! Я ведь только что вернулся из Германии. – И он показал на стопку бумаги, сложенную возле пишущей машинки. – Надеюсь, вы будете довольны новой информацией. На этот раз я располагаю особо ценными сведениями. – Он захихикал: – Чего не сделаешь ради премиальных!

Густав был крайне любезен, но Эшендену его любезность показалась несколько наигранной. Он широко улыбался и при этом внимательно следил за Эшенденом из-под очков; в глазах его – возможно, впрочем, Эшенден и ошибался – скрывалась тревога.

– Быстро же вы доехали, – сказал Эшенден, – ведь письмо ваше, адресованное в Базель и отправленное мне в Женеву вашей женой, опередило вас всего на несколько часов.

– Что ж, ничего удивительного тут нет. Я как раз собирался сообщить вам одну важную новость. Заподозрив, что секретные сведения передаются в деловых письмах, немцы решили задерживать на границе всю корреспонденцию на сорок восемь часов.

– Понятно, – с вежливой улыбкой сказал Эшенден. – И в этой связи вы предусмотрительно проставили дату, на двое суток более позднюю, чем на самом деле?

– Разве? Какая глупость с моей стороны! Вероятно, я просто спутал число.

Эшенден с улыбкой взглянул на Густава. Довод был, прямо скажем, малоубедительный: уж Густав должен понимать, какую огромную роль, особенно в деле, которым он занимался, играют даты. Добывать информацию из Германии приходилось окольными путями, и поэтому важно было знать, в какие именно дни происходят те или иные события.

– Разрешите взглянуть на ваш паспорт? – сказал Эшенден.

– Зачем он вам?

– Я хочу проверить, какого числа вы въехали в Германию и какого выехали.

– Неужели вы думаете, что в моем паспорте проставлены даты въезда и выезда? У меня свои способы пересечения границы.

На этот счет Эшенден был осведомлен неплохо. Он прекрасно знал, что и немцы, и швейцарцы охраняют свою границу очень тщательно.

– А почему, собственно, вы не переходите границу обычным путем? Вас ведь потому и завербовали, что швейцарская фирма, с которой вы связаны, имеет немецкие филиалы, и это дает вам возможность, не внушая подозрений, часто ездить в Германию и обратно. И потом, допустим, вам удастся усыпить бдительность немецких пограничников. Но как быть со швейцарскими? Их вы тоже обходите стороной?

Густав изобразил на лице негодование:

– Я вас не понимаю. Вы что же, подозреваете меня в том, что я работаю на немцев? Даю вам честное слово... Я не позволю, чтобы пятнали мое доброе имя...

– Многие получают жалованье и тут и там, а ценных сведений не дают никому.

– Значит, по-вашему, сведения, которые от меня поступают, лишены всякой ценности? Почему же в таком случае мне вы платите больше, чем любому другому агенту? Полковник не раз высоко отзывался о моей работе.

Теперь уже Эшенден расплылся в лучезарной улыбке:

– Ну-ну, будет, не обижайтесь. Не хотите показывать паспорт – не надо, я не настаиваю. Неужели вы думаете, что мы не проверяем сведений, поступающих от наших агентов? Что мы настолько глупы, что не следим за их передвижениями? Даже самую остроумную шутку невозможно повторять без конца. По профессии я юморист и знаю это по собственному горькому опыту. – Тут Эшенден подумал, что сейчас самое время блефовать – в покере, прекрасной, очень непростой игре, он кое-что смыслил. – Мы располагаем информацией, что в Германию вы не ездили, что вы вообще, с тех пор как завербованы, ни разу там не были, а сидели себе преспокойно в Базеле, и что все-эти отчеты – плод вашего богатого воображения.

Густав пристально взглянул на Эшендена, однако ничего, кроме терпимости и

добродушия, на его лице не прочел, Он вымученно улыбнулся и слегка пожал плечами:

– А вы думали, что я как дурак буду рисковать жизнью за пятьдесят фунтов в месяц? Я люблю свою жену.

Эшенден громко рассмеялся:

– Что ж, поздравляю. Не каждому удастся целый год дурачить британскую разведку.

– Это было несложно. Правда, моя фирма, когда началась война, перестала посылать меня в Германию, но все необходимое я узнавал от других коммивояжеров. Я прислушивался к разговорам в ресторанах и пивных и регулярно читал немецкие газеты. Отчеты и письма, которые я вам посылал, необыкновенно меня забавляли.

– Еще бы, – буркнул Эшенден.

– Что вы предпримете?

– Ничего. А что мы можем сделать? Только не думайте, что мы так и будем продолжать платить вам жалованье.

– Да, на это рассчитывать не приходится.

– Кстати, позвольте задать вам один нескромный вопрос: вы и немцев тоже водили за нос?

– О нет! – вскричал Густав. – Мне такое и в голову не могло прийти. Мои симпатии целиком на стороне союзников. Я всем сердцем с вами.

– А что? Это было бы не так уж глупо. У немцев денег полно, почему бы не заставить их раскошелиться? Мы наверняка не раз сообщали вам сведения, за которые немцы с удовольствием бы заплатили.

Густав постучал пальцами по столу и перелистал страницы никому не нужного теперь отчета.

– С немцами иметь дело опасно, – сказал он.

– Вы очень умный человек. В конце концов, даже если мы перестанем платить вам жалованье, вы всегда сможете заработать приличную сумму, если сообщите интересующие нас сведения. Но учтите, впредь бездоказательная информация оплачиваться не будет.

– Я подумаю.

Эшенден закурил и, затянувшись, стал смотреть, как поднимается, тая в воздухе, выпущенный из рта дым.

– Вас интересует что-то конкретное? – неожиданно прервал молчание Густав.

Эшенден улыбнулся:

– Вы могли бы заработать не меньше двух тысяч швейцарских франков, если бы выяснили, какое задание дали немцы своему агенту в Люцерне. Он англичанин, зовут его Грантли Кейпор.

– Имя знакомое, – отозвался Густав и, помолчав, добавил: – Сколько еще времени вы здесь пробудете?

– Столько, сколько понадобится. Я устроюсь в гостинице и сообщу вам адрес. Если что-то выясните, застать меня в номере можно будет каждый день, в девять утра или в семь вечера.

– В гостиницу я пойти не рискну. Но могу послать записку.

– Очень хорошо.

Эшенден встал, и Густав проводил его до двери.

– Вы против меня ничего не имеете?

– А-а, бросьте! Будем хранить ваши образцовые отчеты в архиве.

Эшенден прожил в Базеле три дня. Город не произвел на него особого впечатления, и большую часть времени он провел в книжных магазинах, листая книги, которые стоило бы прочесть, если бы человеческая жизнь продолжалась тысячу лет. Один раз он увидел на улице Густава. На четвертый день вместе с утренним кофе ему принесли письмо. В конверт не известной ему торговой фирмы вложен был отпечатанный на машинке лист бумаги. Обратный адрес и подпись отсутствовали. Интересно, знает ли Густав, что пишущая

машинка может так же легко выдать автора послания, как и его почерк? Внимательно перечитав письмо дважды, Эшенден – вероятно, в подражание детективам из криминальных романов – поднял его на свет, чтобы разглядеть водяные знаки, а затем зажег спичку, поднес ее к письму и долго смотрел, как оно горит, после чего скомкал съезжившуюся бумагу.

Спустя некоторое время он встал (в Базеле, пользуясь представившейся возможностью, он имел обыкновение завтракать в постели), уложил чемодан и отправился в Берн, откуда должен был дать шифрованную телеграмму Р. Подробные инструкции он получал каждые два дня, не выходя из номера, в такое время суток, когда можно незамеченным подняться по лестнице и пройти по гостиничному коридору. Через двадцать четыре часа, хотя ехать пришлось кружным путем, он уже был в Люцерне.

Предатель **(пер. А. Ливергант)**

Сняв номер в отеле, где рекомендовал ему остановиться Р., Эшенден вышел пройтись. Был теплый, солнечный августовский день, на небе не было ни облачка. В Люцерне он не бывал с детства и помнил, да и то смутно, крытый мост, огромного каменного льва и церковь, где он, еще мальчиком, зевая, но с интересом озираясь по сторонам, слушал орган. Теперь же, гуляя по тенистой набережной и глядя на озеро (у которого был такой же рассчитанный на дешевый эффект неестественный вид, как на цветных фотографиях), он пытался даже не столько отыскать полузабытые места, сколько воскресить в памяти того застенчивого, неусидчивого, жадного до жизни подростка (тогда он считал «жизнью» зрелые, а не юношеские годы), который когда-то давно бродил здесь. Однако наиболее живо запомнился ему не он сам, а окружавшая его толпа; в памяти почему-то всплыли яркое солнце, жара, люди, много людей; поезд был переполнен, отель тоже, прогулочные пароходы набиты битком, на улицах и на набережной – не протолкнуться; все вокруг были толстые, старые, уродливые и скверно пахли. А сейчас из-за войны Люцерн был так же пуст, как в те далекие времена, когда Швейцария еще не считалась европейским курортом. Отели позакрывались, улицы опустели, лодки одиноко покачивались у пустого причала – никто их не брал, а по бульвару, тянувшемуся вдоль озера, гордясь своим нейтралитетом, прогуливались с таксами на поводке степенные швейцарцы. Эшенден упивался одиночеством и, опустившись на повернутую к воде скамейку, целиком отдался созерцанию местных красот. Да, озеро и в самом деле было каким-то картинным, вода – слишком голубой, горы – слишком снежными, и вся эта нарочитая красота лезла в глаза, скорее раздражала, чем поражала; но вместе с тем было в этом пейзаже что-то бесхитростное, безыскусно простое, напоминавшее Эшендену одну из «Песен без слов» Мендельсона, вызывавшую у него снисходительную улыбку. Люцерн напоминал ему искусственные восковые цветы под стеклянным колпаком, часы с кукушкой, вышивку тонкой шерстью. Пока стоит хорошая погода, он, что бы там ни было, будет наслаждаться жизнью. Почему бы, собственно, не совместить приятное с полезным? Путешествует он с новеньким паспортом в кармане, под чужим именем, и от этого ощущает себя совсем другим человеком. Нередко бывало, что Эшенден сам себе надоедал, и сейчас его забавляло, что на какое-то время он превратился в фантом, в плод богатого воображения Р. Подобное существование доставляло ему удовольствие также из-за сильно развитого у него чувства абсурдного. Зато Р. ничего забавного бы тут не нашел – если полковник и обладал чувством юмора, то юмор этот был язвительного свойства; для того чтобы смеяться над самим собой, этому человеку не хватало легкости, раскрепощенности; чтобы владеть этим искусством, нужно уметь смотреть на себя со стороны, в веселой комедии жизни быть одновременно и зрителем, и актером; Р. же был солдат и считал самосозерцание занятием нездоровым, неанглийским и непатриотичным.

Эшенден встал, не торопясь направился к отелю, небольшой второразрядной немецкой гостинице, безукоризненно чистой и опрятной. Из окон его номера открывался красивый вид, обставлена комната была лакированной сосновой мебелью; в холодный, дождливый день

такая мебель выглядит на редкость убого, однако сейчас, когда было тепло и солнечно, она «смотрелась». Сев за столик в холле, Эшенден заказал себе бутылку пива и разговорился с хозяйкой гостиницы. Та поинтересовалась, зачем он приехал сюда в мертвый сезон, и Эшенден, с удовольствием удовлетворяя ее любопытство, сообщил, что совсем недавно переболел тифом и приехал в Люцерн восстановить силы. Еще он рассказал, что работает в Цензурном ведомстве и хотел бы освежить в памяти немецкий язык, который здорово подзабыл, а поэтому был бы очень признателен, если бы хозяйка порекомендовала ему какого-нибудь учителя немецкого. Хозяйка была белокурой полнотелой швейцаркой, добродушной и болтливой, и Эшенден мог не сомневаться, что в соответствующем месте она слово в слово повторит все, что он ей рассказывал. Теперь наступила его очередь задавать вопросы, и он выяснил (хозяйка по этому поводу очень сокрушалась), что гостиница, которая в это время года бывала так переполнена, что приходилось селить туристов в соседних домах, сейчас из-за войны практически пустует. Несколько человек здесь только столуются, en pension,¹ а постоянно живут лишь две семьи: пожилая ирландская пара из Веве, проводящая в Люцерне летние месяцы, и англичанин с женой. Жена англичанина – немка по национальности, поэтому они вынуждены жить в нейтральной стране. В отношении английской пары Эшенден старался проявлять как можно меньше любопытства – по описанию он сразу же догадался, что муж немки и есть Грантли Кейпор, однако хозяйка по собственной инициативе сообщила, что англичане целыми днями пропадают в горах. Герр Кейпор – ботаник, пояснила она, и интересуется швейцарской флорой. Хорошо отозвалась она и о его жене, сказав, что это очень славная женщина и что она ей очень сочувствует. «Ну ничего, война ведь когда-нибудь кончится», – вздохнула хозяйка и с этими словами вразвалочку удалилась, а Эшенден поднялся к себе в номер. Обед начинался в семь вечера, и Эшенден, желая прийти в столовую пораньше, чтобы успеть как следует рассмотреть всех тех, кто питается в гостинице, спустился, как только услышал звон колокольчика. Судя по обстановке (чистенькая, без излишеств комнатка, стулья, как и у него в номере, лакированной сосны, по стенам гравюры с изображением швейцарских озер, на каждом столике по букету цветов), обед ожидался прескверный, и Эшенден, чтоб хоть как-то оживить унылую трапезу, с удовольствием заказал бы бутылку лучшего рейнского, какую только можно было отыскать в этой дыре, однако, по здравом размышлении, счел, что подобная расточительность привлечет к себе внимание (на двух-трех столах стояли початые бутылки белого вина – свидетельство того, что за обедом здесь пили весьма умеренно), и ограничился бутылкой крепкого немецкого пива. В это время в столовую вошли, один за другим, двое мужчин, по виду швейцарцы, должно быть холостяки, работающие в Люцерне. Сев каждый за свой столик, они развернули салфетки, которые сами же после завтрака аккуратно свернули, после чего вытащили из карманов газеты и, прислонив их к графинам с водой, стали читать и одновременно, довольно громко чавкая, есть суп. Следом за ними в сопровождении маленькой седовласой дамы в черном появился высокий сутулый старик с копной густых седых волос и длинными седыми усами. Это, вернее всего, был ирландский полковник с женой, о котором рассказывала хозяйка. Они сели за столик, и полковник налил в бокалы немного вина – сначала жене, потом себе. Пригубив вино, они стали молча ждать, пока их обслужит миловидная сноровистая подавальщица.

Наконец появились те, кого Эшенден поджидал с особым нетерпением. Когда они вошли, он углубился в чтение немецкой книги и, с трудом преодолев любопытство, лишь на мгновение вскинул глаза. Его наметанному глазу предстал мужчина лет сорока пяти, среднего роста, довольно полный, с короткими темными с проседью волосами и с красным чисто выбритым лицом. На нем был серый костюм и рубашка с открытым воротом. Позади шла его жена-немка. Эшенден успел заметить только, что она скромно одета, а лицо ее сильно напудрено. Грантли Кейпор сел и зычным голосом стал рассказывать официантке, что они совершили длиннейшую прогулку. Они взобрались на какую-то гору, название которой Эшендену абсолютно ничего не говорило, зато у подавальщицы вызвало возгласы удивления

¹ Как в пансионе (*фр.*).

и бурного энтузиазма. Затем Кейпор на беглом немецком языке, хотя и с сильным английским акцентом, сказал, что они так опаздывали, что даже не поднялись в номер помыться с дороги, а только сполоснули руки перед входом. Голос у него был громкий, держался он раскованно и вальяжно.

– Скорей несите обед! – кричал он. – Мы умираем от голода. И пива не забудьте! Три бутылки. *Lieber Gott*,¹ как хочется пить!

Кейпор производил впечатление человека необычайно энергичного. Он внес оживление в унылую размеренность трапезы; с его приходом на лица обедающих неожиданно появилось какое-то настороженное выражение. Он заговорил с женой по-английски, да так громко, что все слышали каждое сказанное им слово, пока вдруг она не прервала мужа, заметив ему что-то вполголоса. Кейпор осекся, и Эшенден догадался, что англичанин смотрит в его сторону. Миссис Кейпор первая обратила внимание на появление нового человека и незамедлительно сообщила об этом мужу. Эшенден перевернул страницу книги, которую якобы читал, однако чувствовал, что Кейпор по-прежнему пристально на него смотрит. В следующий раз он обратился к жене таким тихим голосом, что Эшенден не расслышал даже, на каком он говорит языке, а когда подавальщица принесла им суп, он, на этот раз вполголоса, задал ей какой-то вопрос. Было очевидно, что Кейпор интересуется, кто такой Эшенден. Из ответа официантки до Эшендена донеслось только: *länder*.²

Двое мужчин, приступивших к обеду первыми, кончили есть и пошли к выходу, дружно орудуя зубочистками. Затем из-за стола встали старик полковник с женой, и он, отступив на шаг, пропустил ее вперед. В течение всего обеда они не обратились друг к другу ни разу. Она медленно направилась к двери, однако полковник остановился перекинуться словом с одним из швейцарцев, на вид адвокатом; подойдя к выходу, старая ирландка, ссутулившись, с отсутствующим выражением лица, стала терпеливо ждать, пока муж, закончив беседу, подойдет и откроет ей дверь. Эшенден понял вдруг, что полковник ни разу в жизни не позволил ей самой открыть дверь. Она просто не знала, как это делается. Через минуту старик ирландец, с трудом передвигая ноги, подошел к двери и открыл ее; супруга вышла, и он последовал за ней. Этот незначительный эпизод приоткрыл Эшендену всю их историю, по этому эпизоду он стал восстанавливать события их совместной жизни, черты характера, особенности поведения, однако вскоре сам себя остановил – сейчас он не мог позволить себе роскошь заниматься сочинительством.

Закончив обедать, Эшенден вышел в холл и, увидев привязанного к ножке стола бультерьера, машинально опустил руку и потрепал мягкие уши собаки. Хозяйка гостиницы стояла на нижней ступеньке лестницы.

– Симпатичный, – сказал Эшенден. – Чей он?

– Герра Кейпора. Собаку зовут Фриц. Герр Кейпор уверяет, что родословная у нее длиннее, чем у английского короля.

Фриц потерял об ногу Эшендена и ткнулся носом ему в ладонь. Эшенден поднялся к себе в номер за шляпой, а спустившись, увидел, что Кейпор стоит у входа в гостиницу и о чем-то беседует с хозяйкой. По тому, как оба они при его появлении смутились и замолчали, Эшенден заключил, что Кейпор интересуется им. Проходя между ними, он краем глаза увидел, что Кейпор провожает его подозрительным взглядом. Теперь на открытом красном лице весельчака застыло испуганное и в то же время хитрое выражение.

Гуляя по городу, Эшенден вскоре обнаружил бар с открытой верандой, где можно было выпить кофе с рюмкой хорошего коньяка – награда за воздержанность, проявленную во время обеда. Он был рад, что наконец-то встретился лицом к лицу с Грантли Кейпором, о котором столько слышал. Через пару дней они познакомятся – знакомство с человеком, у которого есть собака, – дело, как известно, несложное. Впрочем, Эшенден не спешил: при его планах он не мог торопить события.

Эшенден еще раз перебрал в голове известные ему факты. Грантли Кейпору было сорок

¹ Боже мой (*нем.*).

² Окончание слова «*Ausländer*» – иностранец (*нем.*).

два года, родился он, если верить паспорту, в Бирмингеме. Его супруга, на которой он был женат одиннадцать лет, по происхождению была немка. Все это, впрочем, было общеизвестно, о подробностях же его биографии знали лишь немногие. Согласно секретным данным, Кейпор начинал клерком в бирмингемской юридической конторе, однако в дальнейшем переключился на журналистику, одно время сотрудничал с каирской газетой, выходящей на английском языке, затем – с английской газетой в Шанхае; в этом городе при попытке приобрести деньги незаконным путем он был задержан, судим и посажен ненадолго в тюрьму. Выйдя на свободу, Кейпор в течение двух лет пропадал неизвестно где, а затем объявился в Марселе, в конторе по перевозке грузов. Оттуда, по-прежнему занимаясь делами этой фирмы, он отправился в Гамбург, где и женился, а из Гамбурга – в Лондон. В Лондоне он открыл собственное дело по экспортным торговым операциям, но спустя некоторое время разорился, был объявлен банкротом и вернулся в журналистику. Перед началом войны он вновь поступил в фирму по перевозке грузов и в августе 1914 года тихо жил со своей женой-немкой в Саутгемптоне, однако в начале следующего года довел до сведения руководства фирмы, что из-за национальности жены положение его сделалось совершенно непереносимым, и глава фирмы, не имея ничего против него лично и пойдя ему навстречу, удовлетворил его просьбу и перевел в Геную, где Кейпор прожил до тех пор, пока Италия не вступила в войну, после чего подал заявление об уходе и, имея на руках все необходимые документы, пересек границу и переехал в Швейцарию.

Все это выдавало человека неуживчивого, вряд ли порядочного, без образования и с сомнительным финансовым положением. Однако факты эти абсолютно никого не интересовали до тех пор, пока не выяснилось, что Кейпор (определенно с начала войны, а, возможно, и раньше) завербован немецкой разведкой, платившей ему сорок фунтов в месяц. Но даже и тогда, несмотря на опасность, которую он представлял, против него не было бы предпринято никаких шагов, ограничься он распространением сведений, поступавших к нему из Швейцарии. Особого вреда он при всем желании принести не мог; больше того, в принципе можно было бы попытаться использовать его в интересах союзников. Сам же Кейпор понятия не имел, что о нем что-то известно. Его письма (а переписку он вел обширную) проходили тщательную проверку; шифры, которыми он пользовался, были разгаданы, и в Англии рассчитывали рано или поздно выйти через него на шпионскую сеть, до сих пор еще не раскрытую. Но затем он совершил нечто такое, что привлекло к нему внимание Р. Зная Кейпор о последствиях, он никогда бы на это не отважился и сидел бы тихо – Р. был не из тех людей, которым можно было безнаказанно становиться поперек дороги. В Цюрихе Кейпор познакомился с молодым испанцем по имени Гомес, который незадолго до этого поступил на работу в британскую разведку, втесался, играя на патриотических чувствах, к нему в доверие, каким-то образом вызнал у него, что тот – английский агент. Возможно, Гомес, со свойственным всякому человеку стремлением выдать себя за крупную шишку, просто дурил ему голову, наговорил всяких несообразностей, однако, когда он поехал в Германию, за ним, получив информацию от Кейпора, установили слежку. И в один прекрасный день испанца задержали, причем в тот самый момент, когда он отправлял зашифрованное письмо. Письмо расшифровали, а Гомеса отдали под суд, признали виновным в шпионаже и расстреляли. Мало того что разведка лишилась полезного и добросовестного агента; пришлось вдобавок менять простой и надежный шифр. Р. был недоволен, однако полковник был не тот человек, который, желая отомстить, отклонится от поставленной цели; ему пришло в голову, что, если Кейпор предал родину за деньги, есть шанс его перекупить – заплатить ему больше, чем платят немцы, и он точно так же предаст их, как предал своих соотечественников. Раз Кейпору удалось выдать немцам агента союзников, значит, сейчас он пользуется их доверием, рассуждал Р., а стало быть, если его перевербовать, польза от него будет, и немалая. Вместе с тем Р. совершенно не представлял себе, что Кейпор за человек, – жизнь в Швейцарии тот вел тихую, незаметную, в досье хранилась только одна его фотография – и та маленькая, паспортного формата. Исходя из всего этого, Эшендену было поручено познакомиться с Кейпором и выяснить, есть ли возможность его перевербовать;

если Эшендену покажется, что это реально, ему следует, предварительно Кейпора прощупав, сделать ему некоторые конкретные предложения. Такое задание требовало такта и умения разбираться в людях. Если же Эшенден придет к выводу, что перекупить Кейпора нельзя, он должен установить за ним слежку и регулярно сообщать о его поведении. Информация, которую Эшенден получил от Густава, была хоть и непроверенной, но весьма ценной; по его сведениям, шеф германской разведки в Берне из-за пассивности Кейпора начинал проявлять признаки беспокойства, Кейпор требовал повышения жалованья, а майор фон П. возражал, что большое жалованье надо отработать. Были все основания полагать, что шеф германской разведки хочет перебросить Кейпора в Англию. Поэтому, если бы Эшендену удалось уговорить Кейпора пересечь границу, он считал бы свою задачу выполненной.

«Как же, интересно знать, я могу уговорить его добровольно сунуть голову в петлю?» – полюбопытствовал Эшенден.

«В петлю? – усмехнулся Р. – Его ждет не петля, а пуля».

«Кейпор умен».

«Так будьте умнее, черт побери!»

После длительного размышления Эшенден решил, что не станет Кейпору навязываться, а подождет, пока тот захочет познакомиться с ним сам. Раз от Кейпора требуют результатов, знакомство с англичанином из Цензурного ведомства может его заинтересовать. На случай такого разговора у Эшендена была припасена информация, не имеющая для Германии и ее союзников абсолютно никакой ценности. С вымышленным именем и поддельным паспортом бояться, что Кейпор заподозрит в нем британского агента, не приходилось.

Ждать Эшендену долго не пришлось. На следующий день он сидел у входа в гостиницу с чашкой кофе и уже начинал дремать после плотного Mittagessen,¹ когда из столовой вышел Кейпор с женой. Миссис Кейпор пошла наверх, а Кейпор спустил собаку с поводка, и бультерьер, радостно урча, бросился к Эшендену.

– Ко мне, Фриц! – крикнул Кейпор и, обращаясь Эшендену, сказал: – Простите, но он не укусит.

– Конечно. Хороший пес, сразу видно.

Кейпор остановился в дверях:

– Это бультерьер. На континенте их не часто встретишь. – Он окинул Эшендена оценивающим взглядом, затем подозвал служанку: – Один кофе, пожалуйста, фрейлейн. Вы только что приехали?

– Да, вчера.

– В самом деле? Почему ж я вчера вечером не видел вас в столовой? Надолго сюда?

– Пока не знаю. Я болел и приехал подлечиться.

Служанка принесла Кейпору кофе и, увидев, что тот разговаривает с Эшенденом, поставила чашку на его столик. Кейпор натянуто улыбнулся:

– Не хочу вам навязываться. Не знаю, с какой это стати она поставила кофе на ваш стол.

– Пустяки, присаживайтесь.

– Вы очень любезны. Я уже давно на континенте и вечно забываю, что мои соотечественники терпеть не могут, когда с ними заговаривают незнакомые люди. Кстати, вы англичанин или американец?

– Англичанин, – ответил Эшенден.

По природе он был человеком очень застенчивым и, не сумев справиться с этим неподобающим его возрасту недостатком, научился тем не менее использовать его в своих интересах. Вот и теперь запинаящимся голосом, со стеснительной улыбкой он изложил Кейпору те факты своей биографии, которые накануне сообщил хозяйке гостиницы и которыми, он нисколько в этом не сомневался, она уже успела поделиться с Кейпором.

– В таком случае вы совершенно правильно сделали, что выбрали Люцерн. Лучшего места, чтобы восстановить здоровье, не придумаешь. Ведь это оазис мира в охваченной лихорадкой войны Европе. Когда живешь в Люцерне, то даже не верится, что где-то совсем

¹ Здесь: второго завтрака (нем.).

рядом идет война. Поэтому я сюда и приехал. Я ведь по профессии журналист.

– Я сразу подумал, что вы, должно быть, пишете, – сказал Эшенден, не забыв изобразить на лице робкую улыбку.

Не в конторе же по перевозке грузов он научился выражениям типа «оазис мира в охваченной лихорадкой войны Европе»!

– Видите ли, у меня жена – немка, – с серьезным видом сказал Кейпор.

– В самом деле?

– Понимаете, я – истинный патриот, англичанин до мозга костей и убежден, глубоко убежден, что Британская империя играет первостепенную роль в прогрессе цивилизации, но, поскольку я женат на немке, не могу, естественно, не видеть и обратную сторону медали. Мне не надо объяснять, что у немцев есть свои недостатки, но, откровенно говоря, я отказываюсь считать их дьяволами во плоти. В начале войны моей бедной жене пришлось в Англии очень несладко – и не по ее вине. Все вокруг считали ее шпионкой. Видели бы вы ее! Да она мухи не обидит, типичная Hausfrau,¹ для которой не существует ничего, кроме дома, мужа и нашего малыша Фрица! – Кейпор погладил собаку и захихикал. – Скажи, Фриц, ведь ты наш любимый малыш, правда? В результате я оказался в весьма щекотливом положении. Ведь я сотрудничал с несколькими очень солидными газетами, и мои редакторы были от моих родственных связей не в восторге. Короче говоря, я счел, что самым разумным в создавшейся ситуации будет подать заявление об уходе и пересидеть эту бойню в нейтральной стране. Знаете, мы с женой никогда не говорим о войне, причем, должен вам признаться, в основном из-за меня, а не из-за нее – она ведь гораздо терпимее, чем я, и готова смотреть на весь этот ужас моими глазами.

– Странно, – сказал Эшенден. – Обычно ведь женщины более нетерпимы, чем мужчины.

– Моя жена – необыкновенная женщина. Буду рад вас с ней познакомить. Кстати, вы ведь не знаете моего имени. Грантли Кейпор.

– Сомервилл, – представился Эшенден.

Потом он рассказал Кейпору о своей работе в Цензурном ведомстве и обратил внимание, что в глазах Кейпора мелькнул живой интерес, после чего как бы между прочим обмолвился, что ищет человека, который бы преподавал ему разговорный немецкий язык, а то он из-за отсутствия практики двух слов связать не может... И тут у него в мозгу неожиданно родилась великолепная мысль; он встретился с Кейпором глазами и понял, что и тот подумал о том же. Им обоим одновременно пришло в голову, что давать Эшендену уроки немецкого могла бы миссис Кейпор.

– Я спросил нашу хозяйку, не может ли она подыскать кого-то, и она сказала, что попробует. Надо будет ей напомнить. Думаю, найти учителя, который бы час в день разговаривал со мной по-немецки, труда не составит.

– Я бы на вашем месте на ее рекомендацию не полагался, – сказал Кейпор. – Вам ведь нужен человек, который говорит на настоящем немецком языке, а не на швейцарском диалекте. Спрошу жену – может, она кого-то знает. Моя жена – женщина образованная, ее рекомендации можно доверять.

– Очень вам буду признателен.

Теперь Эшенден имел возможность рассмотреть Грантли Кейпора как следует, и он обратил внимание, насколько его маленькие серо-зеленые глазки, которые вчера вечером разглядеть было трудно, не вяжутся с красным добродушным, открытым лицом. Эти бегающие глазки, казалось, все время прячутся, но стоило Кейпору о чем-то задуматься, как взгляд его мгновенно застывал. Поэтому возникало странное ощущение, будто по его глазам можно было наблюдать за работой мозга. Такие глаза доверия никак не внушали; располагали к себе добродушная широкая улыбка, открытое обветренное лицо, какая-то уютная полнота, громкий, раскатистый голос – но только не глаза. Сейчас он использовал все свое обаяние. Беседуя с ним в свойственной ему стеснительной, хотя и непринужденной,

¹ Домашняя хозяйка (нем.).

обезоруживающей манере, Эшенден не мог отделаться от мысли, что его собеседник – самый настоящий предатель, что он изменил родине всего лишь за сорок фунтов в месяц. Эшенден знал Гомеса, юного испанца, которого предал Кейпор. Это был благородный, пылкий юноша, который выполнял свою чреватую опасностями миссию не ради денег, а из чисто романтических побуждений. Он приходил в восторг, когда ему удавалось перехитрить тупого немца, и, войдя в роль, самозабвенно изображал из себя героя неприхотливого приключенческого романа. Трудно было поверить, что сейчас этот горячий юноша лежит в земле, на глубине шести футов, закопанный на тюремном дворе. В этом совсем еще молодом человеке было что-то рыцарское. Интересно, испытывал ли Кейпор угрызения совести, когда обрекал его на верную смерть?

– Я полагаю, вы немного говорите по-немецки? – с интересом спросил Кейпор.

– О да, ведь я учился в Германии и когда-то говорил свободно, но это было давно, я все позабыл. Впрочем, читать по-немецки я не разучился.

– Да-да. Вчера вечером я обратил внимание, что вы читали немецкую книгу.

Болван! Ведь еще несколько минут назад он уверял Эшендена, что в столовой его не видел. Любопытно, заметил ли он свою оплошность? Как легко допустить промах! Надо и самому быть очень внимательным. Больше всего Эшенден боялся, что не сразу откликнется на имя «Сомервилл». Не исключено, правда, что Кейпор ошибся нарочно, чтобы посмотреть, как Эшенден отреагирует.

Кейпор встал:

– А вот и моя жена. Во второй половине дня мы обычно совершаем прогулку в горы. Здесь есть красивые места, как-нибудь вам покажу. Цветы даже сейчас восхитительны.

– К сожалению, такие прогулки мне пока не по силам, – вздохнув, сказал Эшенден.

От природы лицо у него было бледное, вид нездоровый, хотя на здоровье он пожаловаться не мог. Миссис Кейпор спустилась по лестнице и вышла на улицу. Кейпор догнал ее, и они в сопровождении вертевшегося под ногами Фрица направились в сторону гор. Эшенден заметил, что стоило им отойти на почтительное расстояние, как Кейпор о чем-то с жаром заговорил – стал пересказывать жене свой разговор с Эшенденом, не иначе. Лучи яркого солнца отражались в прозрачной воде озера, ветерок шелестел в зеленых кронах деревьев – все располагало к прогулке. Эшенден встал, поднялся к себе в комнату и, бросившись на кровать, крепко уснул.

Вечером он пришел в столовую поздно, когда Кейпоры уже кончали обедать, – после дневного сна он долго бродил по Люцерну в надежде выпить коктейль, который помог бы ему не спастись перед картофельным салатом – дежурным обеденным блюдом, – и, выходя из столовой, Кейпор остановился возле столика, за которым сидел Эшенден, и спросил, не выпьет ли тот с ним и его женой по чашке кофе. Когда Эшенден, пообедав, вышел в холл, Кейпор встал ему навстречу и церемонно представил его своей супруге. Та сухо поклонилась и на вежливое приветствие Эшендена улыбкой не ответила: нетрудно было заметить, что держалась она подчеркнуто враждебно, от чего Эшендену стало почему-то спокойнее. Это была довольно некрасивая женщина лет сорока, с нежной кожей и расплывчатыми чертами лица; ее светло-каштановые волосы были заплетены в уложенную вокруг головы косу на манер прусской королевы наполеоновских времен. Плечи у нее были широкие, руки полные, бюст мощный, лицо же совсем не глупое; она производила впечатление женщины с характером, и Эшенден, достаточно долго живший в Германии и хорошо этот тип знавший, вполне мог допустить, что такая женщина не только хорошо готовит, обхаживает мужа, гуляет по горам, но и в курсе абсолютно всех его дел. На ней была белоснежная блузка, из-под которой выглядывала загорелая шея, черная юбка и высокие ботинки. Обратившись к жене по-английски, Кейпор в обычной своей благодушной манере пересказал, как если бы она этого еще не знала, то, что сегодня днем сообщил ему о себе Эшенден. Слушала она молча, с угрюмым видом.

– Вы, кажется, говорили, что понимаете немецкую речь, – сказал Кейпор. Его большое красное лицо расплылось в улыбке, а маленькие зеленые глазки тем временем беспокойно

бегали.

– Да, когда-то я учился в Гейдельбергском университете.

– В самом деле? – заговорила по-английски миссис Кейпор, и ее сумрачное лицо немного оживилось. – Гейдельберг я знаю очень хорошо, целый год училась там в школе.

Она говорила на правильном, хотя и гортанном английском языке с чеканными ударениями. Эшенден рассыпался в похвалах старинному университетскому городу и его живописным окрестностям, однако миссис Кейпор, преисполнившись тевтонской гордыни, хранила покровительственное молчание и на комплименты реагировала без энтузиазма.

– Да, долина Некара – одно из самых красивых мест в мире, это общеизвестно, – обронила она.

– Я забыл сказать тебе, дорогая, – спохватился Кейпор, – что мистер Сомервилл хочет брать уроки разговорного немецкого языка. Я сказал, что, может быть, ты ему кого-нибудь порекомендуешь.

– Нет, у меня на примете никого нет, – сказала миссис Кейпор. – По крайней мере никого такого, кого бы я могла с уверенностью рекомендовать. И потом, швейцарский акцент совершенно чудовищен. Уроки со швейцарцем ничего, кроме вреда, мистеру Сомервиллу не принесут.

– На вашем месте, мистер Сомервилл, я бы попробовал уговорить заниматься с вами мою жену. Она ведь человек в высшей степени образованный и культурный.

– Ах, Грантли, у меня совсем нет времени.

Сообразив, что теперь все зависит от него самого, что силки расставлены и осталось только в них попасть, Эшенден повернулся к миссис Кейпор и сказал, как умел только он – робким, извиняющимся, вкрадчивым голосом:

– Разумеется, было бы просто восхитительно, если бы вы могли давать мне уроки. Я счел бы это для себя большой честью. Естественно, это ни в коем случае не должно идти в ущерб вашей работе. Я ведь приехал сюда восстанавливать здоровье и совершенно свободен, поэтому меня устроит любое время, которое удобно вам.

Кейпоры – и он и она – не скрывали своего удовлетворения, а в голубых глазах миссис Кейпор – так Эшендену показалось – сверкнул злорадный огонек.

– Соглашение, разумеется, будет чисто деловым, – сказал Кейпор. – Действительно, почему бы моей жене немного не заработать на карманные, так сказать, расходы? Как вы находите, десять франков в час – это по-божески?

– Вполне, – ответил Эшенден. – Для меня было бы удачей найти за эти деньги такого первоклассного педагога, как ваша супруга.

– Ну, что скажешь, дорогая? В конце концов, один час в день – это не так уж много. Заодно окажешь мистеру Сомервиллу любезность. Тогда, быть может, он поймет, что отнюдь не каждый немец – исчадие ада, как это принято считать в Англии.

Напряженно размышляя, миссис Кейпор наморщила лоб, и Эшенден с ужасом подумал, что с завтрашнего дня ему предстоит регулярно в течение часа беседовать с этой грузной и хмурой женщиной. О чем – один Бог знает!

– Что ж, буду рада давать мистеру Сомервиллу уроки разговорного немецкого языка, – отчеканила наконец миссис Кейпор.

– Поздравляю вас, мистер Сомервилл! – шумно заговорил Кейпор. – Считайте, что вам здорово повезло. Когда начнете? Завтра в одиннадцать?

– Если миссис Кейпор это время устраивает, я готов.

– В одиннадцать так в одиннадцать, – согласилась миссис Кейпор.

Эшенден, довольный, ушел, предоставив чете Кейпор наедине праздновать победу своей дипломатии. Однако, когда на следующий день ровно в одиннадцать часов утра в его комнату постучали (заниматься договорились у него в номере), дверь он открыл не без некоторого трепета. Про себя он решил быть со своей преподавательницей откровенным, в меру развязным и в то же время крайне осторожным – немка была достаточно проницательна и очень импульсивна. Лицо миссис Кейпор было по обыкновению мрачным и озабоченным,

она определенно не желала иметь с Эшенденом ничего общего. Но когда они сели и она начала (первое время довольно резким тоном) задавать ему вопросы по немецкой литературе, а потом аккуратно поправлять ошибки и терпеливо, четко объяснять построение сложных немецких конструкций, в которых Эшенден то и дело путался, стало очевидно: хотя она и давала ему урок через силу, но относилась к своим обязанностям вполне добросовестно. Она не только умела преподавать, но и любила это занятие и постепенно, сама того не замечая, увлекалась. Теперь она лишь изредка заставляла себя вспоминать, что перед ней английский варвар, однако Эшендена, который подметил, как она с собой борется, это несколько не смущало, и, когда во второй половине дня Кейпор поинтересовался, как прошло занятие, он, несколько не лицемеря, ответил, что урок превзошел все его ожидания, – миссис Кейпор оказалась на высоте, она – прекрасный педагог и исключительно интересный человек.

– А я вам что говорил? Моя жена – самая замечательная женщина на свете.

И Эшендену показалось, что, когда Кейпор с присущим ему добродушным юмором произнес эти слова, он впервые был совершенно искренен.

Через пару дней Эшенден окончательно убедился, что миссис Кейпор давала ему уроки только для того, чтобы мужу было легче войти к нему в доверие, ибо ни о чем, кроме литературы, музыки и живописи, она с ним не беседовала, а когда Эшенден в качестве эксперимента попробовал было завести разговор о войне, она резко оборвала.

– Думаю, герр Сомервилл, нам лучше этой темы не касаться, – отчеканила она.

Миссис Кейпор продолжала давать ему уроки с исключительной добросовестностью, так что деньги свои он платил не зря, однако на урок она неизменно приходила угрюмая, раздраженная, и инстинктивное отвращение к своему ученику пропадало у нее лишь ненадолго, в минуты увлечения педагогическим процессом. Эшенден же настойчиво и совершенно безуспешно использовал одну за другой все свои уловки: вел себя то заискивающе, то с безыскусной покорностью, иногда рассыпаясь в благодарностях; порою бывал прямодушен или льстив, а то и робок. Миссис Кейпор, однако, продолжала держаться с холодной враждебностью. Она была фанатичка, ее патриотизм был агрессивным, но не своекорыстным; свято веря в преимущество всего немецкого, она всем сердцем ненавидела Англию, ибо именно в этой стране видела основное препятствие распространению немецкого влияния. Ее идеалом был мир, подчиненный Германии; мир, где все нации находились бы под большей властью Берлина, чем когда-то Рима, под воздействием достижений германской науки, германского искусства, германской культуры. От этой теории веяло поразительной наглостью, которая не могла Эшендена не забавлять. Вместе с тем миссис Кейпор была неглупа: много и на нескольких языках – читала, а о прочитанном судила, как правило, весьма здраво. Она неплохо разбиралась в современном искусстве и в современной музыке, что тоже производило на Эшендена немалое впечатление. Забавно было слушать, как она, сев однажды за пианино, играет одну из воздушных, прозрачно-серебристых пьес Дебюсси; чувствовалось, что ее выводит из себя эта легкомысленная французская музыка, действует на нервы ее живость и изящество.

Когда Эшенден поздравил ее, она лишь пожала плечами.

– Разложившаяся музыка разложившейся нации, – процедила она сквозь зубы и тут же, мощно ударив по клавишам своими сильными руками, заиграла было сонату Бетховена, но почти сразу остановилась: – Не могу играть, совершенно разучилась. Впрочем, что вы, англичане, смыслите в музыке? После Перселла у вас не было ни одного сносного композитора!

– Что вы на это скажете? – с улыбкой спросил Эшенден стоявшего рядом Кейпора.

– Она права, как это ни грустно. Теми незначительными познаниями в музыке, которыми я располагаю, я обязан жене. Вы бы слышали, как звучит у нее рояль, когда она в форме! – И Кейпор опустил на плечо жены пухлую, с короткими, толстыми пальцами руку. – Просто за душу берет.

– Dummer Kerl, – едва слышно произнесла она. – Дурачок. – И Эшенден заметил, как у нее дрогнули губы. – Вы, англичане, – поспешила добавить миссис Кейпор, справившись с

собой, – не умеете писать картин, не умеете лепить, не умеете сочинять музыку...

– Зато стишки мы иногда кропаем изрядные, – добродушно сказал Эшенден, который не мог позволить себе пускаться в споры. И тут, неизвестно почему, ему вспомнились вдруг две строчки, которые он и продекламировал:

Куда плывешь, одевшись парусами
И преклонив главу на лоно волн?¹

– Да, – сказала миссис Кейпор, сделав странный жест рукой. – Да, сочинять стихи вы умеете. Как ни странно.

И, к изумлению Эшендена, она своим гортанным голосом дочитала четверостишие до конца.

– Пойдем, Грантли, Mittagessen уже накрыт.

Они ушли, а Эшенден задумался.

Он восхищался человеческой добротой, однако зло не вызывало у него возмущения. Его иногда считали бессердечным, потому что он чаще относился к людям с интересом, чем с симпатией; у тех немногих, к кому Эшенден все же был привязан, он с одинаковой ясностью видел и достоинства, и недостатки. Когда какой-нибудь человек вызывал у него теплые чувства, это происходило вовсе не потому, что он не замечал его слабостей, – он просто не имел ничего против них, принимал эти слабости, понимающе пожимая плечами; это происходило вовсе не потому, что он приписывал этому человеку совершенства, которыми тот не обладал, – коль скоро он судил о своих друзьях здраво, они никогда его не разочаровывали, а потому он редко терял друзей. Он ни от кого не требовал большего, чем тот мог дать. Вот почему чету Кейпор Эшенден имел возможность и впредь изучать беспристрастно, без предрассудков. Миссис Кейпор представлялась ему натурой более цельной, чем ее супруг, а потому более понятной. Она, безусловно, ненавидела Эшендена; несмотря на то что ей по необходимости приходилось быть с ним корректной, отвращение ее было столь велико, что временами она, не сдержавшись, позволяла себе резкие выражения в его адрес, была даже откровенно груба, и Эшенден сознавал, что, если дать ей волю, она бы убила его без малейших угрызений совести. Однако по тому, как Кейпор стиснул ей плечо своей пухлой рукой, по тому, как у нее непроизвольно задрожали губы, Эшенден догадался, что эту невзрачную женщину и этого хитрого толстяка связывает глубокое и искреннее чувство. Эшенден стал перебирать в памяти наблюдения, которые сделал за последние несколько дней, припоминать мелочи, на которые обратил внимание, но значения им не придавал, и в результате пришел к выводу, что миссис Кейпор любит своего мужа, так как обладает более сильным характером, чем он, и чувствует его зависимость от себя. Она любила его за то, что он восхищался ею, – ведь до встречи с ним эта коренастая некрасивая женщина, скучная, добропорядочная и начисто лишенная чувства юмора, едва ли вызывала восхищение у мужчин. Она любила его громкий смех, его шумные шутки; его постоянно приподнятое настроение разгоняло ее ленивую кровь; он был для нее чем-то вроде большого проказливого мальчугана – и таким останется навсегда; она ощущала себя его матерью. Это она сделала его таким, каким он стал; он был ее единственным мужчиной, а она – его единственной женщиной, и она любила его, несмотря на его слабость (в чем она, человек разумный, всегда отдавала себе отчет), она любила его, ach, was,² как Изольда любила Тристана. А тут еще шпионаж! Даже Эшенден, при всей своей терпимости к человеческим слабостям, не мог не сознавать, что предавать родину за деньги – не самый приличный поступок. Она, конечно же, была в курсе дела; больше того, очень возможно, Кейпора завербовали именно благодаря ей – он бы никогда не стал шпионом, если бы она его не подбила. Но ведь она любила его, она была честная и прямая женщина. По какому же дьявольскому наущению она уговорила себя заставить мужа взяться за столь низкое и

¹ Эшенден цитирует стихотворение «Прохожий» Роберта Бриджеса. – *Примеч. пер.*

² Ах, ну как? (нем.).

бессовестное занятие? И пытаюсь представить, чем она при этом руководствовалась, Эшенден окончательно заблудился в лабиринте догадок и предположений.

Другое дело – Грантли Кейпор. В нем было, прямо скажем, немного черт, которые бы вызывали восхищение, но в этот момент Эшенден не искал объект для восхищения. Вместе с тем в этом пошлом шутнике и проходимце было немало странного и неожиданного. Эшенден с интересом наблюдал, как этот шпион, предатель незаметно, исподволь пытается оплести его своими сетями.

Через пару дней после первого урока, когда обед кончился и жена Кейпора поднялась наверх, Кейпор, увидев сидящего в холле Эшендена, грузно плюхнулся на стул рядом с ним. К нему подбежал верный Фриц и уткнул длинную морду с черным носом хозяину в колени.

– Абсолютно безмозглое создание, – сказал Кейпор, – зато сердце из чистого золота. Посмотрите-ка на эти розовые глазки. Вы что-нибудь глупее видали? А морда какая уродливая? При этом – бездна обаяния!

– Давно он у вас? – спросил Эшенден.

– Я приобрел его в 1914 году, перед самой войной. Кстати, что вы скажете о последних событиях? С женой, сами понимаете, я о войне стараюсь не говорить, но вы себе не представляете, как я рад повстречать соотечественника, с которым можно наконец потолковать по душам!

Он протянул Эшендену дешевую швейцарскую сигару, и тот, исключительно из чувства долга, закурил ее.

– Разумеется, у этих бошей нет никаких шансов, – сказал Кейпор. – Нет и не было. Я сразу сказал, что мы их побьем.

На этот раз он говорил серьезно, искренне, в доверительной манере, и Эшенден ответил то, что подобает отвечать в таких случаях.

– Самое обидное, что из-за национальности жены я не смог принять в войне участия. Знаете, ведь я в первый же день пошел на призывной пункт, но меня не взяли по возрасту. Должен вам сказать по секрету, что, если война затянется, я, что бы там жена ни говорила, обязательно окажу родине посильную помощь. С моим знанием языков меня могут взять в Цензурное ведомство. Вы ведь тоже, кажется, там работали?

Для этого, собственно, он и завел весь этот разговор, и Эшенден в ответ на многозначительные вопросы Кейпора сообщил ему информацию, которую заранее заготовил. Кейпор пододвинулся поближе и перешел на доверительный шепот:

– Я понимаю, выдавать государственные тайны вы не станете, но эти швейцарцы, сами знаете, настроены крайне пронемецки, и лучше держать с ними ухо остро.

Затем, переменив тактику, он сообщил Эшендену кое-какие засекреченные сведения:

– Кроме вас, я никому бы этого не рассказал. Дело в том, что у меня есть двое-трое друзей, которые занимают довольно высокое положение, и они мне полностью доверяют.

Эшенден, в свою очередь, тоже не стал отмалчиваться, и в тот вечер оба разошлись по своим комнатам весьма довольные друг другом. Эшенден догадывался, что на следующее утро пишущая машинка Кейпора вряд ли будет простаивать, и энергичный майор в Берне в самом скором времени прочтет необыкновенно интересный отчет.

Однажды вечером, подымаясь после обеда наверх, Эшенден увидел, что дверь в ванную комнату приоткрыта. В ванной были Кейпоры.

– Заходите! – позвал всегда гостеприимный Кейпор. – Посмотрите, как мы моем нашего Фрица.

Бультерьер постоянно ухитрялся где-то испачкаться. Кейпор же, гордясь им, любил, чтобы пес был белым, без единого пятнышка. Войдя, Эшенден обнаружил следующую картину: по одну сторону ванны с засученными рукавами, в широком белом фартуке стояла миссис Кейпор, а напротив нее без пиджака и в натальной фуфайке, держа кусок мыла в своих толстых, покрытых веснушками, обнаженных по локоть руках, ее супруг намыливал несчастное животное.

– Приходится мыть его поздно вечером, – пояснил он, – а то этой ванной пользуются

Фицджеральды, и их бы родимчик хватил, знай они, что мы тут делаем. Вот мы и ждем, пока старики отправятся на покой. Ну-ка, Фриц, покажи мистеру Сомервиллу, как отлично ты себя ведешь, когда тебе физиономию моют.

Бедный зверь, который тяжело страдал, однако вяло помахивал хвостом, демонстрируя тем самым, что, как бы над ним ни измывались, он не держит зла против своего божества, стоял посреди ванны по брюхо в воде и дрожал мелкой дрожью. Намылив его с ног до головы, Кейпор, не умолкавший ни на минуту, потянулся своей пухлой рукой к тюбику шампуня и вылил его на морду собаки.

– А какой у нас будет красивый пес, когда помоемся! – приговаривал он. – Белый, как первый снег. Выйдет он с хозяином на прогулку, а местные собачонки сбегутся и скажут: «Господи помилуй, откуда же такой красавец к нам пожаловал? Как зовут этого аристократа, который выступает с таким видом, будто ему принадлежит вся Швейцария?» Тихонько, тихонько, дай я тебе ушки помою. Разве можно, скажи на милость, выходить на улицу с грязными ушами? Ты ведь не какая-нибудь дворняжка швейцарская, верно? *Noblesse, говорят, oblige.*¹ А теперь давай-ка сюда свой черный нос, вот так. И не вырывайся, а то нам в наши розовые глазки мыло попадет...

Миссис Кейпор слушала весь этот вздор с добродушной, вялой улыбкой на крупном некрасивом лице, и, когда собака была вымыта, молча протянула мужу полотенце.

– Ну-с, будем нырять, да? Раз-два!

И Кейпор, схватив Фрица за передние лапы, два раза подряд окунул его с головой в воду. Пес рванулся, забил лапами, брызги полетели во все стороны.

– А теперь иди к мамочке, – сказал Кейпор бультерьеру, вынимая его из воды. – Она тебя вытрет.

Миссис Кейпор села и, зажав пса между своими мощными коленями, стала вытирать его с таким рвением, что на лбу у нее выступил пот. Вскоре Фриц, слегка потрясенный и перепуганный, но счастливый, что все уже позади, стоял в дверях ванной и во все стороны вертел своей симпатичной глупой мордой.

– Вот что значит кровь! – победоносно вскричал Кейпор. – В его генеалогическом древе насчитывается не меньше шестидесяти четырех имен – и все как одно благородного происхождения!

Эшендену стало как-то не по себе. Поднимаясь вверх, он ощутил легкую дрожь.

Воскресным утром Кейпор сообщил ему, что они с женой отправляются на длинную прогулку, обедать будут в каком-нибудь маленьком ресторанчике в горах и предложил Эшендену к ним присоединиться. Договорились, что в ресторане каждый будет платить за себя. После трех недель, проведенных в Люцерне, Эшенден считал, что здоровье его восстановилось настолько, что можно отважиться на подобную вылазку. Вышли они рано; миссис Кейпор – с деловым видом, в тяжелых спортивных ботинках и с альпенштоком; Кейпор – в гольфах и в длинных, ниже колена, шортах, в которых он выглядел типичным английским путешественником. Вид у обоих был презабавный, и Эшенден готовился от души повеселиться, не забывая, впрочем, о том, что с этой парочкой следовало всегда быть настороже; Эшенден не исключал, что супруги догадались, кто он, и поэтому лучше было близко к обрыву не подходить – миссис Кейпор ничего не стоило столкнуть его в пропасть, да и от Кейпора всего можно было ожидать. Пока, однако, ничто не предвещало неприятностей. Утро было великолепным, воздух – благоуханным, Кейпор был в ударе. Он трещал без умолку, сыпал анекдотами, хохотал, балагурил. По его одутловатому, красному лицу струился пот, и он сам смеялся над своей полнотой. К изумлению Эшендена, он проявил себя великолепным знатоком горных цветов. Однажды он даже сошел с тропинки, чтобы сорвать цветок, который увидел издали, и, нежно глядя на него, преподнес жене.

– Какая прелесть, а? – воскликнул он, и его бегающие серо-зеленые глазки сделались вдруг ясными, как у младенца. – Прямо из стихотворения Уолтера Севеджа Лендора.

– Ботаника – любимая наука моего мужа, – сказала миссис Кейпор. – Иногда я даже

¹ Благородное происхождение... обязывает (*фр.*).

посмеиваюсь над ним. Он помешан на цветах. Часто бывает, что нам не хватает денег расплатиться с мясником, потому что он потратился на букет роз.

– *Qui fleurit sa maison, fleurit son coeur*,¹ – изрек Грантли Кейпор.

И действительно, несколько раз Эшенден был свидетелем того, как, возвратившись с прогулки, Кейпор с медвежьей, не лишенной, впрочем, обаяния грациозностью вручал престарелой миссис Фицджеральд букетик душистых горных ландышей, и то, что он узнал от миссис Кейпор теперь, придавало еще большую значимость этим скромным подношениям. Его любовь к цветам была искренней, и, вручая их старой ирландке, он делал ей очень ценный, со своей точки зрения, подарок, свидетельствовавший о большой душевной теплоте. Эшендену ботаника всегда представлялась скучной материей, однако Кейпора, который говорил о цветах с огромным увлечением, слушать было интересно. Чувствовалось, что он много занимался этим предметом.

– За всю свою жизнь я не написал ни одной книги, – признался Кейпор. – Их и без меня уже написано предостаточно; если же на меня нападает вдохновение, я довольствуюсь сочинением газетных статей – занятием куда более прибыльным, хотя и менее почтенным. Впрочем, если удастся задержаться здесь на более длительный срок, я, может, и напишу книгу о диких цветах Швейцарии. Есть у меня такая задумка. Как жаль, что вы не приехали сюда раньше! Цветы были совершенно восхитительны. Увы, для того чтобы их описать, нужно быть поэтом, я же всего-навсего жалкий газетчик!

Как ни удивительно, этот лжец был способен на искренние чувства.

Когда они вошли в ресторан с великолепным видом на горы и озеро, Кейпор первым делом прямо из горлышка осушил бутылку ледяного пива. Пил он с таким удовольствием, что на него любо-дорого было смотреть. Невозможно было не испытывать искренней симпатии к человеку, который умеет ценить простые радости. Их превосходно накормили яичницей и горной форелью. Даже миссис Кейпор была потрясена девственной красотой пейзажа (горный трактир напоминал швейцарское шале – каким его изображали в путеводителях начала прошлого века) и держалась с Эшенденом не столь враждебно, как обычно. Как только они сели за столик, она разразилась восторженными немецкими восклицаниями; теперь же, расслабившись от еды и питья, она вновь окинула взглядом окружавшее их великолепие, и на глаза ее навернулись слезы. Она прикрыла лицо рукой:

– Я понимаю, это ужасно, и мне должно быть стыдно, но сейчас, несмотря на эту кровавую и несправедливую бойню, я не испытываю ничего, кроме счастья и благодарности.

Кейпор стиснул ее руку и – кажется, впервые – перешел на немецкий язык, называя ее ласковыми именами. Все это выглядело нелепо, но трогательно. Оставив супругов наедине, Эшенден вышел из таверны в сад и сел на скамейку, предусмотрительно поставленную здесь для туристов. Горы и озеро выглядели, в сущности, несколько искусственно, но впечатление вместе с тем производили большое и в этом смысле напоминали музыкальное сочинение, которое не отличается ни сложностью, ни изяществом и тем не менее задевает за живое.

Сидя на этой уединенной скамейке, он раздумывал над тайной предательства Грантли Кейпора. Эшендену всегда нравились странные люди, Кейпор же был странен до чрезвычайности. Было бы глупо отрицать, что у него имелись положительные качества. Его добродушие не было показным, это был, безусловно, сердечный, по-своему обаятельный человек. Кейпор всегда был готов оказать услугу; Эшенден имел возможность часто наблюдать, как он ведет себя со старым полковником-ирландцем и его женой – единственными, не считая супругов Кейпор и Эшендена, постояльцами гостиницы. Кейпор терпеливо слушал скучнейшие рассказы старика о войне в Египте, был неизменно предупредителен с его супругой. Теперь, познакомившись с ним поближе, Эшенден ловил себя на том, что относится к нему скорее с любопытством, чем с неприязнью. Маловероятно, что этот человек стал шпионом из корыстных побуждений – человек он был неприятельный, и того, что он зарабатывал в фирме по перевозке грузов, ему с его хозяйственной немкой женой наверняка хватало; когда же началась война, у людей

¹ Тот, кто украшает цветами свой дом, украшает цветами свое сердце (*фр.*).

непризывного возраста недостатка в работе не было. Быть может, Кейпор – один из тех, кто предпочитает окольные пути прямым, испытывает удовольствие, обманывая и лукавя; возможно также, что шпионом он стал не из ненависти к стране, которая засадила его за решетку, и даже не из любви к жене-немке, а из желания рассчитаться с сильными мира сего, которые даже не подозревали о его существовании. Не исключено и то, что стать предателем Кейпора заставило ущемленное самолюбие, чувство, что его способности не получили должного признания, или же просто подлое, мелкое желание напакостить, навредить. Он был прирожденным мошенником, и, хотя уличен был всего дважды, легко можно было вообразить, что имелись и другие случаи мошенничества, оставшиеся безнаказанными. Интересно, как относилась к этому миссис Кейпор? Супруги были так близки, что она не могла не знать о его махинациях. Испытывала ли она за него стыд (в ее честности сомневаться не приходилось), или же воспринимала его аферы как причуду любимого человека? Делала ли она все возможное, чтобы не дать мужу осуществить задуманное, или же закрывала глаза на то, чему не могла помешать?

Насколько упростилась бы жизнь, если бы все люди делились на хороших и плохих, насколько проще было бы вести себя с ними! Кто же такой Кейпор – хороший человек, делающий зло, или плохой человек, делающий добро? И каким образом эти несочетаемые черты могут сочетаться в душе человека? Ясно было одно: угрызения совести Кейпора не мучили, свое подлое, отвратительное дело он делал с удовольствием. Он был предателем, который получал удовольствие от своего предательства. Хотя Эшенден всю жизнь самым тщательным образом изучал человеческую природу, теперь, в зрелые годы, ему начинало казаться, что в людях он разбирается еще меньше, чем в детстве.

Р., разумеется, сказал бы ему на это: «Какого черта вы тратите время на весь этот вздор? Этот тип – опасный преступник, и ваше дело – его обезвредить».

И был бы, в сущности, прав. Эшенден пришел к выводу, что попытка перевербовать Кейпора ни к чему не приведет. Хотя он, без всяких сомнений, с легким сердцем предал бы и своих нынешних покровителей, доверять ему не следует. Его жена оказывает на него слишком большое влияние. Вдобавок, вопреки тому, что он иногда говорил Эшендену, Кейпор в душе наверняка был убежден в победе Германии и хотел быть на стороне победителей. Что ж, в таком случае Кейпора действительно необходимо обезвредить – вот только как? Вдруг у него за спиной раздался голос:

– Вот вы где! А мы уж вас обыскались.

Эшенден обернулся и увидел чету Кейпор, которые приближались к нему, держась за руки.

– Так вот почему вы сидите с таким рассеянным видом, – сказал муж, и его взгляд скользнул по горам. Жена всплеснула руками.

– Ach Gott, wie schön! – вскричала она. – Wie schön!¹ Когда я смотрю на это голубое озеро и снежные вершины, мне хочется вслед за Фаустом вскричать: «Остановись, мгновенье!»

– Согласитесь, здесь сейчас гораздо лучше, чем в Англии с ее военными заботами и тревогами, – сказал Кейпор.

– Гораздо лучше, – признал Эшенден.

– Кстати, у вас были сложности с выездом из страны?

– Нет, никаких.

– А я слышал, на границе сейчас свирепствуют.

– Не знаю, у меня никаких проблем не возникло. По-моему, англичане их не волнуют. Паспорта проверяли спустя рукава.

Кейпор и его жена переглянулись. Интересно, что бы это значило? Было бы странно, если б Кейпор задумал съездить в Англию как раз тогда, когда Эшенден сам пытался его туда заманить. Спустя некоторое время миссис Кейпор предложила отправиться в обратный путь, и они, разговаривая, стали спускаться вниз по тенистым горным тропкам.

¹ Боже, какая красота! Какая красота! (нем.).

Эшенден старался не пропустить ни одного слова. Впрочем, сделать он все равно ничего не мог (и раздражался из-за собственной пассивности), оставалось только следить за супругами во все глаза и ждать подходящего момента. И вот спустя несколько дней произошел эпизод, окончательно убедивший его в том, что он не зря был начеку. На утреннем уроке миссис Кейпор неожиданно обмолвилась:

– Мой муж сегодня уехал в Женеву. По делам.

– И надолго? – поинтересовался Эшенден.

– Нет, всего на два дня.

Лгать умеют далеко не все, и Эшендену показалось (он сам бы не мог объяснить, почему именно), что миссис Кейпор сказала ему неправду. Чувствовалось, что это сообщение стоило ей некоторых усилий, хотя для Эшендена подобная новость не должна была представлять никакого интереса. Он тут же подумал, что Кейпора вызвали в Берн к грозному шефу германской разведки, и, когда представилась возможность, как бы невзначай спросил у подавальщицы:

– Сейчас у вас поменьше работы, фрейлейн. Я слышал, герр Кейпор уехал в Берн.

– Да, но он завтра вернется.

Это еще ничего не доказывало, но можно было кое-что предпринять. В Люцерне у Эшендена был знакомый швейцарец, который всегда был готов оказать услугу за скромное вознаграждение, и Эшенден, связавшись с ним, попросил его доставить письмо в Берн; он надеялся, что его человек в Берне нападет на след Кейпора и выяснит причину его приезда. На следующий день Кейпор уже снова сидел за обеденным столом рядом со своей женой, но Эшендену он лишь сухо кивнул, а после обеда вместе с миссис Кейпор сразу же поднялся вверх. Вид у обоих был очень встревоженный. Кейпор, обычно такой веселый, шел мимо, понуро опустив голову и не глядя по сторонам. Наутро Эшенден получил ответ на свое письмо. Кейпор виделся с майором фон П., и предположить, что сказал ему майор, не составляло труда. Эшенден хорошо знал, как фон П. бывал груб – это был сильный и жестокий человек, умный и беспринципный, и в выражениях он не стеснялся. Скорее всего ему надоело платить Кейпору зато, что тот прохлаждался в Люцерне, и он велел ему ехать в Англию. Разумеется, все это были лишь домыслы, но ведь профессия Эшендена на домыслах и строилась, приходилось все время определять вид ископаемого по его челюсти. От Густава Эшенден знал, что немцы собираются заслат в Англию своего агента. Что ж, если этим агентом окажется Кейпор, времена для него наступают нелегкие.

На следующее утро миссис Кейпор пришла на урок с усталым и безразличным видом, в углах ее тяжелого, крепко сжатого рта образовались упрямые складки, и Эшенден подумал, что Кейпоры, должно быть, проговорили всю ночь. Вот только о чем? Она уговаривала его ехать или, наоборот, пыталась отговорить? Во время второго завтрака Эшенден не спускал с них глаз и пришел к выводу, что между ними что-то произошло: им всегда было о чем поговорить, на этот же раз они почти все время просидели молча. Столовую они покинули раньше всех, но когда Эшенден вышел, то увидел, что Кейпор в одиночестве сидит в холле.

– Привет! – бодро крикнул он, однако чувствовалось, что бодрость эта наигранная. – Как дела? А я был в Женеве.

– Да, я слышал.

– Давайте выпьем кофе. Что-то жене моей нездоровится, голова болит. Я велел ей пойти вверх полежать. – В его зеленых бегающих глазках пряталось что-то такое, чего раньше не было. – А голова у нее болит от волнения. Трясется за меня, бедняжка, – я ведь в Англию собрался.

У Эшендена внутри все оборвалось, однако лицо его оставалось бесстрастным.

– И надолго? Нам будет вас не хватать.

– Скажу вам как на духу: осточертело мне баклуши бить. Войне-то конца нет, а я здесь с вами сижу, ни черта не делаю. Сколько можно! И потом, деньги кончаются, надо на жизнь зарабатывать. Да, верно, жена у меня немка, но сам-то я, черт побери, британец! Должен же и я внести в победу свою лепту! Как, по-вашему, я посмотрю друзьям в глаза, если буду вот

так, в тиши и уюте, до самого конца войны отсиживаться? Надо же хоть чем-то родине помочь! А жена всего этого не понимает, у нее на это своя, немецкая точка зрения, вот она и расстраивается. Все женщины одинаковы.

И вдруг Эшенден понял, что скрывалось в глазах Кейпора. Страх. Он боялся, безумно боялся за свою шкуру. Кейпор не хотел ехать в Англию, он мечтал отсидеться в Швейцарии. Теперь Эшенден точно знал, что сказал Кейпору майор, когда тот явился к нему в Берне. Одно из двух: либо он поедет в Англию, либо лишится жалованья. А жена? Что сказала ему жена, когда он сообщил ей о разговоре с майором? Он-то рассчитывал, что она станет его уговаривать не ехать, а она этого не сделала. Возможно, он не осмелился рассказать ей о своем страхе; ведь для нее-то он всегда был искателем приключений, сорвиголовой, рубахой-парнем – и вот теперь, запутавшись в собственной лжи, он не нашел в себе сил признаться в том, какой он жалкий и низкий трус.

– Вы берете миссис Кейпор с собой? – спросил Эшенден.

– Нет, она останется здесь.

Все ясно: миссис Кейпор будет получать его письма и пересылать информацию в Берн. Славно придумано!

– Я так давно не был в Англии, что даже не знаю, как найти подходящую военную работу.

– Что значит «военную работу»? Что вы имеете в виду?

– Мне кажется, я мог бы делать то же, что и вы. Вот я и подумал, что, если у вас остались знакомые в Цензурном ведомстве, вы могли бы дать мне рекомендательное письмо...

Лишь каким-то чудом Эшендену удалось сдержаться, не показав сдавленным криком или неосторожным жестом, как он потрясен – и не просьбой Кейпора, а догадкой, которая только сейчас его вдруг осенила. Какой же он был идиот! Его-то мучила мысль, что в Люцерне он понапрасну тратит время, ничего не делает, и что если Кейпор и поедет, как только что выяснилось, в Англию, то вовсе не потому, что его туда заманил Эшенден. В отъезде Кейпора, как ему представлялось, его заслуги не было. И вот теперь он вдруг сообразил, что его послали в Люцерн, снабдили вымышленным именем, поддельным паспортом и необходимой информацией для того, чтобы произошло именно то, что произошло. Германская разведка всегда мечтала иметь своего агента в Цензурном ведомстве – и вот, по счастливой случайности, Грантли Кейпор, идеальный претендент на такую работу, оказывается знаком с кем-то, кто в свое время в этом ведомстве служил. Какая удача! Майор фон П. был человеком культурным и наверняка в этот момент, потирая руки, бормотал себе под нос: «*Stultum facit fortuna quern vult perdere*».¹ В результате мрачный майор из Берна угодил в ловушку этого дьявола Р., а функция Эшендена заключалась на этот раз единственно в том, чтобы сидеть тихо и ничего не делать. Получалось, что Р. обвел вокруг пальца не только немецкого майора, но и его, Эшендена. От этой мысли Эшенден чуть было не расхохотался.

– Да, у меня сложились очень хорошие отношения с начальником отдела, и я могу, если хотите, написать ему про вас.

– Это было бы великолепно.

– Но имейте в виду: придется написать все, как есть, – что познакомился я с вами здесь, в Люцерне, и знаю вас всего две недели.

– Конечно. Но, надеюсь, вы скажете обо мне все, что требуется.

– О чем речь!

– Не знаю даже, дадут ли мне визу. Говорят, они здорово придираются.

– Неужели? Не хватает только, чтобы они отказали в визе и мне, когда я поеду обратно.

– Пойду посмотрю, как себя чувствует жена, – неожиданно сказал Кейпор, вставая. – Когда бы вы могли дать мне письмо?

– В любой момент. Вы скоро едете?

¹ «Если фортуна хочет погубить, она лишает рассудка» (лат.).

– Хочу как можно скорее.

Кейпор ушел, а Эшенден, чтобы Кейпор не догадался, что он спешит, просидел в холле еще с четверть часа, а затем, поднявшись к себе, написал несколько писем. В одном он информировал Р., что Кейпор едет в Англию; в другом просил своего агента в Берне хлопотать в посольстве, чтобы Кейпору не отказали в визе; третье же письмо, рекомендательное, в котором Эшенден не скупился на похвалы, было вручено Кейпору за обедом.

Через день Кейпор уехал.

Эшенден стал ждать. Он продолжал заниматься с миссис Кейпор и благодаря ее добросовестности и выдающимся педагогическим способностям вскоре свободно заговорил по-немецки. Они беседовали о Гете и Винкельмане, об искусстве и жизни, о путешествиях. Во время уроков Фриц тихо сидел рядом с ее стулом.

– Скучает без мужа, – сказала она, потрепав бультерьера за ухо. – По-настоящему Фриц любит одного Грантли, а меня лишь терпит, да и то потому только, что я тоже принадлежу его хозяину.

Каждое утро после урока Эшенден ходил в люцернское отделение компании Кука, куда ему приходила вся корреспонденция. До получения инструкций он уехать не мог, но Р., по этому поводу можно было не беспокоиться, долго ему прохлаждаться не даст, так что оставалось лишь набраться терпения и ждать. Наконец он получил письмо от британского консула в Женеве, где говорилось, что Кейпор обратился за визой, получил ее и отбыл во Францию. Ознакомившись с этой информацией, Эшенден пошел пройтись вдоль озера и на обратном пути встретил миссис Кейпор, которая выходила из конторы Кука. «Вероятно, и она получает там письма до востребования», – подумал он и подошел к ней.

– Что слышно о муже? – спросил Эшенден.

– Пока ничего, – ответила она. – Но еще рано.

Они пошли вместе. Она была огорчена отсутствием писем, но пока не встревожена – почта ведь во время войны работает плохо. Но на следующий день Эшенден сразу заметил, что ей не терпится поскорее закончить урок и бежать в контору Кука. Письма обычно привозили в полдень, и без пяти двенадцать она взглянула на часы, а потом на Эшендена, и, хотя он прекрасно знал, что никакого письма она не получит, задерживать ее он не мог.

– Может быть, на сегодня хватит? Вы же торопитесь за письмом?

– Спасибо. Это очень любезно с вашей стороны.

Когда же немного позже он и сам отправился к Куку, то обнаружил, что миссис Кейпор стоит посреди конторы с искаженным от ярости лицом.

– Нет, вы видали что-нибудь подобное?! – вскричала она, обращаясь к Эшендену. – Муж обещал написать из Парижа. Я уверена, что мне есть письмо, а эти ротозеи уверяют, что ничего нет. Наверняка куда-то заложили. Поразительная безалаберность!

Эшенден не знал, что сказать. Пока клерк, перебирая пачку, искал письмо для него, она снова подошла к окошечку:

– Когда приходит следующая почта из Франции?

– Бывает, что письма приносят около пяти.

– Хорошо, я приду в пять.

Она повернулась и зашагала прочь. Фриц, поджав хвост, побежал за ней. Ее охватил страх, это сразу бросалось в глаза. На следующее утро вид у нее был неважный – она, должно быть, всю ночь не сомкнула глаз. В середине урока миссис Кейпор, не выдержав, вскочила со стула:

– Простите, герр Сомервилл, но продолжать урок я не могу. Мне нездоровится.

И прежде чем Эшенден успел ответить, она пулей вылетела из комнаты, а вечером он получил от нее записку, где говорилось, что, к сожалению, она больше не сможет давать ему уроки. Почему – сказано не было. С этого дня Эшенден больше ее не видел: в столовую она спускаться перестала и из комнаты, по всей видимости, выходила всего два раза в день – на почту. Эшенден живо представил себе, как она сидит взаперти с утра до ночи и мучается

диким страхом. Как ей было не посочувствовать? Эшенден и сам не находил себе места. Чтобы отвлечься, он много читал, иногда писал, взял напрокат лодку и подолгу катался по озеру. Наконец однажды утром клерк в конторе Кука вручил ему конверт. Письмо было от Р. Внешне оно выглядело самым обыкновенным коммерческим посланием, однако Эшенден умел читать между строк:

«Уважаемый сэр! Товар, отправленный Вами из Люцерна вместе с сопроводительным письмом, получен вовремя. Благодарим Вас за распорядительность в выполнении наших инструкций...»

Письмо и дальше продолжалось в том же духе. Р. был доволен. Эшенден догадывался, что Кейпор арестован и понес заслуженное наказание. Он вздрогнул. Ему вспомнилась жуткая сцена. Рассвет. Холодный, серый рассвет. Моросит дождь. У стены с повязкой на глазах стоит человек. Офицер, бледный как полотно, отдает приказ. Залп... А затем молодой солдат, из тех, кто расстреливал, поворачивается к стене спиной и, обхватив ствол ружья, опускает голову... Его рвет... Офицер становится еще бледнее, а Эшенден чувствует, как у него подкашиваются ноги. Какой, должно быть, панический ужас охватил в последнюю минуту Кейпора! Лучше не смотреть, как у них в этот момент по щекам бегут слезы... Отогнав от себя тяжелые воспоминания, Эшенден пошел в контору Кука и в соответствии с полученными указаниями купил себе билет до Женевы.

Пока он ждал сдачи, вошла миссис Кейпор. На нее было страшно смотреть: лицо бледное, заплывшее, волосы растрепаны, под глазами лиловые круги. Покачиваясь, она подошла к окошку и спросила, нет ли ей письма. Клерк покачал головой:

– Очень сожалею, мадам, но пока вам ничего нет.

– Но вы все-таки посмотрите. Посмотрите еще. Вы уверены, что нет?

В ее голосе слышались рыдания. Клерк, пожав плечами, достал пачку писем и перебрал их снова.

– Нет, мадам, вам ничего нет.

Она издала хриплый, полный отчаяния крик, и лицо ее исказилось от горя.

– О Боже, Боже! – простонала она, и из ее запавших глаз брызнули слезы.

Она повернулась к выходу и застыла на месте, точно слепой, что хватает руками воздух, не зная, куда идти. И тут случилось невероятное. Фриц, бультерьер, вдруг сел на задние лапы и, задрав морду, издал протяжный, жалобный вой. Миссис Кейпор расширенными от ужаса зрачками посмотрела на него, и догадка, страшная догадка, мучившая ее все эти наполненные страхом и ожиданием дни, мгновенно переросла в уверенность. Теперь она знала все! Шаткой, неуверенной походкой, ничего не видя перед собой, она вышла на улицу.

За кулисами **(пер. А. Ливергант)**

Когда Эшенден приехал в N. и освоился, он со всей очевидностью понял, что положение его двусмысленно. N. был столицей одного крупного воюющего государства, которому угрожал раскол: в стране набирало силу движение против войны и революция была возможна, если не неизбежна. Эшенден получил инструкции обдумать, как себя вести в подобных обстоятельствах, ему предстояло выработать соответствующую политику в отношении этой державы, а в случае, если политика эта получит одобрение влиятельных лиц, которые и послали Эшендена в N., приступить к ее осуществлению. На его нужды была выделена значительная сумма; послам Великобритании и Соединенных Штатов дано было указание оказывать ему всемерную поддержку, однако самому Эшендену в конфиденциальной беседе порекомендовали по возможности обходиться собственными силами; было бы нежелательно, если бы Эшенден создавал трудности полномочным представителям двух союзных держав, посвящая их в факты, знать которые им было вовсе не

обязательно, а поскольку обстоятельства могли сложиться таким образом, что Эшендену пришлось бы оказывать тайное содействие партии, находившейся в оппозиции к той, с которой и Соединенные Штаты, и Великобритания поддерживали самые дружественные отношения, ему тем более не следовало прибегать к помощи послов. Вместе с тем этим влиятельным лицам вовсе не хотелось послов ущемлять: в самом деле, что бы они подумали, если бы узнали, что в страну послан какой-то тайный агент, чья деятельность идет вразрез с их собственной? С другой стороны, было сочтено необходимым иметь своего представителя и в противоположном лагере, чтобы этот представитель в случае государственного переворота имел наготове немалую сумму и стал доверенным лицом новых руководителей государства.

Но чрезвычайные и полномочные послы, как известно, блюдут свое достоинство и отличаются завидным нюхом, если кто-то покушается на их власть, а потому, когда Эшенден по приезде в N. нанес официальный визит британскому послу сэру Герберту Уизерспуну, тот принял его с безукоризненной вежливостью, от которой веяло таким ледяным холодом, что содрогнулся бы, кажется, даже белый медведь. Сэр Герберт был кадровым дипломатом и искусством дипломатии владел в совершенстве. Он не задал Эшендену ни одного вопроса о цели его приезда, ибо знал, что ответ последует уклончивый, однако дал ему понять, что цель эта совершенно неоправданна. О влиятельных лицах, пославших Эшендена в N., он говорил с подчеркнутой лояльностью, за которой скрывалась насмешка, и сообщил Эшендену, что получил рекомендации оказывать ему всяческую поддержку, присовокупив, что будет готов видеть его в любой удобный Эшендену момент.

– Ко мне обратились с довольно неожиданной просьбой, – сказал он. – Я должен отправлять зашифрованные телеграммы от вас и получать зашифрованные телеграммы, которые посылают вам.

– Надеюсь, что таких телеграмм будет немного, сэр, – сказал Эшенден. – Что может быть скучнее шифровки и расшифровки?

Сэр Герберт помолчал. Возможно, он ожидал от Эшендена другого ответа.

– Если вы соблаговолите пройти со мной в канцелярию, – сказал он, вставая, – я познакомлю вас с советником посольства, а также с секретарем, которому вы сможете передавать вашу корреспонденцию.

Представив Эшендена советнику, сэр Герберт протянул ему свою вялую ладонь.

– Надеюсь, буду иметь удовольствие в самом скором времени видеть вас снова, – сказал он и, небрежно кивнув, ушел.

Эшендена нисколько не смутил оказанный ему прием. По долгу службы он должен был находиться в тени, и водить дружбу с официальными лицами в его планы не входило. Но когда вечером того же дня он отправился с визитом в американское посольство, то понял, почему сэр Герберт Уизерспун принял его так холодно. Американский посол, мистер Уилбер Шефер, был родом из Канзас-сити и пост свой получил в награду за оказанные нынешней администрации политические услуги в то время, когда еще мало кто подозревал, что война вот-вот разразится. Это был высокий, плотный, немолодой уже мужчина с совершенно седой головой, но хорошо сохранившийся и на удивление крепкий физически. Его квадратное, красное, чисто выбритое и необычайно подвижное лицо с маленьким курносом вздернутым носом и тяжелым подбородком то и дело складывалось в самые невероятные и смешные гримасы, так что казалось, что сделано оно из красной резины, той самой, из которой изготавливаются грелки. Эшендена он принял необыкновенно радушно. Это вообще был очень добродушный человек.

– Сэра Герберта видели? – первым делом спросил он. – Наверно, смотрел на вас волком, признавайтесь? Я, кстати, тоже не уловил, с какой это стати мы обязаны отправлять ваши шифровки, не зная даже, о чем там речь. Что они, интересно, в Вашингтоне и Лондоне себе думают? Да они не имеют права...

– Простите, ваше превосходительство, но, по-моему, это было сделано только для того, чтобы сэкономить время и силы.

– Предположим. И все-таки, зачем вас сюда направили?

На подобный вопрос Эшенден, естественно, ответить не мог, но, полагая, что признаваться в этом неудобно, он решил дать такой ответ, из которого посол узнал бы немного. По тому, как он выглядел и держался, Эшенден уже успел заключить, что, хотя мистер Шефер, бесспорно, обладал редким даром направлять президентскую кампанию в нужное русло, он не отличался проницательностью, на первый взгляд, во всяком случае, а в дипломатии это весьма желательно. Он производил впечатление открытого, добродушного существа, весельчака и балагура. Играй Эшенден с таким человеком в покер, пришлось бы постоянно быть начеку, однако в разговоре такого рода он чувствовал себя в полной безопасности. Он заговорил – туманно, неконкретно – на какие-то общие темы, довольно скоро сумел задать послу вопрос о том, что тот думает о ситуации в мире, и мистер Шефер, восторгаясь, точно полковая лошадь при звуке боевой трубы, прочел ему длиннейшую лекцию, которая продолжалась ровно двадцать пять минут без перерыва. Когда же, утомившись, он наконец замолчал, Эшенден, рассыпавшись в благодарностях за столь радушный прием, под благовидным предлогом удалился.

Решив про себя, что с обоими послами он постарается впредь встречаться как можно реже, Эшенден взялся за порученное ему дело и вскоре разработал план действий. Однако в результате одной услуги, которую он – по чистой случайности – оказал сэру Герберту Уизерспуну, ему пришлось в самом скором времени встретиться с ним вновь. Ему наметнули, что мистер Шефер был в большей степени политик, чем дипломат: весомость его высказываниям придавал скорее занимаемый пост, нежели личные качества. То высокое положение, которого он достиг, Шефер рассматривал не иначе как возможность пожить в свое удовольствие и часто в своем энтузиазме заходил так далеко, что даже его физические возможности оказывались небеспредельны. Во внешней политике он мало что смыслил, а на совещаниях послов союзных держав неизменно впадал в коматозное состояние, поэтому едва ли мог составить собственное мнение о происходящем. Ходили упорные слухи, что чрезвычайный и полномочный посол Соединенных Штатов весьма неравнодушен к одной особе, шведке по национальности, которая отличалась необыкновенной красотой и сомнительным – по крайней мере с точки зрения секретных служб – происхождением. Ее связи с Германией были столь обширными, что вполне можно было усомниться в ее симпатиях к союзникам. Мистер Шефер виделся с ней каждый день и, безусловно, находился под ее влиянием. В последнее время было замечено, что происходит утечка секретной информации, и возник вопрос, не мистер ли Шефер по недомыслию сообщает своей даме сведения, которые та незамедлительно передает противнику. Никто, естественно, не мог отрицать честности и патриотизма мистера Шефера, однако позволительно было усомниться в его сдержанности. Вопрос, таким образом, оказался весьма щекотливым, однако в Вашингтоне, равно как в Лондоне и Париже, утечка информации вызвала серьезную озабоченность, и Эшендену поручили этим делом заняться. Учитывая объем работы, который ему предстояло проделать, Эшендена не отправили в N. одного; среди нескольких его помощников выделялся поляк из Галиции по имени Хербартус, человек очень неглупый, сильный и решительный. Из разговора с ним выяснилось, что, по счастливому стечению обстоятельств (из тех, что иногда облегчают работу тайных служб), служанка шведской графини (пассия американского посла была графиней) серьезно заболела, и на ее место графиня наняла весьма достойную особу из-под Кракова, которая до войны была секретаршей одного крупного ученого, а стало быть, с обязанностями служанки должна была справиться превосходно.

В результате Эшенден каждые три дня получал подробный отчет обо всем, что происходило в роскошных апартаментах графини, и, хотя он не узнал ничего, что подтверждало бы возникшие подозрения, выяснилось многое другое, ничуть не менее интересное. Из разговора за пикантными обедами тет-а-тет, которые графиня регулярно давала в честь посла, стало известно, что его превосходительство затаил нешуточную злобу на своего британского коллегу. Мистер Шефер жаловался графине, что Уизерспун намеренно

держится с ним на дистанции, что отношения между ними сэром Гербертом носят сугубо официальный характер. С присущей ему непосредственностью мистер Шефер заявлял, что ему осточертели ужимки и фокусы этого проклятого британца, что он, Шефер, – нормальный мужчина, стопроцентный американец, и протокол и этикет нужны ему так же, как собаке пятая нога. «Мы же свои люди, – возмущался посол, – почему бы нам не встретиться запросто, с глазу на глаз и не обсудить все по-свойски». Для скорейшей победы в войне куда полезнее было бы не плести интриги и не разводить «всю эту дипломатию», а сесть за стол без «всяких там фраков и манишек» и потолковать по-мужски, за бутылкой виски.

Поскольку в настоящий момент было бы весьма желательно, чтобы между послами установились хорошие отношения, Эшенден решил вмешаться и попросил сэра Герберта принять его.

Его провели в кабинет посла.

– Ну-с, мистер Эшенден, чем могу быть полезен? Надеюсь, вы всем удовлетворены? Насколько мне известно, вы не даёте простаивать без дела нашему телеграфному аппарату?

Опустившись на стул, Эшенден окинул посла внимательным взглядом: безукоризненно сшитый фрак, который, точно перчатка, обтягивал его подтянутую фигуру; чёрный шелковый галстук с крупной жемчужной булавкой, безукоризненно отутюженные серые, в едва заметную полоску брюки и до блеска начищенные туфли с острыми носами, которые выглядели так, будто их в первый раз надели. Трудно было представить себе, чтобы сэр Герберт расстегнул воротничок рубашки и «без фрака и манишки» поговорил с кем-то «по-свойски» за бутылкой виски. Это был высокий, худой мужчина, из тех, на ком идеально сидят костюмы современного покроя; он застыл в кресле, немного подавшись вперед, будто позировал для официального портрета. Если бы не брезгливое, несколько пресное выражение лица, посла можно было бы даже назвать красивым: гладкие, причёсанные на косой пробор седые волосы, бледное, чисто выбритое лицо, прямой, изящной формы нос, серые глаза под седыми бровями, тонкие бледные губы и небольшой рот, чувственный в молодости, а теперь саркастически поджатый. Словом, это было одно из тех лиц, что выдают хорошее происхождение и неспособность на глубокое чувство. Невозможно было представить себе, что человек с таким лицом разразится громким, заразительным смехом – в лучшем случае он мог бы выдавить из себя едва заметную ироническую улыбку.

Эшенден нервничал больше обычного:

– Боюсь, сэр, вы сочтёте, что я вмешиваюсь не в своё дело, и несколько не удивлюсь, если вы мне на это укажете.

– Будет видно. Рассказывайте, прошу вас.

Эшенден рассказал. Посол слушал внимательно, пристально смотря на Эшендена своими холодными серыми глазами; чувствовалось, что он раздосадован не на шутку.

– Как вы все это узнали?

– У меня имеются свои источники информации, – уклончиво ответил Эшенден.

– Понятно.

Сэр Герберт по-прежнему смотрел на него в упор, однако Эшендену показалось, что в его стальных глазах мелькнула улыбка. Недовольное надменное лицо сделалось вдруг весьма привлекательным.

– Раз вы все знаете, может быть, научите меня «говорить по-свойски»?

– Этому невозможно научиться, ваше превосходительство, – без тени улыбки ответил Эшенден. – Это дар божий.

Улыбка, мелькнувшая было в глазах сэра Герберта, погасла, однако тон немного смягчился. Он встал и протянул Эшендену руку:

– Вы правильно поступили, что пришли и все мне рассказали, мистер Эшенден. Я вел себя крайне необдуманно. Непростительно с моей стороны обижать этого безобидного старого джентльмена, и я сделаю все, чтобы исправить свою ошибку. Сегодня же поеду в американское посольство.

– Простите, что даю вам советы, ваше превосходительство, но, пожалуйста, держитесь

с мистером Шефером не слишком официально.

В глазах посла опять мелькнула улыбка, и Эшенден подумал, что у него еще сохранились человеческие черты.

– К сожалению, я не умею держаться неофициально, мистер Эшенден. Такой уж у меня нрав.

Когда Эшенден уже стоял в дверях, посол вдруг добавил:

– Кстати, я хотел бы, если вы не возражаете, пригласить вас завтра вечером на обед. Галстук черный. В четверть девятого.

Не допуская даже мысли о том, что Эшенден может не принять приглашения, посол сухо кивнул головой, дав этим понять, что аудиенция окончена, и вновь сел к своему необъятному письменному столу.

Его превосходительство (пер. А. Ливергант)

На званный обед Эшенден шел без большого энтузиазма. Черный галстук предполагал узкий круг приглашенных – быть может, на обеде кроме него и посла будут присутствовать лишь леди Анна, жена сэра Герберта, с которой Эшенден был незнаком, а также один-два молодых секретаря посольства. Приятного вечера все это никак не сулило. Возможно, после обеда у них принято играть в бридж, но Эшенден по опыту знал, что профессиональные дипломаты в бридж играют неважно – наверное, потому, что не хотят забивать себе голову пошлой салонной игрой. С другой стороны, ему было интересно понаблюдать за тем, как сэр Герберт будет вести себя в обстановке менее официальной. Ведь ясно, что посол был человек незаурядный. И внешний вид, и манеры выдавали в нем идеального представителя своего класса, а лучшие образчики хорошо известных социальных типов лицезреть всегда интересно. Достаточно было на него взглянуть, чтобы понять, что это именно посол; стоило слегка преувеличить любую его черту, и он бы превратился в ходячую карикатуру на свою профессию. Кажется, произнеси он одно лишь слово, допусти хотя бы один неосторожный жест – и он превратится в пародию на самого себя. В этом смысле он был похож на канатоходца, который балансирует на головокружительной высоте. Это определенно был человек с характером. Дипломатическую карьеру он сделал очень быстро, и, хотя связи родителей жены способствовали его продвижению, головокружительным взлетом он был обязан прежде всего самому себе. Он знал, когда следует проявить решительность, а когда, наоборот, пойти на уступку. Держался он безукоризненно, свободно говорил на нескольких языках, обладал ясным и логичным умом. Он никогда не боялся собственных мыслей, даже самых дерзких, однако действовать предпочитал осмотрительно, сообразно ситуации. Послом в N. сэра Герберта назначили, когда ему было всего пятьдесят три года, однако в тяжелейших условиях, вызванных войной и внутренними противоречиями в стране, он продемонстрировал гибкость, выдержку, а один раз и мужество. Однажды, когда в столице вспыхнуло восстание, банда революционеров ворвалась в английское посольство, и сэр Герберт, выйдя на лестницу, обратился к бунтовщикам с пылкой речью; в результате, хотя они размахивали перед ним револьверами, он уговорил толпу разойтись по домам. Сэр Герберт наверняка должен был закончить свою карьеру послом в Париже – в этом сомневаться не приходилось. Он был из тех людей, которыми нельзя не восхищаться, но которые и симпатии к себе не вызывают. Он продолжал традицию викторианских дипломатов, которые были способны на самые блестящие политические решения и самоуверенность которых – временами, надо признать, доходящая до самолюбования – приносила свои плоды.

Когда Эшенден подъехал к зданию посольства, двери распахнулись и на пороге появились англичанин-дворецкий, дородный мужчина, преисполненный чувства собственного достоинства, и трое лакеев. Его проводили по великолепной парадной лестнице, где произошел описанный выше драматический эпизод, и ввели в огромную, тускло освещенную комнату, где Эшендену бросились в глаза массивная дубовая мебель и

висевший над камином колоссальных размеров портрет короля Георга IV в коронационной мантии. В комнате царил полумрак, однако в камине ярко пылал огонь, а возле него стоял низкий диван, с которого, когда прозвучало имя Эшендена, медленно поднялся хозяин дома. В смокинге, который мало на ком хорошо сидит, сэр Герберт смотрелся превосходно.

– Моя жена пошла на концерт, она будет позже. Ей хочется с вами познакомиться. Кроме вас, я сегодня не приглашал никого – решил доставить себе удовольствие и провести с вами вечер наедине.

Эшенден пробормотал слова благодарности, но при этом испытал глубокое разочарование: он не мог себе представить, как можно провести хотя бы пару часов вдвоем с человеком, в присутствии которого – Эшенден вынужден был признать это – он ужасно робел.

Дверь вновь приоткрылась, и дворецкий вместе с одним из лакеев внесли тяжелые серебряные подносы.

– Перед обедом я всегда выпиваю бокал шерри, – сказал посол, – однако, если вы приобрели варварскую привычку пить коктейль, могу предложить вам напиток, который, кажется, называется «сухим мартини».

Как Эшенден ни робел в присутствии посла, тут он решил за себя постоять:

– Я иду в ногу со временем, – возразил он. – Пить шерри, когда есть сухой мартини, – это все равно что путешествовать в дилижансе, когда есть Восточный экспресс.

Обмен репликами продолжался в том же духе до тех пор, пока створки высоких дверей не распахнулись и не раздался голос, возвестивший его превосходительству о том, что обед подан. Они перешли в столовую, огромную залу, в которой за обеденным столом могли бы свободно разместиться по крайней мере шестьдесят человек. Сегодня же здесь был накрыт небольшой круглый стол – вероятно, чтобы и хозяин, и гость чувствовали себя более непринужденно. На огромном буфете красного дерева стояли тяжелые золотые кубки, над буфетом, лицом к Эшендену, висела превосходная картина Каналетто, а на противоположной стене, над камином, портрет королевы Виктории в детстве: на маленькой, правильной формы головке девочки красовалась миниатюрная золотая корона. Прислуживали все тот же дородный дворецкий и трое очень высоких лакеев-англичан. Эшендену показалось, что обед в неофициальной обстановке, без привычной помпы доставляет послу определенное удовольствие. Точно так же они бы обедали в Англии, в каком-нибудь загородном особняке – церемонно, но без излишеств, строго следуя традиционному, в сущности довольно нелепому, ритуалу. Вместе с тем на протяжении всего обеда Эшендена не покидала тревожная мысль, что в это же время за стеной посольства волнуется людская масса и в любой момент может начаться кровавая революция, а всего в каких-нибудь двухстах милях отсюда другие люди прячутся в блиндажах от лютого холода и беспощадного артиллерийского обстрела.

Как вскоре выяснилось, Эшенден напрасно боялся, что разговора за обедом не получится и что посол вызвал его с единственной целью – расспросить о его секретной миссии. Сэр Герберт вел себя так, словно Эшенден был английским путешественником, который явился в посольство с рекомендательным письмом и которому следует оказать гостеприимство. О войне, словно ее не было вовсе, посол упоминал лишь вскользь, да и то чтобы Эшенден не подумал, будто он сознательно избегает этой неприятной темы. Он говорил об искусстве и литературе, высказывал здравые суждения человека весьма начитанного и отдающего предпочтение авторам католической ориентации; когда же Эшенден заговорил о писателях, которых знал лично, а сэр Герберт – только по их книгам, посол слушал его с дружеской снисходительностью, которую обыкновенно проявляют к людям искусства сильные мира сего. (Иногда, правда, они сами пишут картину или сочиняют поэму, и тогда наступает очередь художника демонстрировать свое снисхождение.) Упомянул посол и персонажа из книги самого Эшендена, однако сделал это как бы между прочим, ни разу больше не коснувшись того факта, что его гость был писателем. Эшенден искренне восхищался его тактом – он не выносил, когда с ним говорили о его книгах, поскольку, закончив над ними работу, терял к ним всякий интерес, а также потому, что не любил, когда

его хвалили или ругали в его присутствии. Что же касается сэра Герберта Уизерспуна, то он, с одной стороны, польстил самолюбию гостя, дав понять, что читал его сочинения, а с другой, воздержавшись от критики, предпочел его самолюбие не уязвлять. Зашел разговор и о тех странах, где послу приходилось бывать по долгу службы, а также об общих знакомых, которых у Эшендена и сэра Герберта как в Лондоне, так и за его пределами нашлось немало. Сэр Герберт оказался прекрасным собеседником, говорил умно и не без легкой иронии, выдававшей отличное чувство юмора. Одним словом, обед прошел гораздо лучше, чем Эшенден ожидал, и все же не совсем так, как ему бы хотелось. Было бы куда интереснее, если бы суждения посла абсолютно на любую тему не были столь взвешенными, глубокомысленными и проницательными; по правде говоря, ему изрядно надоело поддерживать столь изысканный разговор, и он бы предпочел, чтобы беседа, фигурально выражаясь, сняла манишку и фрак и положила ноги на стол. Но на это рассчитывать не приходилось, и Эшенден пару раз ловил себя на мысли о том, что сразу после обеда, к сожалению, уходить не принято. На одиннадцать часов у него была назначена встреча с Хербартусом в «Отель де Пари».

Обед кончился; принесли кофе. Сэр Герберт знал толк в еде и хорошем вине, и Эшенден должен был признать, что накормил его посол превосходно. Вместе с кофе подали напитки, и Эшенден налил себе рюмку коньяку.

– У меня есть очень старый бенедиктин, – сказал посол. – Хотите попробовать?

– Нет, благодарю, откровенно говоря, я считаю коньяк единственным стоящим напитком.

– Что ж, пожалуй, вы правы. Но в таком случае вам надо попробовать кое-что получше.

И сэр Герберт что-то сказал дворецкому, который тотчас вышел, но вскоре вернулся с покрытой паутиной бутылкой и двумя высокими бокалами.

– Не хочу хвастать, – сказал посол, глядя, как дворецкий наливает в бокал Эшендену золотистую жидкость, – но смею надеяться, что, если вам нравится коньяк, этот напиток придется вам по душе. Я купил эту бутылку в Париже, в бытность мою советником английского посольства во Франции.

– Последнее время мне часто приходится иметь дело с человеком, который сменил вас на этом посту.

– С Байрингом?

– Да.

– Что вы скажете о коньяке?

– Он великолепен.

– А о Байринге?

Переход был настолько неожиданным, что получилось довольно смешно.

– По-моему, он совершеннейший болван.

Сэр Герберт откинулся на стуле и, взяв бокал обеими руками, чтобы коньяк нагрелся, медленно обвел глазами просторную и величественную комнату. Лишняя посуда была убрана, и на столе между Эшенденом и хозяином дома стояла лишь ваза с розами. Уходя, слуги погасили верхний свет, и столовая теперь освещалась только стоящими на столе и возле камина высокими свечами. В комнате, несмотря на ее гигантские размеры, вдруг стало почему-то уютно, спокойно. Взгляд посла остановился на прекрасном портрете королевы Виктории.

– Вы находите? – произнес он наконец.

– Ему придется расстаться с дипломатической карьерой.

– Увы.

Эшенден с любопытством взглянул на хозяина дома. От сэра Герберта он уж никак не ожидал сочувствия к Байрингу.

– Да, при создавшихся обстоятельствах, – продолжал посол, – ему, боюсь, придется оставить службу. А жаль. Способный человек. Из него вышел бы толк.

– И я слышал то же самое. Говорят, в министерстве иностранных дел о нем были весьма

высокого мнения.

– Да, у него отличные данные для нашей довольно скучной профессии, – сказал посол с обычной для себя холодной, язвительной улыбкой. – Он красив, настоящий джентльмен, прекрасно воспитан, превосходно говорит по-французски и очень неплохо соображает. Он, безусловно, бы преуспел.

– Как жаль, что он не использовал такие великолепные возможности.

– Насколько я понимаю, после войны он собирается заняться виноделием. По забавному совпадению, он будет возглавлять ту самую фирму, где я приобрел этот коньяк.

Сэр Герберт поднес бокал к носу, вдохнул коньячный аромат, а затем взглянул на Эшендена. Он имел обыкновение смотреть на людей, в особенности когда о чем-то задумывался, с таким брезгливым любопытством, словно это были смешные на вид, но довольно отвратительные насекомые.

– Вы когда-нибудь видели эту женщину? – спросил он.

– Я обедал с нею и с Байрингом у Ларю.

– Интересно. И как она вам?

– Очаровательна.

Эшенден принялся расписывать ее хозяину дома, и одновременно ему вспомнилось, какое впечатление она произвела на него в ресторане, когда Байринг их познакомил. Ему было очень любопытно встретиться с женщиной, о которой он столько слышал. Она называла себя Розой Оберн, а какое у нее настоящее имя – мало кто знал. В свое время она приехала в Париж в составе танцевальной труппы «Веселые девицы», выступала в «Мулен Руж». Роза отличалась такой необыкновенной красотой, что ее скоро заметили, и в нее влюбился какой-то богатый французский промышленник. Он подарил ей особняк, осыпал бриллиантами, но на большее его не хватило, и, расставшись с ним, Роза пошла по рукам. В скором времени она стала самой знаменитой куртизанкой Франции, тратила баснословные суммы и разоряла своих обожателей с циничной беззаботностью. Самые богатые люди были не в состоянии ей угодить. Однажды, еще до войны, Эшенден, находившийся в то время в Монте-Карло, был свидетелем того, как она в один присест проиграла сто восемьдесят тысяч франков, сумму по тем временам немалую. Роза сидела в казино за огромным столом в окружении множества любопытных и проигрывала пачки десяти тысячных банкнот с хладнокровием, которое бы сделало ей честь, будь эти деньги ее собственными.

Когда Эшенден с ней познакомился, она уже давно, лет двенадцать-тринадцать, вела бурную светскую жизнь: ночами танцевала и играла в азартные игры, а днем ездила верхом. Хотя Роза была уже тогда не очень молода, на ее прелестном личике, на лбу, на щеках и под глазами, огромными, светло-голубыми, не было ни единой морщинки. Самое же поразительное в ней было то, что, предаваясь лихорадочному и совершенно безудержному разврату, она казалась абсолютно невинной девушкой. Разумеется, это требовало от нее определенных усилий. Роза была на редкость стройна и грациозна и шила себе туалеты, поражавшие подчеркнутой простотой. Ее прическа также не отличалась особой сложностью. Своим овальным личиком, прелестным маленьким носиком, пепельными волосами и огромными голубыми глазами она походила на очаровательных провинциальных героинь Троллопа. От этого псевдопатриархального стиля прямо дух захватывало. У нее была чудная белая матовая кожа и малиновые губки, и если она и красилась, то не по необходимости, а исключительно от распушенности. Словом, она излучала сияние девственности, что было столь же привлекательно, сколь и неожиданно.

Эшенден, конечно же, слышал, что Байринг уже давно, год или даже больше, является любовником Розы. Ее скандальная слава была столь велика, что всепроникающий свет гласности падал на всякого, с кем она сходилась, однако в данном случае сплетники радовались больше обычного, ибо Байринг был весьма небогат, а Роза Оберн благоволила лишь к тем, кто расплачивался звонкой монетой. Быть может, она его любила? Подобное предположение казалось невероятным, однако никак иначе связь эту объяснить было нельзя. В Байринга могла влюбиться любая женщина. Ему было лет тридцать, он был очень высок и

хорош собой; от его внешности и от манеры держаться веяло таким обаянием и благородством, что на него оборачивались прохожие; между тем в отличие от большинства красивых мужчин он, казалось, абсолютно не сознавал, какое впечатление производил на окружающих. Когда стало известно, что Байринг – *amant de coeur* (по-французски это звучит гораздо лучше, чем наш «любовник» или «хахаль») этой знаменитой шлюхи, он в одночасье сделался предметом восхищения многих женщин и предметом зависти многих мужчин; когда же в Лондоне стало известно, что он собирается на Розе жениться, его друзей охватил панический страх, а всех остальных – безудержный смех. Начальник Байринга, поинтересовавшись, правда ли то, что о нем говорят, и получив утвердительный ответ, стал, по слухам, уговаривать своего подчиненного отказаться от брака, который ни к чему хорошему не приведет. Он попытался втолковать Байрингу, что у жены дипломата есть светские обязанности, которые Роза Оберн выполнить не сможет, однако к голосу рассудка Байринг прислушиваться не пожелал, сказал, что готов подать в отставку в любой момент, и заявил, что преисполнен решимости жениться.

Когда Эшенден познакомился с Байрингом, тот ему сначала не понравился, показался несколько замкнутым, отчужденным, однако, время от времени встречаясь с ним по делам, Эшенден обнаружил, что замкнутость вызвана в нем в основном стеснительностью, а узнав его ближе, был очарован его редкостным обаянием. Вместе с тем их отношения оставались чисто официальными, и поэтому Эшенден немного удивился, когда однажды Байринг позвал его в ресторан, обещав познакомить с мисс Оберн, и подумал, не вызвано ли это приглашение тем, что многие друзья повернулись к Байрингу спиной. Когда же Эшенден пришел в ресторан, то выяснилось, что приглашен он по инициативе Розы, которой любопытно было с ним познакомиться. В тот вечер он, к своему удивлению, узнал, что мисс Оберн, оказывается, нашла время прочесть (и прочесть с удовольствием) две-три его книги; однако гораздо больше удивило его то, что Роза мало чем отличалась от светских дам Мейфэра, с которыми Эшенден, благодаря своим книгам, был неплохо знаком. (Ведя в целом жизнь тихую и размеренную, Эшенден не имел возможности проникнуть в мир знаменитых куртизанок того времени и знал о них лишь понаслышке.) От дам высшего света ее отличало разве что чуть большее желание понравиться (одна из ее приятных черт – интерес к любому собеседнику), косметики на ней было не больше, а разговор – не менее интеллигентный. Чего ей не хватало, так это грубости, получившей в последнее время распространение в высшем обществе. Происходило это, видимо, потому, что Роза инстинктивно чувствовала: грубые слова – не для ее прелестных губок; возможно также, ругаться она так и не научилась, ибо в глубине души оставалась провинциалкой. Вне всяких сомнений, она и Байринг безумно любили друг друга; наблюдать, как они ворковали, было одно удовольствие. Когда же, выйдя из ресторана, они прощались и Эшенден пожал ей руку, она, на мгновение задержав его ладонь в своей, посмотрела на него небесными, лучезарными глазами и сказала:

«Вы придете к нам, когда мы переедем в Лондон, правда? Мы ведь собираемся пожениться».

«Я вас от души поздравляю», – сказал Эшенден.

«А его?» – Роза улыбнулась ему улыбкой ангела, в которой предрассветная прохлада сочеталась с нежным ароматом южной весны.

«Неужели вы никогда не смотрелись в зеркало?»

Хотя Эшенден не без юмора (так, во всяком случае, казалось ему самому) описывал сэру Герберту обед в ресторане, тот слушал его без тени улыбки, пристально глядя на гостя своими холодными, стальными глазами.

– И как вы думаете, брак будет счастливым?

– Нет.

– Почему?

Вопрос застал Эшендена врасплох.

– Видите ли, – сказал он после паузы, – мужчина женится не только на своей будущей жене, но и на ее друзьях. Представляете, с кем придется водить дружбу Байрингу? С

размалеванными девицами сомнительной репутации и мужчинами, опустившимися на самое дно общества, – проходимцами и авантюристами. Разумеется, недостатка в средствах они испытывать не будут – одни ее побрякушки стоят не меньше ста тысяч фунтов, так что в лондонском полусвете они произведут фурор, в этом сомневаться не приходится. Но известны ли вам законы полусвета? Когда женщина сомнительного поведения выходит замуж, она вызывает восхищение своего круга, ведь она добилась своего, женила на себе мужчину и таким образом стала достойным членом общества. Над мужчиной же все смеются, и только. Его будут презирать даже ее подружки, старые шлюхи и их сводники или же какие-нибудь подонки, что зарабатывают на жизнь, сбывая по дешевке краденое. Он окажется в дурацком положении. Поверьте, чтобы в этой ситуации вести себя достойно, необходимо обладать либо очень сильным характером, либо исключительной наглостью. И потом, неужели вы думаете, что у этой пары есть хотя бы один шанс из ста долго прожить вместе? Сможет ли женщина, которая вела столь бурную жизнь, стать домашней хозяйкой? Очень скоро ей опротивят унылые будни. А любовь? Сколько может длиться любовь? Не кажется ли вам, что Байринг разочаруется в своем выборе, когда, разлюбив жену, поймет, что, если бы не она, он мог бы стать совсем другим человеком?

Уизерспун в очередной раз пригубил коньяк, а затем, как-то странно взглянув на Эшендена, проговорил:

– Не знаю, не знаю. Быть может, высшая мудрость как раз и состоит в том, чтобы делать то, что очень хочется, не думая о последствиях.

– И это говорит чрезвычайный и полномочный посол?

Сэр Герберт едва заметно улыбнулся:

– Байринг чем-то напоминает мне одного человека, с которым я познакомился, когда начинал служить в министерстве иностранных дел. Имя этого человека я вам называть не стану, ибо сейчас он занимает очень высокий пост и пользуется большим уважением. Он сделал блистательную карьеру. Во всяком успехе ведь есть элемент абсурда.

Эшенден молча, хотя не без некоторого удивления взглянул на своего собеседника – от сэра Герберта Уизерспуна он этих слов никак не ожидал.

– Итак, он служил вместе со мной в министерстве.

Это был блестящий молодой человек, который, по общему мнению, должен был далеко пойти. У него действительно были все задатки для дипломатической карьеры: выходец из семьи военных моряков, не очень знатной, но уважаемой, он на удивление хорошо умел себя поставить – в нем не было ни напористости, ни, наоборот, робости. Он был начитан, увлекался живописью; мы даже над ним посмеивались – он ужасно боялся отстать от жизни и боготворил Гогена и Сезанна, когда их еще мало кто знал. За этой любовью ко всему новому скрывался, быть может, некоторый снобизм, стремление к эпатажу, однако, в сущности, его интерес к современному искусству был глубоко искренним. Он обожал Париж и при первой возможности уезжал туда, останавливаясь в маленьком отеле в Латинском квартале, поближе к художникам и писателям, которые, как водится в артистических кругах, относились к нему немного покровительственно, ибо он был всего лишь дипломат, и немного насмешливо, ибо он определенно был джентльменом. Вместе с тем они любили его, потому что он готов был часами слушать их теории; когда же он хвалил их работы, они готовы были признать, что хоть он и филистер, но в искусстве кое-что смыслит.

Уловив в этих словах иронию, направленную отчасти на него, Эшенден улыбнулся. Интересно, зачем послу понадобилось столь пространное вступление? Возможно, сэр Герберт просто получал удовольствие от собственного рассказа, однако Эшенден допускал, что он по какой-то причине никак не решается перейти к делу.

– Знакомый мой был человек скромный; в обществе юных живописцев и безвестных писак он чувствовал себя совершенно счастливым и с разинутым ртом слушал, как они расправляются с признанными авторитетами и восторженно отзываются о тех, про кого рассудительные чиновники с Даунинг-стрит понятия не имеют. В глубине души он, конечно, сознавал, что его парижские знакомые – люди довольно заурядные и большим талантом не

отличаются, и в Лондон возвращался обычно без всякого сожаления, скорее с ощущением того, что побывал в театре, на забавной, довольно увлекательной пьеске – спектакль сыгран, занавес упал, и надо идти домой... Да, забыл сказать, мой знакомый был очень честлюбив, он сознавал, что друзья прочат ему большое будущее, и разочаровывать их не собирался. Он знал себе цену и жаждал успеха. К несчастью, он был небогат, имел всего несколько сот фунтов годового дохода, но родители его к тому времени умерли, сестер и братьев у него не было, и отсутствие близких было ему, в известном смысле, на руку. В умении же делать полезные знакомства ему не было равных. Не кажется ли вам, что портрет получился довольно неприглядный?

– Ничуть, – ответил Эшенден на этот несколько неожиданный вопрос. – Большинство умных молодых людей знают себе цену и довольно циничны в своих расчетах и планах на будущее. Молодые люди должны быть честлюбивы, не правда ли?

– Итак, находясь очередной раз в Париже, мой приятель познакомился с молодым талантливым ирландским художником по имени О’Мелли. Сейчас-то он академик живописи и за солидные гонорары пишет портреты лорд-канцлеров и министров. Может, помните портрет моей жены, который выставлялся пару лет назад? Это картина его кисти.

– Нет, не помню, но имя мне знакомо.

– Жена была от этого портрета в восторге. Я тоже большой поклонник его таланта. На его холстах по крайней мере не все натурщицы выглядят на одно лицо. Когда О’Мелли пишет портрет аристократки, видно, что это аристократка, а не шлюха.

– Да, это большая редкость, – сказал Эшенден. – Интересно, а может он шлюху написать так, чтобы получилась шлюха?

– Мог. Сейчас О’Мелли едва ли возьмется за портрет шлюхи, но были времена, когда он жил в тесной, грязной мастерской на Рю-дю-Шерш-Миди с маленькой француженкой этой самой профессии. Несколько ее портретов кисти О’Мелли отличаются поразительным сходством.

Эшендену казалось, что сэр Герберт пускается в слишком большие подробности, и он задался вопросом, не является ли герой истории, смысл которой пока оставался неясен, самим сэром Гербертом, а не его приятелем.

– Моему знакомому О’Мелли нравился. У художника был легкий, веселый нрав; как и всякий ирландец, он был общителен, любил пошутить и посмеяться. Болтал он без умолку и отличался отменным чувством юмора. Мой знакомый любил приходить к нему в мастерскую, когда тот работал, и слушать его бесконечные рассуждения о технике живописи. О’Мелли постоянно твердил ему, что хочет написать его портрет, и этим, естественно, тешил его самолюбие; художник находил его внешность весьма запоминающейся и говорил, что давно мечтает написать портрет настоящего джентльмена.

– Кстати, когда все это было? – спросил Эшенден.

– Давно, лет тридцать назад... Они много говорили о будущем, и когда О’Мелли сказал, что портрет моего знакомого будет отлично смотреться в Национальной галерее, тот в глубине души поверил, что в конечном счете так оно и будет. Однажды вечером, когда мой знакомый (назовем его Браун) сидел у О’Мелли в мастерской, а тот, лихорадочно пытаясь воспользоваться последними лучами заходящего солнца, дописывал для Salon¹ портрет своей любовницы, который в настоящее время выставлен в галерее Тейт, художник спросил, не хочет ли Браун пойти сегодня с ним и с Ивонн (так звали его любовницу) в ресторан. Дело в том, что на обед была приглашена подруга Ивонн, и О’Мелли был бы рад, если бы Браун согласился быть четвертым. Подруга Ивонн работала гимнасткой в мюзик-холле, Ивонн уверяла, что у нее великолепная фигура, и О’Мелли очень хотелось уговорить гимнастку позировать ему в обнаженном виде. Она видела картины О’Мелли, в принципе ничего против не имела, и сегодня вечером в ресторане предстояло решить этот вопрос окончательно. Как раз в эти дни гимнастка не работала, вскоре она должна была выступать в кабаре «Гетэ Монпарнас» и была не прочь, пока есть свободное время, сделать одолжение подруге и

¹ Выставочный зал Академии художеств (фр.).

немного заработать самой. Предложение показалось Брауну, который никогда в жизни не общался с циркачками, довольно заманчивым, и он согласился. Ивонн предположила, что ее подруга может прийтись Брауну по вкусу, и намекнула, что, если она ему понравится, долго уговаривать ее не придется: с его-то видом, да еще в английском костюме, она наверняка примет его за *Milord anglais*.¹ Браун рассмеялся. Слова Ивонн он всерьез не воспринял. «*On ne salt jamais...*»² – сказал мой знакомый и поймал на себе лукавый взгляд натурщицы. Была Пасха, на улице было еще холодно, а тут, в мастерской, – уютно и тепло; и хотя студия была крошечной, в ней всегда царил жуткий беспорядок, а на подоконнике лежал густой слой пыли, Браун чувствовал себя здесь как дома. В Лондоне у него была уютная квартирка на Вейвертон-стрит, по стенам висели очень неплохие гравюры, за стеклами стояла старинная китайская керамика, однако его со вкусом обставленной гостиной почему-то не хватало того домашнего уюта, той романтики, которыми отличалась эта захламленная студия.

Тут раздался звонок в дверь, Ивонн ввела в комнату свою подругу Аликс (так, кажется, ее звали), и та со сладкой улыбочкой продавщицы *bureau de tabac*³ пожала Брауну руку и произнесла банальные слова приветствия. Она была в длинной пелерине из искусственной норки и в огромной малиновой шляпе, в которой выглядела чудовищно вульгарной. Ее нельзя было даже назвать хорошенькой: широкое, плоское, густо напудренное лицо, большой рот, вздернутый нос, густая копна золотистых, как видно крашенных, волос и громадные голубые подведенные тушью глаза.

Теперь Эшенден не сомневался, что Уизерспун и Браун – одно лицо; в противном случае сэр Герберт никогда бы не запомнил, как выглядела гимнастка и как она была – тридцать-то лет назад! – одета, и его даже позабавила наивность посла, почему-то полагавшего, что этот столь нехитрый повествовательный прием поможет ему скрыть правду. Хотя Эшенден мог пока лишь догадываться, чем эта история кончится, поразителен был сам по себе факт, что с этим холодным, надменным и изысканным человеком могло произойти подобное приключение.

– Она о чем-то заговорила с Ивонн, и тут мой знакомый подметил одну черту, которая странным образом показалась ему очень привлекательной: у Аликс был низкий, с хрипотцой голос, как будто она только что перенесла сильную простуду, и голос этот ему почему-то ужасно понравился. Он спросил у О’Мелли, всегда ли она так говорит, и художник ответил, что, сколько он ее знает, – всегда. «Как после бутылки виски», – пошутил Браун, и О’Мелли тут же перевел ей его слова, на что Аликс, улыбнувшись Брауну своим большим ртом, возразила, что говорит хриплым голосом не из-за спиртного, а из-за необходимости подолгу стоять на голове – это один из недостатков ее профессии. Затем они вчетвером отправились в низкопробный ресторанчик недалеко от бульвара Сен-Мишель, где мой знакомый за два франка пятьдесят сантимов, включая вино, съел обед, который показался ему в тысячу раз более вкусным, чем в «Савое» или в «Кларидже». Аликс оказалась весьма разговорчивой юной особой, и Браун с интересом, даже с удовольствием слушал, как она своим густым, раскатистым голоском болтала на самые разные темы. Она великолепно владела аргю, и, хотя он не понимал и половины из того, что она говорила, ему ужасно нравилась живописная вульгарность ее языка, который отдавал раскаленным асфальтом, цинковыми стойками в дешевых забегаловках, многоголосыми площадями в бедных районах Парижа. Ее живые и броские метафоры ударили ему в голову, точно ледяное шампанское. Да, она была уличной девицей, но в ней кипела такая энергия, что становилось жарко, как в натопленной комнате. Ивонн успела шепнуть ей, что Браун – англичанин, что он не женат и у него есть деньги; однажды он поймал на себе ее долгий оценивающий взгляд, а затем услышал, хотя и не подал виду, как она шепнула подруге: «*Il n'est pas mal*».⁴ Это его позабавило: он ведь и сам догадывался, что недурен собой. Впрочем, она не обращала на него особого внимания – они

¹ Английского лорда (*фр.*).

² Никогда не знаешь... (*фр.*).

³ Табачной лавки (*фр.*).

⁴ Он не так уж плох (*фр.*).

говорили о чем-то своем, а он из приличия делал вид, что с интересом слушает, однако время от времени Аликс украдкой бросала на него томные взгляды и быстро проводила языком по губам, давая этим понять, что все зависит только от него. Браун же пребывал в нерешительности. Аликс была молодая, обаятельная, необычайно живая девушка, однако, за исключением хриплого голоса, ничего особенно заманчивого в ней не было. Между тем мысль о том, чтобы завести в Париже интрижку, да еще с циркачкой, вполне ему улыбалась – в самом деле, почему бы и нет? – будет по крайней мере о чем вспомнить в старости. Не всякому же выпадает счастье завоевать сердце гимнастки! То ли Ларошфуко, то ли Оскар Уайльд сказал, кажется, что следует совершать ошибки в молодости, чтоб было о чем вспоминать в старости. Пообедав (за кофе и коньяком они засиделись допоздна), они вышли на улицу, и Ивонн предложила Брауну проводить циркачку домой. Браун с готовностью согласился, Аликс сказала, что живет недалеко, и они пошли пешком. По дороге она сообщила ему, что у нее своя квартирка, совсем крохотная – она ведь большую часть времени на гастролях, – но уютная; женщина, сказала она, должна иметь жилье, обстановку – что ж это за женщина, у которой нет собственного угла? Наконец они подошли к ветхому зданию на какой-то темной, грязной улочке, и Аликс позвонила в звонок, чтобы консьержка открыла им дверь. Подняться в квартиру она Брауна не позвала, и он не знал, удобно ли будет войти без приглашения. Внезапно его охватила ужасная робость, он мучительно соображал, что бы такое сказать, но не мог произнести ни слова. Аликс молчала тоже. Оба чувствовали себя неловко. Щелкнул замок, дверь открылась, Аликс выжидательно посмотрела на него; она явно была озадачена, он же от смущения не мог рта раскрыть. Тогда она протянула ему руку, поблагодарила за то, что он проводил ее до самой двери, и пожелала спокойной ночи. Сердце его бешено билось; пригласи она его войти в дом – и он бы вошел; ему хотелось, чтобы она, пусть не словами, а жестом, намеком, выдала свое желание, но ни жеста, ни намека не было; он пожал ей руку, попрощался и ушел. Он чувствовал себя круглым идиотом, всю ночь не мог сомкнуть глаз, без конца ворочался в постели, с ужасом думая о том, какой рохлей он ей показался, и с нетерпением ожидал рассвета, чтобы доказать ей, что впечатление, которое он произвел накануне, было обманчивым. Гордость его была ущемлена. Не желая терять времени даром, он уже в одиннадцатом часу отправился к ней с твердым намерением пригласить ее в ресторан, но Аликс не оказалось дома. Тогда он послал ей букет цветов и во второй половине дня зашел снова – за это время она успела вернуться и уйти опять. Он отправился к О’Мелли, надеясь найти ее там, но гимнастки в мастерской не оказалось, а ирландец, хитро прищурившись, поинтересовался, как Браун провел ночь, на что мой знакомый, дабы не упасть в глазах художника, заявил, что Аликс ему разонравилась и он, как истинный джентльмен, проводив ее до дому, ушел. Однако у него остался неприятный осадок, что О’Мелли его раскусил. На обратном пути из мастерской он послал ей *pneumatique*¹ с приглашением завтра вечером вместе пообедать. Она не ответила. Он терялся в догадках, по многу раз спрашивал портье отеля, где остановился, нет ли ему письма, и наконец, почти совершенно отчаявшись, вечером следующего дня отправился к ней. Консьержка сказала, что мадемуазель дома, и Браун поднялся по лестнице. Он ужасно нервничал, злился на Аликс за то, что она так пренебрежительно отнеслась к его приглашению, и в то же время старался сохранить невозмутимый вид. Взбежав по темной, вонючей лестнице на четвертый этаж, он позвонил в квартиру, номер которой узнал от консьержки. Сначала за дверью было тихо, затем послышался какой-то шум, и он позвонил снова. Наконец Аликс ему открыла. По ее виду было совершенно очевидно, что она понятия не имеет, кто он такой. Браун совершенно растерялся – это был удар по его самолюбию, однако он взял себя в руки и, изобразив на лице светскую улыбку, сказал:

«Я, собственно, пришел узнать, обедаете ли вы со мной сегодня вечером? Вы ведь получили мою *pneumatique*?» Тут только Аликс наконец его узнала.

«О нет, сегодня я никак не могу пойти с вами в ресторан, – сказала она, по-прежнему стоя в дверях и не приглашая его войти внутрь. – У меня ужасная мигрень, и я хочу пораньше

¹ Здесь: телеграмму (*фр.*).

лечь спать. На телеграмму я не ответила потому, что она куда-то задевалась, а ваше имя вылетело у меня из головы. Спасибо за цветы, как это мило с вашей стороны». «Тогда, может быть, пообедаем завтра?»

«Justement,² завтрашний вечер у меня занят. Простите».

Говорить больше было не о чем, задать ей еще какой-нибудь вопрос у него не хватило решимости, и Браун, вновь пожелав ей спокойной ночи, удалился. У него сложилось впечатление, что она на него не обиделась, а попросту совершенно забыла о его существовании. Браун чувствовал себя глубоко уязвленным. В Лондон, так ее и не повидав, он вернулся очень собой недовольный. Он не был влюблен в Аликс, вовсе нет, скорее испытывал досаду, но, как бы то ни было, не мог выбросить ее из головы. Мой знакомый вполне отдавал себе отчет: если он и страдает, то не от неразделенной любви, а от ущемленного самолюбия.

За обедом в ресторанчике на Сен-Мишель Аликс, помнится, обмолвилась, что весной ее труппа едет на гастроли в Лондон, и в одном из писем ирландцу Браун как бы между прочим писал, что, если юная натурщица (она же гимнастка) действительно собирается в Лондон, пусть О'Мелли даст ему знать – он бы с удовольствием с ней увиделся; ему, дескать, не терпится узнать, позировала ли она О'Мелли в обнаженном виде и хорошо ли получилась на портрете. Когда же художник спустя некоторое время написал, что гастроли Аликс начинаются через неделю в концертном зале «Метрополитен», на Эдгвер-роуд, Браун почувствовал, что ему ударила в голову кровь. Он побывал на представлении с ее участием, причем, если бы не купил заблаговременно программу, на ее номер скорее всего опоздал бы: Аликс выступала самой первой. На сцену вышли двое мужчин, один толстый, другой худой, оба с длинными черными усами, и Аликс. Все трое были одеты в плохо обтягивающие розовые трико и короткие атласные трусы зеленого цвета. Сначала мужчины выполняли всевозможные упражнения на трапециях, а Аликс сновала по сцене, подавала им носовые платки, которыми они вытирали руки, и иногда делала сальто. Потом, когда толстый поставил худого на себя, она взобралась на плечи худому и послала оттуда зрителям воздушный поцелуй. Затем все трое ездили на одноколесном велосипеде. Выступление умелых акробатов часто подкупает изяществом и даже красотой, однако этот номер показался моему знакомому таким безвкусным, таким тривиальным, что он испытал сильную досаду. Вам, вероятно, знакомо чувство стыда, которое испытываешь, когда видишь, как взрослые люди на потеху публике строят из себя дураков. Бедная Аликс, с ее натянутой, застывшей улыбочкой на губах, выглядела в розовых трико и зеленых атласных трусах до того нелепо, что Браун даже удивился, как это он мог разобидеться, что она его не узнала, когда он пришел к ней домой. Поэтому в артистическую по окончании представления он пошел не сразу, снисходительно передернув плечами. Вместе с визитной карточкой он дал швейцару шиллинг, и через несколько минут из уборной вышла Аликс, которая ужасно ему обрадовалась.

«Как приятно увидеть знакомое лицо в этом мрачном городе! – воскликнула она. – Вот сегодня с удовольствием с вами пообедаю – если пригласите, конечно. Умираю от голода. Я ведь никогда до спектакля не ем. Представляете, дали нам этот паршивый зал! Совести у них нет! Ничего, завтра поговорим с нашим антрепренером. Если они думают, что мы позволим сесть себе на голову, то сильно ошибаются. Ah, non, non et non.² А публика? Как вам нравится эта публика?! Ни смеха, ни аплодисментов – сидят как истуканы!»

Мой знакомый был потрясен. Неужели Аликс относится к своему представлению всерьез? Он чуть было не рассмеялся. Впрочем, она и здесь, в Лондоне, говорила тем же низким, хриплым голоском, который почему-то так щекотал ему нервы. Циркачка была одета во все красное, и на голове у нее была та же самая малиновая шляпа, в которой она пришла в тот вечер к О'Мелли. Вид у Аликс был до того вульгарный, что Браун, побоявшись вести ее в приличный ресторан, где могли оказаться знакомые, предложил ей пообедать в Сохо. В те

² Право же (*фр.*).

² Нет, нет и еще раз нет (*фр.*).

дни еще ходили закрытые двухколесные экипажи, которые гораздо больше располагают к любви, чем таксомоторы, поэтому, как только экипаж тронулся, мой приятель обнял Аликс за талию и поцеловал, на что циркачка отреагировала довольно вяло, впрочем, и он не испытал бешеной страсти. За обедом Браун вел себя очень галантно, и она старалась ему подыгрывать, однако, когда они встали из-за стола и он предложил ей поехать к нему на Вейвертон-стрит, Аликс ответила, что вместе с ней из Парижа прибыл ее друг, и у нее с ним на одиннадцать часов назначена встреча; с Брауном же ей удалось провести вечер только потому, что у ее друга было в это время деловое свидание. Браун был, сами понимаете, раздосадован, но виду не подал, и когда на Уорддор-стрит (ее ждали в кафе «Монико») она остановилась у витрины ювелирного магазина и стала рассматривать какой-то браслет с фальшивыми сапфирами и бриллиантами, который Брауну показался верхом пошлости, он спросил ее, хочет ли она такой браслет.

«Но он же стоит целых пятнадцать фунтов!» – воскликнула Аликс.

Браун вошел в магазин и купил ей браслет, чем привел гимнастку в неописуемый восторг. Расстались они возле площади Пиккадилли.

«Послушай меня, *mon petit*,¹ – сказала Аликс. – В Лондоне я с тобой встречаться не смогу – мой друг ревнив, как черт, но на следующей неделе я выступаю в Булони. Может, приедешь? Там я буду одна, мой друг должен вернуться домой, в Голландию».

«Хорошо, – ответил Браун. – Приеду».

В Булонь Браун отправился (взяв для этого двухдневный отпуск) только с одной целью: ублажить ущемленное самолюбие. По какой-то совершенно необъяснимой причине он не мог перенести, что Аликс считает его набитым болваном, и ему представлялось, что если она будет думать о нем по-другому, то перестанет для него существовать. Вспоминал он и об О'Мелли, и об Ивонн. Она наверняка все им рассказала, и он не мог примириться с мыслью, что люди, которых он в душе презирал, смеются над ним за его спиной... Не кажется ли вам, что мой знакомый – преотвратный тип?

– Во все нет, – сказал Эшенден. – Всякому здравомыслящему человеку известно, что тщеславие – самая разрушительная, самая всеобъемлющая и самая неискоренимая из всех страстей, что причиняет боль душе человеческой, и что только благодаря тщеславию человек способен совладать со своими страстями. Тщеславие сильнее любви. С годами, по счастью, перестаешь страдать от ужасов и тягот любви, однако от власти тщеславия не спасает даже возраст. Время может ослабить любовные муки, но только смерть способна усмирить боль от ущемленного самолюбия. Любовь проста и не ищет обходных путей; тщеславие же скрывается под множеством масок. Тщеславие – неотъемлемая часть всякой добродетели, источник мужества и успеха; тщеславие – залог верности влюбленного и долготерпения стоика; тщеславие разжигает желание художника прославиться и одновременно служит подспорьем и компенсацией честности добропорядочного человека; даже в покорности святого проглядывает циничный оскал тщеславия. Избегнуть тщеславия невозможно, если же вы вознамеритесь от тщеславия предохраниться, оно воспользуется вашим же намерением в борьбе с вами. Мы беззащитны против приступа тщеславия, ибо оно всегда найдет способ заставить нас врасплох. Искренность не может обезопасить нас от его коварства, чувство юмора – от его насмешек...

Эшенден остановился – но не потому, что сказал все, что хотел, а просто чтобы перевести дух. Кроме того, он заметил, что посол предпочитает говорить сам, и поэтому слушает скорее по долгу вежливости. Впрочем, этот монолог он произнес не столько ради того, чтобы просветить своего собеседника, сколько чтобы позабавиться самому.

– В конечном счете, что, как не тщеславие, поддерживает человека в его тяжелой судьбе? – закончил Эшенден.

С минуту сэр Герберт молчал и смотрел прямо перед собой, куда-то вдаль, словно перед ним, где-то на горизонте, проплывали его невеселые воспоминания.

– Когда мой знакомый, – продолжал он, – вернулся из Булони, он понял, что безумно

¹ Малыш (*фр.*).

влюблен в Аликс, и договорился встретиться с ней вновь через две недели в Дюнкерке, где должны были проходить гастролы ее варьете. Все это время Браун не мог думать ни о чем другом, а в ночь перед отъездом (на этот раз в его распоряжении было всего тридцать шесть часов) не сомкнул глаз – так не терпелось ему поскорее увидеть возлюбленную. После Дюнкерка он всего на одну ночь ездил к ней в Париж и однажды, когда она получила недельный отпуск, уговорил ее приехать в Лондон. Он знал, что она его не любит. Для Аликс он был лишь очередным ухажером, одним из сотни, и она не скрывала, что он отнюдь не единственный ее любовник. Он же испытывал тяжкие муки ревности, однако ей о своих страданиях не говорил, зная, что ничего, кроме раздражения или насмешки, этим не вызовет. Аликс не была им увлечена; он нравился ей, поскольку был джентльмен и хорошо одевался, и она готова была оставаться его любовницей до тех пор, пока его притязания не станут обременительными, только и всего. Браун был не настолько обеспеченным человеком, чтобы делать ей по-настоящему дорогие подношения, однако даже если бы такие подарки и делались, она, из желания оставаться независимой, их не приняла.

– А как же голландец? – спросил Эшенден.

– Голландец? Никакого голландца и в помине не было. Она его выдумала, потому что по той или иной причине хотела, чтобы Браун оставил ее в тот вечер в покое. Солгать ведь ей ничего не стоило. Не подумайте только, что Браун не боролся со своей страстью. Он знал, что это наваждение, что связь такого рода, сделавшись постоянной, может обернуться для него катастрофой. На ее счет он не обольщался: Аликс была женщиной грубой и вульгарной. На интересующие его темы она говорить не могла, да и не хотела: ей и в голову не могло прийти, что его может интересовать что-то кроме ее собственных дел, и Аликс рассказывала ему бесконечные истории о своих ссорах с артистами, склоках с режиссерами и стычках с владельцами отелей. Все эти истории утомляли его безмерно, однако от звуков ее низкого, хрипловатого голоса сердце его начинало биться так сильно, что ему казалось: он вот-вот задохнется.

Эшендену было очень неудобно сидеть. Шератонские стулья на вид превосходны, но у них прямая спинка и слишком жесткое сиденье – к сожалению, вернуться в гостиную и предложить гостю сесть на глубокий, мягкий диван сэру Герберту в голову не приходило. Теперь у Эшендена не оставалось никаких сомнений, что посол рассказывает ему историю, которая произошла с ним самим, и ему было неловко, что Уизерспун, человек ему совершенно чужой, изливает перед ним душу. Свет от свечи упал на лицо посла, и Эшенден обнаружил, что оно стало мертвенно-бледным, а глаза лихорадочно засверкали. Трудно было поверить, что это был холодный, уравновешенный человек. Посол налил в стакан воды – горло у него пересохло, и ему было трудно говорить, но он заставил себя продолжать:

– Наконец моему знакомому удалось взять себя в руки. Грязная интрижка не вызывала у него ничего, кроме отвращения; в этой любовной истории не было никакой красоты – сплошной позор; к тому же связь с Аликс ничего хорошего не сулила. Его страсть была столь же вульгарной, как и женщина, к которой он эту страсть испытывал. И вот, воспользовавшись тем, что Аликс уезжала на полгода с трупой в Северную Африку и видаться они не могли, Браун решил окончательно с ней порвать. Аликс, впрочем, не испытывала горечь утраты. Он с грустью сознавал, что она забудет его через три недели.

Но тут в его жизни произошли значительные перемены. Незадолго до этого он близко сошелся с одной парой, мужем и женой, у которых были большие политические и светские связи. Их единственная дочь, уж не знаю почему, влюбилась в моего знакомого без памяти. Девушка эта была полной противоположностью Аликс: синие глазки, розовые щечки, высокая, белокурая – словом, типичная англичанка – таких, как она, рисовал в «Панче» Дюморье. Она была умная, начитанная, с детства привыкла к разговорам о политике и потому умела поддержать разговор на темы, Брауну интересные. У него были все основания полагать, что, если он попросит ее руки, ему вряд ли откажут. Я уже говорил, что мой знакомый был человек тщеславный, он знал, что обладает блестящими способностями, и не хотел, чтобы они пропадали даром. Она же была связана с наиболее родовитыми семьями в

Англии, и надо было быть последним болваном, чтобы не понимать, что брак с ней в значительной степени облегчит эту задачу. Такую возможность упускать было нельзя, тем более что, женившись, он бы покончил наконец с постыдной и никчемной связью. Какое счастье видеть перед собой не стену беззаботного равнодушия и банального здравого смысла, о которую он в своем наваждении столько времени тщетно бился, а человека, для которого он что-то значит! Было трогательно и лестно наблюдать, как при его появлении лицо девушки освещается улыбкой. Он не был в нее влюблен, но находил ее очаровательной; кроме того, ему поскорей хотелось забыть Аликс и ту вульгарную жизнь, которую он из-за нее вел. Наконец Браун решился. Он сделал предложение и получил согласие. Ее родители были в восторге, однако свадьба откладывалась до осени, поскольку ее отец должен был ехать в Южную Америку на переговоры и брал с собой жену и дочь. Предполагалось, что они будут отсутствовать все лето. Самого же Брауна перевели из министерства иностранных дел на дипломатическую службу и пообещали место в Лиссабоне, куда он должен был выехать незамедлительно.

Браун проводил свою невесту, но вдруг выяснилось, что дипломата, которого он должен был сменить, задержали в Португалии еще на три месяца, и мой знакомый на все лето оказался предоставленным самому себе. Только он начал обдумывать, чем бы заняться, как получил письмо от Аликс. Она возвращалась во Францию и снова собиралась на гастроли: в письме приводился длинный список городов, где ей предстояло выступать. Со свойственной ей добродушной беззаботностью Аликс предлагала Брауну приехать к ней на пару дней «поразвлечься». И тут его охватило безумие – преступное, непростительное безумие. Если бы она умоляла о встрече, писала, что скучает без него, он, возможно, и отказался бы, но ее беззаботному, деловому тону Браун сопротивляться не мог. Внезапно он вновь испытал к ней страстное влечение – пусть Аликс груба и вульгарна, но от одного ее вида у него голова идет кругом, это был его последний шанс – в конце концов, он женится и больше ее не увидит. Теперь или никогда. И Браун отправился в Марсель, куда приходил из Туниса ее пароход. Аликс так обрадовалась, увидев его, что он воспрял духом, – только теперь он окончательно понял, как безумно ее он любит. Браун признался Аликс, что осенью у него свадьба, и стал умолять ее провести с ним последние три месяца холостой жизни, однако она наотрез отказалась, заявив, что не участвовать в гастролях не может, – не подводить же, в самом деле, товарищей! Тогда он предложил заплатить труппе за нее компенсацию, но она и слышать об этом не хотела – замену, тем более в последний момент, найти не так-то просто, а отказываться от ангажемента невыгодно: люди они честные, привыкли держать слово, у них есть свои обязательства и перед директором варьете, и перед публикой. Браун был в отчаянии; ему казалось, что счастье всей его жизни зависит от этих проклятых гастролей. А через три месяца, когда гастроли кончатся, найдется ли у нее для него время? Как знать, как знать, заранее ничего сказать невозможно. Он стал говорить, что обожает ее, что только сейчас понял, как безумно ее любит. «Что ж, в таком случае, – сказала она, – почему бы ему не поехать на гастроли вместе с ней? Она будет только рада, если он готов ее сопровождать; они отлично проведут время, а через три месяца он вернется в Англию, женится на своей богатой невесте, и все будут довольны». Какую-то долю секунды Браун колебался, но теперь, когда он увидел ее вновь, мысль о разлуке была для него невыносима. И он согласился.

«Но имей в виду, *mon petit*, – сказала она, когда он согласился, – директор варьете не погладит меня по головке, если я буду заниматься этим делом на стороне. Ничего не попишешь, приходится думать о будущем; в следующие гастроли меня ведь могут и не взять, если я буду отказывать нашим старым клиентам, – так что не обессудь. Ничего, это будет не так уж часто, только не вздумай устраивать мне сцены, если я пересплю с кем-то, кто мне приглянется. Ничего не поделаешь, коммерция есть коммерция, ты же все равно останешься моим *amant de coeur*».

Выслушав эту тираду, Браун впервые почувствовал острую боль в сердце и так побледнел, что Аликс, наверное, подумала, что он вот-вот потеряет сознание. Она с удивлением посмотрела на него.

«Таковы мои условия, – сказала она. – А уж ты смотри сам: хочешь – соглашайся, хочешь – нет».

Он согласился.

Сэр Герберт Уизерспун подался вперед. Он был так бледен, что Эшенден даже подумал, что посол сейчас лишится чувств. Глаза его ввалились, и если бы не вздувшиеся, точно канаты, вены на лбу, он был бы похож на мертвеца. Он совершенно потерял над собой контроль, и Эшендену очень хотелось, чтобы его рассказ поскорей закончился: от подобных душевных излияний он смущался и нервничал. «В таком состоянии лучше не показываться людям на глаза, – думал он. Его подмывало сказать: „Остановитесь, остановитесь. Не надо дальше рассказывать. Вам же самому будет потом стыдно“».

Но сэр Герберт утратил чувство стыда:

– На протяжении последних трех месяцев Браун и Аликс переезжали из одного городка в другой, жили в грязных крошечных номерах третьеразрядных гостиниц – снимать хорошие отели Аликс ему не позволяла, говоря, что у нее нет дорогих нарядов и она уютнее чувствует себя в гостиницах, к которым привыкла; кроме того, она не хотела, чтобы другие артисты говорили про нее, что она «живет на стороне». Большую часть дня Браун просиживал в дешевых забегаловках. В труппе к нему привыкли, обращались по-свойски, называли по имени, добродушно над ним подсмеивались и хлопали по спине. Когда артисты бывали заняты, Браун выполнял их поручения. В глазах директора варьете он читал добродушное презрение и вынужден был мириться с фамильярностью рабочих сцены. Из одного города в другой труппа ездила третьим классом, и Брауну приходилось таскать чемоданы. Он, который так любил читать, за все это время книгу не раскрыл ни разу – Аликс терпеть не могла, когда при ней читают, и считала чтение позерством. Каждый вечер он вынужден был ходить в местный мюзик-холл и наблюдать за ее нелепыми телодвижениями и ужимками, а потом еще соглашаться, что это высокое искусство. Он поздравлял ее, когда номер имел успех, и утешал, когда что-то не ладилось. Когда же представление заканчивалось, он шел в кафе и ждал, пока она переоденется; иногда она прибегала всего на минутку и второпях говорила: «Не жди меня сегодня, mon chaton,¹ я занята».

В такие дни он испытывал мучительные приступы ревности, страдал так, как не страдал еще никто и никогда. В отель она возвращалась в три-четыре утра и удивлялась, почему он не спит. Не спит? Как мог он спать с таким тяжким грузом на душе?! В свое время он пообещал, что не станет вмешиваться в ее жизнь, устраивать сцен, но обещания не сдержал. Он устраивал Аликс жуткие сцены, а иногда даже бил ее. Тогда она теряла терпение, кричала, что он ей осточертел, что она уложит вещи и переедет в другую гостиницу, а он ползал перед ней на коленях, готов был пообещать что угодно, божился, что ни в чем не будет ей противоречить, что снесет любой позор, лишь бы она его не бросала. Это было ужасно, унижительно. Браун был глубоко несчастен. Несчастен? Вздор, он никогда еще не был так счастлив! Да, он опустился на самое дно, но здесь-то и нашел свое счастье. Ему осточертела жизнь, которую он вел раньше, эта же казалась увлекательной и романтической. Это была настоящая жизнь! А дурно пахнущая, некрасивая, с низким хрипловатым голосом женщина обладала таким потрясающим жизнелюбием, такой жизнестойкостью, что от общения с нею и его жизнь становилась более насыщенной, более полноценной. Ему казалось, что он и в самом деле горит чистым, точно рубин, пламенем. Интересно, Патер² еще не забыт?

– Не знаю, – откликнулся Эшенден. – Не знаю.

– Но через три месяца, с ужасом думал он, счастью этому наступит конец. О, как быстро летит время! Иногда ему в голову приходили дикие мысли все бросить и связать свою жизнь с акробатами. За это время они прониклись к нему симпатией, говорили, что он без труда научится их ремеслу. Правда, он сознавал, что говорилось это скорее в шутку, чем

¹ Котенок (фр.).

² «Горит чистым, точно рубин, пламенем» – почти дословная цитата из книги Уолтера Патера «Очерки по истории Ренессанса» (1873).

всерьез, однако подобная мысль не раз щекотала его воображение. Впрочем, дальше мыслей и предположений дело не шло; он никогда не думал всерьез о том, чтобы по истечении трех месяцев не вернуться к своей обычной жизни. Умом – своим холодным, рассудочным умом – он понимал, что было бы абсурдно жертвовать всем ради такой, как Аликс; он ведь был тщеславен, стремился к власти и вдобавок не мог разбить сердце той, что любила его, верила ему. Письма от невесты приходили каждую неделю; она писала, что мечтает поскорей вернуться, что считает дни, а он... он в глубине души надеялся, что по какой-нибудь причине ее приезд отложится. Ах, если бы у него было немного больше времени! Быть может, имей он в своем распоряжении не три месяца, а полгода, ему удалось бы избавиться от этого наваждения. Иногда он начинал Аликс ненавидеть...

И вот наступил последний день. По существу, сказать друг другу им было нечего; оба грустили, однако он знал, что если Аликс и грустит, то лишь потому, что к нему привыкла; не пройдет и дня, как она утешится с другим, будет опять весела, безмятежна и навсегда забудет о его существовании. Он же думал о том, что завтра поедет в Париж встречать свою невесту и ее родителей. Последнюю ночь они провели, рыдая друг у друга в объятиях. Если бы только она попросила его не покидать ее – как знать, возможно, он бы и остался; но она ни о чем не просила – такая мысль даже не приходила ей в голову; его отъезд она воспринимала как нечто давно решенное и рыдала не потому, что любила его, а оттого, что он был несчастен.

Утром она так крепко спала, что ему стало жаль будить ее, и он с чемоданом в руке на цыпочках вышел из комнаты и уехал, даже не попрощавшись.

Когда он встретил в Париже свою невесту и ее родителей, они были потрясены его видом, сказали, что он похож на привидение, а он ответил, что все лето проболел и ничего им не писал, чтобы они не беспокоились. Они проявили к нему очень трогательную заботу, а через месяц была свадьба. Браун поступил правильно, что женился. Ему представилась возможность проявить себя, и он себя проявил. Карьеру он сделал головокружительную. Он получил все, что хотел: положение, власть, почести. Его успеху могли позавидовать многие, очень многие. Многие – но не он сам. Ему же все обрыдло: и знатная красавица, на которой он женился, и люди, с которыми он вынужден был общаться; он все время играл роль, и иногда казалось, что больше так жить, постоянно прячась под маской, нельзя, что он этого долго не выдержит. Но он выдержал. Порой ему так нестерпимо хотелось увидеть Аликс, что лучше было застрелиться, чем терпеть эти муки. Больше он ее не встречал. Никогда. От О'Мелли он слышал, что она вышла замуж и ушла из труппы. Сейчас, должно быть, она толстая старуха, и все это уже не имеет никакого значения. Но жизнь свою он загубил. И жизнь несчастного существа, на котором женился, – тоже. Не мог же он год за годом скрывать от нее, что ничего, кроме жалости, дать ей не может. Однажды, не выдержав, он рассказал ей про Аликс, и с тех пор она устраивала ему сцены ревности.

Теперь он понимал, что не должен был жениться на ней, он рассказал бы ей все, как есть, и она, потосковав с полгода, вышла бы замуж за кого-нибудь еще. С его стороны жертва оказалась совершенно напрасной. Второй жизни человеку не дано, и горько было сознавать, что единственную жизнь он загубил. Ему так и не удалось пережить свое горе, и он смеялся, когда его называли жестким человеком, – он был мягок как воск. Вот почему я сказал вам, что Байринг прав. Даже если его брак продлится всего пять лет, даже если рухнет его карьера, даже если брак этот принесет несчастье, он все равно поступил правильно. Он был счастлив, он оправдал свою жизнь.

В этот момент дверь открылась, и вошла дама. Посол взглянул на нее, и в его глазах на мгновение блеснула холодная ненависть, но только на мгновение – сэр Герберт встал из-за стола и, изобразив на своем ввалившемся лице светскую улыбку, представил даму Эшендену:

– Познакомьтесь, это моя жена. А это мистер Эшенден.

– Я вас всюду ищу. Почему вы не в кабинете? Мистеру Эшендену, должно быть, ужасно неудобно.

Это была высокая, худая женщина лет пятидесяти, со следами былой красоты на

увядшем лице. Видно было, что она из хорошей семьи. Чем-то она напоминала экзотическое растение, выращенное в теплице и начинающее увядать. Она была в черном.

– Как тебе концерт? – спросил сэр Герберт.

– Очень недурно, исполнялся концерт Брамса и оркестровые фрагменты из «Валькирии», а потом «Славянские танцы» Дворжака. Дворжак показался мне несколько претенциозным. – Она повернулась к Эшендену: – Надеюсь, вам с мужем не было скучно? О чем вы беседовали? Об искусстве и литературе, надо думать?

– Нет, скорее о сыром исходном материале, – сказал Эшенден и вскоре ушел.

Орел или решка (пер. А. Ливергант)

Пора было идти. Утром шел снег, но сейчас небо очистилось, и Эшенден, бросив взгляд на подернутые морозом звезды, быстрым шагом вышел на улицу. Он боялся, что Гербартусу надоест его ждать и тот уйдет домой. На этой встрече Эшенден должен был принять окончательное решение, и сомнения, которые он испытывал по этому поводу, не давали ему покоя весь вечер, как не дает покоя недомогание, что в любую минуту может перерасти в боль. Дело в том, что Гербартус, неутомимый и решительный Гербартус, вызвался взорвать несколько австрийских военных заводов. Пересказывать в подробностях разработанный им план нет необходимости; скажем лишь, что план этот, при всей своей изобретательности и надежности, плох был тем, что в результате должно было погибнуть или покалечиться огромное число галицийских поляков, его соотечественников, работавших на этих заводах. Во время их утренней встречи Гербартус сообщил Эшендену, что все готово и дело только за ним.

– Но прошу вас, приказ об операции отдайте лишь в случае крайней нужды, – произнес он на своем четком, гортанном английском языке. – Разумеется, если это необходимо, мы не будем колебаться ни минуты, но жертвовать соотечественниками попусту очень бы не хотелось.

– Когда вы хотите получить ответ?

– Сегодня вечером. Утром в Прагу отправляется наш связной.

Тогда-то Эшенден и договорился с ним о встрече, на которую теперь спешил.

– Только, пожалуйста, не опаздывайте, – предупредил Гербартус. – Перехватить связного после полуночи мне уже не удастся.

Все это время Эшенден нервничал, прекрасно сознавая, что испытает облегчение, если Гербартус уйдет, его не дождавшись. Тогда бы ему, Эшендену, не пришлось действовать так скоропалительно. В конце концов, немцы ведь взрывают заводы в странах Антанты, и платить им следует той же монетой. На войне как на войне. Диверсии не только препятствовали производству оружия и боеприпасов, но и подрывали моральный дух мирного населения. Высокие чины, разумеется, делали вид, будто они к диверсиям никакого отношения не имеют. Готовые использовать в своих интересах тайных агентов, о которых слухом не слыхивали, они закрывали глаза на грязную работу, чтобы иметь возможность приложить чистые руки к сердцу и поздравить себя с тем, что им ни разу не пришлось совершить недостойный джентльмена поступок. Эшенден усмехнулся: ему вспомнился один его разговор с Р. Как-то Эшендену поступило любопытное предложение, и он счел своим долгом доложить о нем шефу.

– Чуть не забыл, – сказал он как бы невзначай, – тут объявился один смельчак, который за пять тысяч фунтов берется ликвидировать Б.

Б. был монархом одного балканского государства, которое его стараниями было готово в любую минуту объявить Антанте войну, поэтому устранение Б. можно было только приветствовать. Политические же симпатии его преемника оставались довольно неопределенными, и уговорить его сохранить нейтралитет большого труда не составляло. По быстрому, внимательному взгляду Р. Эшенден сразу понял, что шеф в полном курсе дела.

– Ну и что? – буркнул Р., нахмурившись.

– Я обещал ему, что поставлю вас в известность. По-моему, он действует из лучших побуждений. Настроен он проанглийски и считает, что, если его страна выступит на стороне немцев, ей будет нанесен непоправимый урон.

– За что же тогда он хочет пять тысяч фунтов?

– За риск. Почему, собственно, он должен оказывать нам услугу бесплатно?

– К такого рода вещам мы с вами касательства иметь не можем. Мы не воюем подобными методами. Предоставим их немцам. Джентльмены мы или нет, черт возьми?!

Эшенден промолчал, но внимательно смотрел на Р. В глазах шефа вспыхнули, как это не раз бывало, красные огоньки, придававшие всему его облику нечто довольно жуткое. Р. и всегда-то немного косил, теперь же его глаза смотрели в совершенно противоположные стороны.

– Не понимаю, зачем было меня об этом информировать. Почему вы не отлупили мерзавца, когда он обратился к вам с этим предложением?

– Мне бы это вряд ли удалось, – возразил Эшенден. – Он крупней меня, да и потом, мне это даже в голову не пришло. Он был со мной подчеркнуто вежлив, даже любезен.

– Разумеется, мы бы только выиграли, если б монарх сошел с круга. С этим я не спору. Но одно дело желать ему смерти и совсем другое – участвовать в умышленном убийстве. Если б ваш смельчак действительно был патриотом, он бы не стал делиться с вами своими планами, а взялся бы за дело сам, невзирая на последствия.

– Возможно, он хочет в случае своей смерти обеспечить вдову.

– Как бы там ни было, этот вопрос я обсуждать не желаю. Разные люди смотрят на вещи по-разному, и если кто-то считает, что оказывает помощь Антанте, взвалив на свои плечи тяжкое бремя моральной ответственности, это его личное дело.

Эшенден не сразу понял, что имел в виду шеф. Когда же до него дошло, к чему тот клонит, он едва заметно улыбнулся и произнес:

– Не подумайте только, что я собираюсь платить ему пять тысяч из собственного кармана. Ни за что на свете.

– Ничего я такого не думаю, и вы прекрасно об этом знаете. Буду вам очень обязан, если впредь вы избавите меня от своих плоских шуток.

Эшенден пожал плечами, и теперь, припомнив этот разговор, сделал то же самое. Все они одинаковы. Рвутся к цели и нерешительны в средствах. Свершившийся факт готовы использовать в своих интересах, но ответственность за него предпочитают переложить на кого-то другого.

Эшенден вошел в кафе гостиницы «Отель де Пари» и, увидев Гербартуса, который сидел за столиком лицом к двери и пил чай, набрал полную грудь воздуха, словно собирался нырнуть в ледяную воду. Делать нечего. Решение должно быть принято. Когда Гербартус увидел Эшендена, его чисто выбритое лицо с тяжелым подбородком просияло и он протянул ему громадную волосатую руку. Это был высокий смуглый мужчина могучего вида с пронзительными черными глазами. Его никогда не мучили угрызения совести, он был бескорыстен, а потому безжалостен.

– Как прошел обед? – спросил он Эшендена, когда тот сел. – Вы поделились с послом нашими планами?

– Нет.

– Вот и правильно. Таких людей в серьезные дела лучше не посвящать.

С минуту Эшенден внимательно разглядывал Гербартуса. Лицо поляка приобрело какое-то странное выражение, все тело напряглось – в это мгновение он был похож на готового к прыжку тигра.

– Вы читали «Отца Горио» Бальзака? – вдруг спросил Эшенден.

– Читал – лет двадцать назад, когда еще был студентом.

– Помните спор Растиньяка и Вотрена о том, может ли человек утвердительно кивнуть головой, если знает, что этим кивком обрекает на смерть китайского мандарина, но наследует

все его несметное богатство? Этим вопросом задавался еще Руссо.

Крупное лицо Гербартуса расплылось в широкой улыбке:

– Спор Растиньяка и Вотрена тут ни при чем. Нелегко отдать приказ, в результате которого погибнет много людей. Кроме того, от этой операции никакой личной выгоды. Когда генерал отдает приказ о наступлении, он точно знает, сколько народу погибнет. Ничего не поделаешь – это война.

– Идиотская война!

– Победа в ней принесет моей родине свободу.

– Посмотрим еще, как ваша родина этой свободой распорядится.

Вместо ответа Гербартус только пожал плечами:

– Предупреждаю, если вы не воспользуетесь этой возможностью сейчас, следующая едва ли скоро представится. Мы не можем каждый день посылать связного через границу.

– Вам не делается неуютно от одной только мысли, что этих несчастных разорвет в клочья? Кроме убитых, будут ведь и покалеченные.

– Мне это не нравится. Я уже говорил – раз многочисленных жертв не избежать, мы должны решиться на этот шаг только в самом крайнем случае. Мне очень бы не хотелось приносить в жертву этих несчастных, но если это все же произойдет, страдать бессонницей я не буду, да и аппетита тоже не потеряю. А вы?

– Вряд ли.

– За чем же тогда дело стало?

И тут Эшенден почему-то вспомнил остроконечные звезды в морозном небе, на которые взглянул, когда шел по ночной улице. Целая вечность, казалось, прошла с тех пор, как он сидел в просторной посольской столовой и слушал историю сэра Герберта Уизерспуна про его удачную карьеру и незадавшуюся жизнь. Увлечения мистера Шефера и его собственные мелкие интриги, любовь Байринга и Розы Оберн – как все это мелко, незначительно! Человек, у которого от колыбели до могилы всего один шаг, живет такой бессмысленной жизнью. Ничтожество! Яркие звезды сверкали в безоблачном ночном небе.

– Я устал, не могу собраться с мыслями.

– Через минуту я должен идти.

– Тогда, может, бросим жребий?

– Жребий?

– Ну да. – И Эшенден достал из кармана монетку. – Если «орел» – скажете вашему человеку, чтобы действовал; если «решка» – все отменяется.

– Отлично.

Эшенден положил монетку на ноготь большого пальца и ловким щелчком подбросил в воздух. Когда монетка, перевернувшись, упала на стол, Эшенден проворно накрыл ее ладонью. И он, и Гербартус одновременно подались вперед, и Эшенден медленно отвел руку. Гербартус глубоко вздохнул.

– Так тому и быть, – сказал Эшенден.

Случайный знакомый (пер. В. Вебер)

Выйдя на палубу и увидев перед собой низкий берег и белый город, Эшенден ощутил дрожь приятного волнения. В этот ранний час солнце только-только поднялось, но море уже поблескивало, словно бескрайнее зеркало, а над головой синело небо. И теплое утро обещало знойный день. Владивосток. От одного названия становилось понятно, что ты на краю земли. Путешествие выдалось долгим: от Нью-Йорка до Сан-Франциско, потом через Тихий океан на японском судне до Йокогамы, а из Цуруки на российском корабле (на борту он был единственным англичанином) – по Японскому морю. Из Владивостока он намеревался попасть в Петроград, по Транссибирской магистрали. Задание это было самым важным из всех, порученных ранее, и Эшендену нравилось ощущение ответственности, которое он

испытывал. Ему предоставили полную самостоятельность, снабдили практически неограниченными средствами (в денежном поясе, который он носил на теле, хранилась столь огромная сумма, что его шатало всякий раз, когда он о ней вспоминал), и хотя порученное дело выходило за пределы человеческих возможностей, Эшенден этого не знал и готовился к его выполнению с присущей ему уверенностью, не сомневаясь, что справится. Он с уважением относился к свойственным представителям человечества чувствам и восхищался ими, а вот интеллектуальные способности людей оценивал крайне низко: принести себя в жертву давалось человеку куда легче, чем выучить таблицу умножения.

Эшенден безо всякого энтузиазма думал о десяти днях, которые ему предстояло провести в российском поезде, и по Йокогаме ходили слухи, что в одном или двух местах взорваны мосты и железнодорожное сообщение прервано. Ему говорили, что шайки солдат, которые никому не подчинялись, ограбят его дочиста и оставят в степи на верную смерть. Такая перспектива не могла радовать. Но поезд отправлялся по расписанию, и, что бы ни произошло потом (Эшенден всегда полагал, действительность обычно отличалась от ожиданий в лучшую сторону), он твердо решил занять место в вагоне. Сойдя с корабля, он намеревался напрямик направиться в британское консульство и выяснить, позаботились ли о нем. Но по мере того как они приближались к берегу и Эшенден мог лучше разглядеть грязный и неухоженный город, у него вдруг возникло чувство одиночества. Он знал лишь несколько русских слов. Из всей команды на английском говорил только второй помощник капитана, и пусть тот обещал оказывать ему всяческое содействие, англичанин все более склонялся к мысли, что рассчитывать он может исключительно на себя. И испытал огромное облегчение, когда после швартовки к нему подошел невысокий молодой мужчина с копной растрепанных волос, по виду еврей, и спросил, не он ли – Эшенден?

– Я – Бенедикт, – представился мужчина. – Переводчик британского консульства. Меня попросили приглядеть за вами. Вам куплен билет на поезд, который отправляется этим вечером.

Настроение Эшендена сразу улучшилось. Маленький еврей взял на себя и получение багажа, и паспортный контроль. Потом они сели в ожидающий их автомобиль и поехали в консульство.

– Мне поручено содействовать вам во всем, – услышал Эшенден от консула. – Только скажите, что нужно. Билет на поезд я вам достал, но одному Богу известно, доберетесь ли вы до Петрограда. Между прочим, я нашел вам попутчика. Его фамилия Харрингтон, он – американец, едет в Петроград по делам одной компании из Филадельфии. Собирается заключить какую-то сделку с Временным правительством.

– И что вы можете о нем сказать? – спросил Эшенден.

– Ничего плохого – это точно. Я хотел, чтобы он и американский консул пришли к нам на ленч, но они уехали на экскурсию по окрестностям города. На станцию вам нужно прийти часа за два до отправления поезда. Там всегда ужасная толчея, и если не приехать заблаговременно, кто-нибудь может занять ваше место.

Поезд отходил в полночь, и Эшенден пообедал с Бенедиктом в привокзальном ресторане, похоже, единственном месте в этом занюханном городе, где еще прилично кормили. Народу хватало, обслуживали невыносимо медленно. Когда Эшенден и Бенедикт вышли на перрон, его уже запрудил толпа, хотя до отхода поезда оставалось два часа. Там расположились лагерем целые семьи, со всем своим скарбом. Люди металась взад-вперед или, стоя маленькими группами, о чем-то яростно спорили. Женщины кричали. Другие молча плакали. Двое мужчин честили друг друга. На перроне царил неопишуемый хаос. В холодном, тусклом свете все эти люди бледными лицами напоминали мертвецов, ожидающих (терпеливо или встревоженно, в смятении или раскаянии) Страшного суда. Подали состав, и, как выяснилось, пассажиры уже до отказа забили большинство вагонов. Когда Бенедикт отыскал нужный вагон, из купе, в котором должен был ехать Эшенден, выскочил взволнованный мужчина.

– Заходите и садитесь. Я с огромным трудом удержал ваше место. Один тип заявился

сюда, с женой и двумя детьми. Мой консул только что ушел с ним к начальнику станции.

– Это мистер Харрингтон, – представил мужчину Бенедикт.

Эшенден переступил порог двухместного купе. Носильщик занес багаж. Англичанин пожал руку своему попутчику, Джону Куинси Харрингтону, очень тощему, ростом чуть ниже среднего, с желтоватой кожей и большими, бледно-синими глазами.

Он снял шляпу, чтобы вытереть со лба пот, выступивший в результате всех этих волнений, и глазам Эшендена открылся крупный, плотно обтянутый кожей череп, со всеми его впадинами и выпуклостями. Наряд мистера Харрингтона составляли шляпа-котелок, черные пиджак и жилетка, полосатые брюки, рубашка с очень высоким белым воротничком-стойкой и аккуратно завязанный, неброской расцветки галстук. Эшенден плохо представлял себе, как должно одеваться для десятидневной поездки через Сибирь, но счел, что его сосед по купе излишне экстравагантен. Говорил американец высоким голосом, чеканя слова и с акцентом, по которому Эшенден признал в нем уроженца Новой Англии.

Через минуту появился начальник станции, сопровождаемый бородатым россиянином, переполненным эмоциями, заплаканной женщиной и двумя детьми, которых она держала за руки. Мужчина, по его лицу катились слезы, дрожащими губами что-то говорил начальнику станции, а его жена в промежутках между рыданиями рассказывала, по всей видимости, историю своей жизни. Когда они подошли к купе, градус разговора резко повысился, в него вступил и Бенедикт, изъяснявшийся на чистом русском языке. Мистер Харрингтон не знал ни единого русского слова, но от избытка чувств не смог молчать и на бойком английском принялся объяснять, что билеты на эти места куплены консулами Великобритании и Соединенных Штатов соответственно, и пусть он ничего не может сказать о короле Англии, ему доподлинно известно, что президент Соединенных Штатов никогда не допустит, чтобы американского гражданина лишили места в поезде, за которое он должным образом заплатил. Он, конечно, уступит силе, но только силе, а если к нему прикоснутся хоть пальцем, он тут же подаст жалобу в консульство. Все это и многое другое мистер Харрингтон высказал начальнику станции, который, разумеется, не имел ни малейшего понятия, что ему говорят, но отвечал не менее эмоционально, сопровождая свои слова бурной жестикуляцией. Такая реакция крайне распалила мистера Харрингтона, и, побледнев от негодования, яростно потрясая кулаком перед лицом начальника станции, он прокричал:

– Скажите ему, что я не понимаю ни единого его слова и не хочу понимать. Если русские желают, чтобы мы считали их цивилизованными людьми, почему они не говорят на языке цивилизованных наций? Скажите ему, что я – мистер Джон Куинси Харрингтон и приехал в Россию из Филадельфии, как полномочный представитель компании «Кру и Адамс», с рекомендательным письмом к мистеру Керенскому, и если мне не оставят это купе, мистер Кру поднимет этот вопрос перед администрацией президента в Вашингтоне.

Поведение мистера Харрингтона стало столь агрессивным, а жесты – столь угрожающими, что начальник станции, признав свое поражение, без единого слова развернулся на каблуках и двинулся прочь. За ним последовали и бородатый россиянин, и его жена, которые продолжали в чем-то его убеждать, и двое безучастных детей. Мистер Харрингтон вернулся в купе.

– Я очень сожалею, что отказался уступить свою койку женщине с двумя детьми. – Он еще весь кипел. – Никто лучше меня не знает, какое уважение я испытываю к женщине и матери, но я должен прибыть в Петроград именно на этом поезде, чтобы не потерять очень важный для моей компании заказ, и не намерен провести эти десять дней в коридоре даже ради всех матерей России.

– Я вас не виню, – кивнул Эшенден.

– Я женат, и у меня двое детей. Я знаю, как это трудно, путешествовать с семьей, но, насколько я себе это представляю, ничто не мешало этим людям остаться дома.

Если вас на десять суток запирают в купе железнодорожного вагона с другим человеком, скорее всего вы узнаете о нем все, что только можно, и даже чуть больше, и в каждом из этих десяти (если точно – одиннадцати) суток Эшенден проводил с мистером

Харрисоном двадцать четыре часа. Да, конечно, трижды в день они ходили в вагон-ресторан, чтобы перекусить, но и там сидели напротив друг друга. Да, ежедневно поезд останавливался на час, утром и после полудня, и пассажиры могли размять ноги, походив по платформе, но гуляли они бок о бок. Эшенден познакомился и с несколькими другими пассажирами, иной раз они заходили в купе поболтать, но если говорили они только на французском или немецком, мистер Харрингтон взирал на них с выражением крайнего неудовольствия на лице, а если на английском – то не давал вставить в разговор ни слова. Потому что мистер Харрингтон очень любил поговорить. Способность говорить он воспринимал как естественную функцию человеческого организма, ничем не отличающуюся, скажем, от способности дышать или переваривать пищу. Далеко не всегда ему было, что сказать. Но он говорил, потому что ничего не мог с собой поделать, высоким, гнусавым, лишенным эмоций голосом, в одной тональности. Четко произносил каждое слово, тщательно строил фразы, его словарный запас поражал воображение. Он никогда не использовал короткое слово, если имелся более длинный синоним, никогда не прерывался на паузу. Говорил и говорил. Речи его ничем не напоминали бурную реку, не было в них ничего стремительного, скорее их следовало сравнивать с потоком лавы, выплеснувшимся на склон вулкана, который неспешно, но и неудержимо движется вниз, сокрушая все, что встречается на пути.

Эшенден думал, что нет второго такого человека, о котором он знал столько же, сколько ему пришлось узнать о мистере Харрингтоне, и не только о нем самом, но и о его взглядах на жизнь, привычках, финансовых обстоятельствах, а также о его жене и родственниках жены, о его детях и их школьных друзьях, о его работодателях и брачных союзах, которые они заключали три или четыре поколения с лучшими домами Филадельфии. Харрингтоны прибыли в Америку из Девоншира в начале восемнадцатого столетия, и мистер Харрингтон побывал в деревне, где на церковном кладбище покоились его далекие предки. Он гордился своим английским происхождением, гордился и тем, что родился американцем, хотя для него Америка являла собой узкую полосу суши, протянувшуюся вдоль Атлантического побережья, а американцами он полагал горстку людей с английскими и голландскими фамилиями, не попортившие кровь чужеродными примесями. Немцев, шведов, ирландцев, выходцев из Центральной и Восточной Европы, за последнюю сотню лет наводнивших Соединенные Штаты, он воспринимал незваными гостями. Старался не обращать на них внимания, как старая дева, живущая в уединенном особняке, старается не обращать внимания на заводские трубы, которые вторгаются в ее уединенную жизнь.

Когда Эшенден упомянул одного очень богатого американца, которому принадлежали несколько шедевров живописи, он услышал в ответ:

– Никогда с ним не встречался. Сестра моей бабушки, Мария Пенн Уормингтон, всегда говорила, что бабушка этого человека отменно готовила. Они расстались, когда ее подруга вышла, о чем тетя Мария очень горевала. По ее словам, она не знала никого, кто мог бы испечь такой вкусный яблочный пирог.

Мистер Харрингтон всем сердцем любил жену и невероятно долго, во всех подробностях, расписывал Эшендену, какая она образованная женщина и идеальная мать. Миссис Харрингтон отличало слабое здоровье, ей сделали много хирургических операций, и Эшендена ознакомили с мельчайшими деталями каждой. Сам Харрингтон дважды попадал под нож хирурга. Один раз ему вырезали миндалины, другой – аппендицит, и его стараниями перед глазами Эшендена прошел весь послеоперационный период, день за днем, со всеми ощущениями. Те или иные операции делали всем друзьям Харрингтона, так что в хирургии он обладал поистине энциклопедическими знаниями. Оба его сына учились в школе, и он серьезно задумывался, а не сделать ли операции и им. Любопытно, что у одного мальчика были увеличенные миндалины, а второй частенько жаловался на боли в животе. Ему еще не доводилось встречать двух братьев, которые были так привязаны друг к другу, как его сыновья, и один очень хороший друг мистера Харрингтона, лучший филадельфийский хирург, предложил прооперировать их одновременно, чтобы они не разлучались и в больнице. Он показал Эшендену фотографии мальчиков и их матери. Путешествие в Россию

впервые за годы семейной жизни разлучило его с женой и детьми, и каждое утро он писал ей длинное письмо, рассказывая обо всем, что произошло за прошедшие сутки, и приводя многое из того, что он за это время говорил Эшендену или кому-то еще. Англичанин наблюдал, как мистер Харрингтон заполняет страницу за страницей ровным, разборчивым, четким почерком.

Мистер Харрингтон прочитал все книги об искусстве ведения беседы и блестяще владел приведенными в них методиками. В специальный блокнот он заносил все услышанные им истории и доверительно сообщил Эшендену, что всегда заучивает полдюжины, отправляясь в гости, чтобы не попасть впросак. Истории он маркировал буквой «О», если мог рассказать их за общим столом, или «М» – если они предназначались исключительно для грубых мужских ушей. Он специализировался на тех анекдотах, которые рассказываются очень серьезно, долго и нудно, с нагромождением массы подробностей, прежде чем завершиться вызывающей смех остротой. Мистер Харрингтон не упускал ничего, Эшенден уже заранее знал, чем все закончится, и ему приходилось переплетать пальцы рук и хмурить брови, чтобы не выдать свое нетерпение, а потом невероятным усилием воли выдавливать из себя мрачный, натуженный смешок. Если кто-то заглядывал в купе, когда мистер Харрингтон рассказывал такой вот анекдот, американец сердечно его приветствовал:

– Заходите. Присядьте. Я как раз рассказываю моему другу одну историю. Вы должны послушать ее, она такая смешная.

И тут же начинал с самого начала, повторяя слово в слово, не пропуская ни одного удачно подобранного эпитета, пока не добирался до смешной последней фразы. Эшенден однажды предложил найти в поезде двух людей, умеющих играть в карты, чтобы скоротать время за бриджем, однако Харрингтон заявил, что не притрагивается к картам, а когда Эшенден в отчаянии принялся раскладывать пасьянс, поморщился.

– Это невероятно – интеллигентный человек тратит время на карты! Из всех видов пустого времяпрепровождения игра с самим собой, по моему разумению, наихудший. Он убивает беседу. Человек – существо социальное, и лучшие стороны его сущности раскрываются при общении с себе подобными.

– В трате времени попусту есть что-то изысканное, – возразил Эшенден. – Любой дурак может потратить деньги, но растративая время, вы транжирите бесценное. А кроме того, – едко добавил он, – мое занятие не мешает вам говорить.

– Как же мне говорить, вы думаете только о том, как бы заполучить черную семерку и положить ее на красную восьмерку. Беседа требует величайшего напряжения интеллектуальных способностей. И тот, кто вникал в этот вопрос, имеет право ожидать, что человек, с которым он разговаривает, отнесется к этому разговору со всем возможным вниманием.

Упрека в его голосе не слышалось – лишь добродушное терпение человека, который не раз и не два попадал в аналогичную ситуацию. Он всего лишь заявлял, что Эшенден может согласиться с его позицией или отвергнуть ее. То был призыв художника воспринимать его творения со всей серьезностью.

Мистер Харрингтон читал много и усердно. Обычно с карандашом в руке, подчеркивая те фразы и абзацы, которые привлекли его внимание, и аккуратным почерком записывая на полях комментарии к прочитанному. Комментарии эти ему нравилось обсуждать, и у Эшендена нередко начинало биться сердце, когда он, сам читая книгу, вдруг замечал, что мистер Харрингтон, с книгой в одной руке и карандашом в другой, смотрит на него большими блеклыми глазами. Он не решался взглянуть на попутчика, не решался даже перевернуть страницу, поскольку знал: мистер Харрингтон воспримет сие как повод разразиться очередной речью. Вот и сидел, уставившись на одно-единственное слово, словно цыпленок, уткнувшийся клювом в меловую черту, и переводил дух, лишь осознав, что мистер Харрингтон отказался от попытки завязать разговор и продолжил чтение. В это время он изучал «Историю американской конституции» в двух томах, а для отдыха внимательно

прочитывал толстенную книгу, в которой издатели, по их словам, включили знаменитые речи всех времен и народов. Мистер Харрингтон обычно выступал после званых обедов, а потому ознакомился со всеми лучшими книгами по ораторскому искусству. Он точно знал, как наладить контакт с аудиторией, когда произнести важные слова, которые тронут сердца слушателей, умел захватить их внимание парой уместных анекдотов, а затем, с подобающим случаю красноречием, эффектно закончить выступление.

Мистер Харрингтон обожал читать вслух. Эшенден часто замечал пристрастие американцев к подобному времяпрепровождению. В гостиницах, вечером после обеда, он не раз становился свидетелем того, как отец семейства, восседая в дальнем углу в окружении жены, двух сыновей и дочери, читал им какую-нибудь книгу. На океанских лайнерах, пересекающих Атлантику, он порой с благоговейным трепетом наблюдал за каким-нибудь высоким, худощавым, с командирскими замашками джентльменом, сидевшим в окружении пятнадцати дам не первой молодости и зычным голосом читающим «Историю искусств». Прохаживаясь взад-вперед по прогулочной палубе, он постоянно натывался на молодоженов, устроившихся на шезлонгах, и обычно слышал голосок новобрачной, читающей мужу модный роман. Такой способ выказывания привязанности казался ему странным. У него были друзья, которые предлагали почитать ему вслух, и он знал женщин, говоривших, что они любят, чтобы им читали, но всегда вежливо отказывался от такого предложения и игнорировал намек. Он не любил ни читать вслух, ни слушать, как ему читают. В глубине души считал, что склонность американцев к такому занятию – едва ли не единственный недостаток их почти идеального национального характера. Но бессмертные боги обожают посмеяться над человеческими существами, вот и положили его, связанного и беспомощного, под нож верховного жреца. Мистер Харрингтон полагал себя отменным чтецом и объяснил Эшендену теорию и практику художественного чтения. Эшенден узнал, что существует два основных направления: драматическое и естественное. В первом случае чтец имитирует голоса тех, за кого говорит (если читает роман), и когда героиня голосит от горя, чтец тоже должен голосить, а если она осипла, чтецу положено последовать ее примеру. Представители второго направления читают роман бесстрастно, как прайс-лист в какой-нибудь чикагской фирме, торгующей по каталогам. К этому направлению принадлежал и мистер Харрингтон. За семнадцать лет семейной жизни он читал вслух сначала жене, а потом и сыновьям (едва те достаточно подросли, чтобы понимать, о чем речь) романы Вальтера Скотта, Джейн Остин, Диккенса, сестер Бронте, Теккерея, Джорджа Элиота, Натаниэля Готорна и У. Д. Хауэллса.¹ Эшенден пришел к выводу, что чтение вслух – плоть от плоти мистера Харрингтона, и попытки удержать его от этого занятия выбивают американца из равновесия точно так же, как заядлого курильщика – отсутствие табака. И он постоянно стремился заставить Эшендена врасплох.

– Вы только послушайте, – восклицал мистер Харрингтон, – и вы должны это послушать, – словно его внезапно поразили блестящий афоризм или мастерски выстроенная фраза. – А потом скажете, согласны ли вы с тем, что мысль эта сформулирована исключительно удачно. Всего три строчки.

Он зачитывал их, и Эшенден уже соглашался высказать свое мнение, но мистер Харрингтон, не останавливаясь даже для того, чтобы набрать в легкие воздух, продолжал читать. Просто продолжал. Продолжал и продолжал. Высоким, размеренным голосом, безо всякого выражения, читал страницу за страницей. Эшенден ерзал по койке, закидывал ногу на ногу, менял ноги местами, подносил зажженную спичку к сигарете, докуривал ее до конца, садился то так, то этак. Мистер Харрингтон читал и читал. Поезд лениво полз по бескрайним сибирским равнинам. Они проезжали города и пересекали реки. Мистер Харрингтон все читал. А закончив великую речь Эдмунда Бёрка, с победным видом отложил книгу.

– По моему разумению, одна из величайших речей на английском языке. Она –

¹ Хауэллс, Уильям Дин (1837–1920) – известный американский писатель, основоположник американской социальной прозы. В СССР и России его произведения практически не переводились.

несомненная часть нашего общего наследия, которой мы можем гордиться.

– Вас не смущает тот, в определенной степени печальный факт, что люди, к которым обращался Эдмунд Бёрк, давно уже умерли? – мрачно спросил Эшенден.

Мистер Харрингтон уже собрался ответить, что едва ли стоит этому удивляться, поскольку означенную речь Эдмунд Бёрк произнес в восемнадцатом столетии, как вдруг до него дошло, что Эшенден (сохранявший всю ту же мрачность, что подтвердил бы непредвзятый наблюдатель) пошутил. Он хлопнул себя по колену и громко рассмеялся:

– Ха-ха! Отлично сказано! Я запишу это в свой блокнот. Уже вижу, как повторяю ваши слова, выступая после ленча в нашем клубе.

Мистер Харрингтон относил себя к «высоколобым», но это прозвище, в устах простонародья звучащее бранью, воспринимал, как символ мученичества (вроде раскаленной решетки, на которой поджарили святого Лаврентия, или пыточного колеса, на котором переломали кости святой Катерине), как почетный титул. Гордился тем, что его так называли.

– Эмерсон был высоколобым, – говорил он. – Лонгфелло был высоколобым. И Оливер Уэнделл Холмс, и Джеймс Рассел Лоуэлл.

В изучении американской литературы мистер Харрингтон не продвинулся дальше того периода, когда творили эти известные, но довольно-таки скучноватые писатели и поэты.

Занудство мистера Харрингтона не знало предела. Он раздражал Эшендена, злил, выматывал ему нервы, доводил до белого каления. Но англичанин не испытывал к нему неприязни. Самодовольство мистера Харрингтона простиралось за горизонт, но было столь искренним, что сердиться на него не представлялось возможным, а его тщеславие, такое детское, могло вызвать лишь улыбку. Мистера Харрингтона отличали такая доброжелательность, такая участливость, уважительность, вежливость, что у Эшендена, пусть иной раз ему и хотелось убить американца, возникла к нему некая симпатия. Манеры его были изысканными, формальными, чуть надуманными (в этом нет ничего дурного, ибо хорошие манеры – показатель степени искусственности общества, а потому никуда не деться от толики напудренных париков и кружевных оборок). Приобрел он их благодаря достойному воспитанию, а доброе сердце лишь добавило им выразительности. Мистер Харрингтон не считал за труд помочь ближнему своему, оказать посильную поддержку. Он был необычайно *serviable*.¹ Возможно, это слово, для которого не существует точного перевода, потому что столь милая черта характера не так уж часто встречается среди тех, кто нас окружает. Когда Эшенден на пару дней приболел, мистер Харрингтон трепетно за ним ухаживал. Эшендена смущала такая заботливость, и пусть его корчило от боли, он не мог удержаться от смеха, вызываемого и суетливой обстоятельностью, с которой мистер Харрингтон измерял ему температуру, и залежами лекарств, которые американец извлекал из аккуратно уложенного саквояжа, а потом пытался скормить ему. Тронуло Эшендена и другое: мистер Харрингтон заказывал в вагоне-ресторане те блюда, которые, по его мнению, мог есть англичанин. Он делал для больного все, что только возможно, за исключением одной малости: не переставал говорить.

Замолкал мистер Харрингтон, лишь когда одевался. В такие моменты его целомудренный ум занимала лишь одна проблема: как переменить одежду на глазах попутчика, не показавшись бестактным. Его отличала какая-то запредельная скромность. Нижнее белье он менял ежедневно. Аккуратно доставал из чемодана чистое и аккуратно укладывал в него грязное. При переодевании проявлял чудеса находчивости, дабы не явить свету ни дюйма голого тела. Через день или два Эшенден прекратил борьбу за чистоту и аккуратность, признал, что их поддержание немыслимо в этом грязном поезде, с одним туалетом на весь вагон, а вот мистер Харрингтон не пожелал пасовать перед трудностями. Положенные гигиенические процедуры он выполнял тщательно и неторопливо, не обращая внимания на нетерпеливых пассажиров, дергающих дверную ручку, и каждое утро возвращался из туалета вымытым, сияющим чистотой и благоухающим запахом мыла. Одевшись, в черном пиджаке, полосатых брюках и начищенных до блеска туфлях, выглядел

¹ *Serviable* – услужливый (фр.).

он так элегантно, словно только что вышел из своего ухоженного, маленького домика из красного кирпича в Филадельфии и собирается сесть в трамвай, чтобы поехать на работу. В какой-то момент в поезде объявили, что находящийся впереди мост пытались взорвать, на первой после реки станции начались беспорядки и, возможно, пассажиров выгонят из вагонов, бросят на произвол судьбы, а то и возьмут в плен. Эшенден, подумав о том, что может лишиться всего багажа, натянул на себя самую теплую одежду, чтобы в меньшей степени пострадать от холода, если уж придется зимовать в Сибири. А вот мистер Харрингтон не внял голосу разума, не стал готовиться к худшему, и Эшенден подумал, что его попутчик, даже проведя три месяца в российской тюрьме, вышел бы оттуда опрятным, даже щеголеватым. Отряд казаков загрузился в поезд. Они стояли в тамбурах каждого вагона, с заряженными винтовками. Состав прогрохотал по поврежденному мосту. Потом они подъехали к станции, где произошли беспорядки, чреватые немалой для них опасностью. Машинист развел пары, и они стремительно пронеслись мимо пустого перрона. Мистер Харрингтон позволил себе ироничную улыбку, наблюдая, как Эшенден вновь переодевается в летний костюм.

Чувствовалось, что мистер Харрингтон – опытный, знающий свое дело бизнесмен. Не вызывало сомнений, что провести его практически невозможно, и Эшенден пришел к выводу, что работодатели мистера Харрингтона поступили мудро, отправив с этим поручением именно его. Он, безусловно, положил бы все силы на то, чтобы соблюсти их интересы и заключить сделку с русскими, какой бы сложной она ни была. Того требовала его верность компании. О владельцах он говорил с благоговением. Любил их и гордился ими, но не завидовал, потому что все они были очень богаты. Статус наемного работника вполне устраивал мистера Харрингтона, и он полагал, что за свой труд получает адекватное вознаграждение. Деньги особенно его и не волновали, при условии, что он мог дать образование детям и оставить вдове достаточно средств для существования. Он придерживался мнения, что быть богатым – вульгарно. Считал, что образованность важнее денег. Но предпочитал не тратить их попусту, и после каждого посещения вагона-ресторана записывал в маленький блокнот, сколько и на что потратил. Его компания могла не сомневаться: он бы не взял с них лишнего цента, только сумму, действительно ушедшую на дорожные расходы. Однако, увидев, что на станциях бедняки подходят к поезду и просят милостыню, потому что война действительно довела их до крайней нужды, он запасался мелочью и, смущаясь, посмеиваясь над собой за то, что поддается на уловки таких вот мошенников, раздавал все, до последней монетки.

– Разумеется, я знаю, что они этого не заслуживают, – объяснял он, – и делаю я это не для них, а для собственного морального спокойствия. Я буду корить себя при мысли о том, что какой-то человек действительно голодал, а я отказался дать ему денег на кусок хлеба.

Мистер Харрингтон был нелепым, но таким милым. Непостижимой казалась сама мысль о том, что кто-то может обойтись с ним грубо. Никому же не придет в голову ударить ребенка. Вот и Эшенден, пусть внутри все кипело, добродушно улыбался, молча страдал и с христианским смирением сносил все невзгоды, обрушенные на него обществом этого мягкого, безжалостного существа. Тому поезду потребовалось одиннадцать суток, чтобы доехать от Владивостока до Петрограда, и Эшенден чувствовал, что больше он бы не выдержал. Если бы путешествие затянулось еще на один день, он бы убил мистера Харрингтона.

Когда же наконец (Эшенден – усталый и грязный, мистер Харрингтон – свеженький и изрекающий расхожие истины) они добрались до окраин Петрограда и стояли у окна, глядя на скопище домов, мистер Харрингтон повернулся к своему попутчику:

– Никогда не думал, что одиннадцать дней могут пройти так быстро. Мы чудесно провели время. Я наслаждался вашей компанией и знаю, что вы остались довольны мной. Не буду скромничать, я знаю, что умею поддерживать разговор. Раз мы вместе прибыли сюда, думаю, нам и дальше надо держаться вместе. Почаще видаться, пока я буду в Петрограде.

– У меня полно дел, – ответил Эшенден. – Боюсь, мое время будет принадлежать не

только мне.

– Понимаю, – кивнул мистер Харрингтон. – Я и сам буду очень занят, но мы можем вместе завтракать и встречаться по вечерам, чтобы обмениваться впечатлениями. Не хотелось бы, чтобы нас разнесло в разные стороны.

– Не хотелось бы, – эхом отозвался Эшенден.

Любовь и русская литература (пер. В. Вебер)

Войдя в номер отеля и оставшись один, казалось, впервые за целую вечность, Эшенден сел и огляделся. Не было у него сил тут же распаковывать вещи. Как же много таких вот номеров отелей он повидал с начала войны, роскошных и обшарпанных, в разных городах и странах! Создавалось ощущение, что всю сознательную жизнь он провел на чемоданах. Он вымотался. Задался вопросом, как возьмется за дело, ради которого сюда и прибыл. Он чувствовал себя страшно одиноким, затерянным среди бескрайних просторов России. Он возражал, когда ему поручали эту миссию, говорил, что она ему не по плечу, но его протесты отменили. Выбрали Эшендена не потому, что, по мнению начальства, он идеально подходил для выполнения этого задания. Просто на тот момент никого лучше не нашлось. В дверь постучали, и Эшенден, довольный тем, что может пустить в ход несколько слов, выученных на незнакомом языке, ответил по-русски. Дверь открылась. Он вскочил.

– Заходите, заходите. Очень рад вас видеть!

В номер вошли трое мужчин. Он знал их в лицо, потому что они плыли на одном с ним судне из Сан-Франциско в Йокогаму, но, следуя полученным инструкциям, избегали контактов с Эшенденом. Всех троих, чехов по национальности, выслали из своей страны за революционную деятельность, и они давно уже жили в Америке, но теперь их направили в Россию, чтобы они помогли Эшендену с выполнением порученного задания и свели его с профессором З., который пользовался непререкаемым авторитетом среди чехов, находящихся в России. Командовал троицей некий Эгон Орт, высокий, худощавый мужчина с маленькой седой головой, священник одной из церквей на Среднем Западе и доктор богословия, который покинул свой приход, чтобы послужить делу освобождения родины. У Эшендена сложилось впечатление, что человек он неглупый и не столь уж щепетилен в вопросах совести. Священник, следующий какой-либо идее, имеет определенное преимущество перед мирянами: он может убедить себя, что небеса одобряют едва ли не любое его деяние. В глазах доктора Орта поблескивали веселые огоньки, и ему не было чуждо чувство сдержанного юмора.

В Йокогаме Эшенден провел с ним две секретные встречи и выяснил, что профессор З. никогда не поступится своими принципами, пусть он стремится освободить свою страну из-под австрийского гнета и знает, что такое возможно лишь после падения Австро-Венгерской империи. Душой и телом он был с Антантой, но не пошел бы против своей совести и считал, что игра должна вестись честно, в открытую, вот почему некоторые действия предстояло предпринять без его ведома. Влияние этого человека было столь велико, что его пожелания не могли игнорироваться, но в данном случае и Эшенден, и Орт понимали: чем меньше будет знать профессор об их делах, тем лучше.

Доктор Орт прибыл в Петроград за неделю до Эшендена и теперь доложил обстановку. Эшенден решил, что ситуация критическая, и, если они хотели чего-то добиться, действовать следовало быстро. Армия выказывала недовольство и бунтовала, положение правительства, возглавляемого безвольным Керенским, представлялось шатким: его не сбрасывали только потому, что ни у кого не хватало смелости взять власть. Страна стояла перед лицом голода, и существовала реальная возможность наступления немцев на Петроград. Послы Великобритании и Соединенных Штатов знали о приезде Эшендена, но его миссия держалась в секрете даже от них, и по некоторым причинам он не мог рассчитывать на их содействие. Он попросил доктора Орта организовать ему встречу с профессором З., чтобы

узнать его видение ситуации и объяснить, что он располагает финансовыми возможностями для того, чтобы поддержать любой план, позволяющий предотвратить катастрофу, которую, по мнению Антанты, неизбежно вызвал бы заключенный Россией сепаратный мир. Но Эшендену также хотелось завязать контакты с влиятельными людьми из разных слоев общества. Мистер Харрингтон с его деловыми предложениями и рекомендательными письмами намеревался встретиться с членами кабинета министров, и ему требовался переводчик. Доктор Орт говорил на русском чуть хуже, чем на родном языке, и Эшендена осенило: чех как нельзя лучше подходит на эту роль. Он ввел своего гостя в курс дела, и они уговорились, что во время ленча с мистером Харрингтоном доктор Орт подойдет к их столику, поприветствует Эшендена, словно в Петрограде видит его впервые, после чего англичанин представит доктора мистеру Харрингтону и, умело направляя разговор, даст понять американцу, что лучшего переводчика не найти и доктор Орт ниспослан ему с небес.

Но Эшенден полагал, что ему может помочь и еще один человек, поэтому спросил:

– Вам что-нибудь известно о женщине, которую зовут Анастасия Александровна Леонидова? Она – дочь Александра Денисьева.

– О нем я, разумеется, знаю все.

– У меня есть основания полагать, что она сейчас в Петрограде. Вы сможете выяснить, где она живет и чем занимается?

– Несомненно.

Доктор Орт что-то сказал на чешском одному из сопровождавших его мужчин. Чувствовалось, что оба (один – высокий блондин, второй – брюнет невысокого росточка) – парни сообразительные. Они были моложе доктора Орта, и Эшенден понимал, что задача у них одна – выполнять его поручения. Мужчина кивнул, поднялся, пожал руку Эшендену и отбыл.

– Все необходимые сведения вы получите во второй половине дня, – пообещал доктор Орт.

– Что ж, тогда остается только ждать, – кивнул Эшенден. – По правде говоря, я одиннадцать дней не мылся, так что очень хочется принять ванну.

Писатель так и не мог решить, где ему лучше думать, в вагоне поезда или в ванне. Если дело касалось новых идей, он, пожалуй, отдавал предпочтение поезду, движущемуся равномерно и не так чтобы быстро. К примеру, многие из них посещали его во время поездок по равнинам Франции. Но в части наслаждения воспоминаниями или наращивания плоти на уже готовом сюжетном скелете ничто не могло сравниться с ванной, наполненной горячей водой. Вот и теперь, погрузившись в мыльную воду, как буйвол – в грязный пруд, Эшенден вспоминал мрачноватую веселость своих отношений с Анастасией Александровной Леонидовой.

В этих рассказах можно найти лишь смутные намеки на способность Эшендена проявить страсть, иронически называемую нежной. Специалисты науки о любви, это милые существа, профессионально занимающиеся тем самым, что философы полагают уходом от действительности, утверждали, что писатели, художники и музыканты, то есть все те, кто связан с искусством, по части любви выдающихся успехов не добиваются. Шуму много, но толку мало. Что-то вещают или томно вздыхают, пишут красивые фразы и создают романтический антураж, но в конце концов выясняется, что любят они больше себя или искусство (для многих это одно и то же), а никак не объект их страсти, предлагая лишь тень, тогда как этому объекту, руководствующемуся здоровой сексуальностью, хотелось бы получить что-то более материальное. Возможно, так оно и есть, и в этом кроется причина (ранее никем не упомянутая) той злобной ненависти, которую женщины в глубине души питают к искусству. Но в любом случае в последние двадцать лет очаровательные женщины раз за разом заставляли трепетать сердце Эшендена. Он пережил немало приятных минут, за которые потом приходилось расплачиваться душевными страданиями, но даже испытывая самые жестокие муки неразделенной любви, он мог сказать себе, причем без всякой иронии, что все эти тревобления лили воду на мельницу его творчества.

Анастасия Александровна Леонидова была дочерью революционера, осужденного на пожизненную каторгу. Он бежал из Сибири, куда его сослали, и обосновался в Лондоне. Человек талантливый, он тридцать лет зарабатывал на жизнь не зная пером и даже занял видное положение в английской словесности. По достижении совершеннолетия Анастасия Александровна вышла замуж за Владимира Семеновича Максимова, также русского политического эмигранта. Эшенден познакомился с ней через несколько лет после их бракосочетания. Именно в этот период Европа открыла для себя Россию. Все читали русских прозаиков, русские танцоры покорили цивилизованный мир, русские композиторы затронули душевные струны людей, начинающих уставать от Вагнера. Русское искусство обрушилось на Европу, как эпидемия гриппа. В моду входили новые фразы, новые цвета, новые эмоции, и высоколобые без малейшей запинки называли себя представителями *intelligentsia*. На английском слово это произносилось легко, хотя с правописанием возникали проблемы.

Эшенден не отставал от других. Сменил обивку мягкой мебели в гостиной, повесил на стену икону, читал Чехова и ходил на балет.

Анастасия Александровна по рождению, образу жизни, образованию была типичной интеллигенткой. Жила с мужем в крохотном домике рядом с Риджентс-Парк, и здесь литературный люд Лондона мог с робким благоговением взирая на бледнолицых, бородатых гигантов, привалившихся к стене, подобно атлантам в выходной день. Все до единого – революционеры, которые только чудом оказались здесь, а не «во глубине сибирских руд». Дамы от литературы дрожащей рукой подносили к губам стаканы с водкой. Если вам везло и судьба благосклонно вам улыбалась, вы могли пожать руку Дягилеву. Подобно лепестку цветка персикового дерева, гонимому легким ветерком, здесь появлялась, чтобы тут же исчезнуть, сама Павлова. В те годы Эшенден еще не достиг таких больших успехов, чтобы пренебрежительно взирая на снобов, к каковым, безусловно, в молодости относился и сам, и хотя некоторые уже косо поглядывали на него, другие (оптимисты, сохранившие веру в человека) по-прежнему возлагали на него определенные надежды. Анастасия Александровна сказала ему в глаза, что он – истинный интеллигент. Эшенден почти в это поверил. Он пребывал в том состоянии, когда мог поверить во все. Его переполняли восторг и возбуждение. Ему казалось, что он вот-вот ухватит за хвост жар-птицу романтической любви, за которой так долго гонялся. Анастасия Александровна покорила его прекрасными глазами, чуть пышноватыми формами, высокими скулами, вздернутым носиком (возможно, доставшимся от татар), большим ртом с крупными, квадратными зубами и белоснежной кожей. В одежде она предпочитала яркие тона. В ее темных, меланхолических глазах Эшендену виделись бескрайние российские степи, Кремль с бьющими колоколами, пасхальные службы в Исаакиевском соборе, густые серебристые березовые леса и Невский проспект. Просто удивительно, сколь много видел он в этих глазах, круглых, блестящих, чуть выпученных, как у пекинеса. Они напоминали об Алеше из «Братьев Карамазовых» и о Наташе из «Войны и мира», об Анне Карениной и «Отцах и детях».

Эшенден вскорости пришел к выводу, что муж Анастасии Александровны ее недостоин, а потом узнал, что она разделяет его мнение. И действительно, роста Владимиру Семеновичу определенно не хватало, а его большую, продолговатую голову словно специально вытянули вверх, будто лакричную конфету. Венчала ее, как и у всех русских, копна непокорных волос. С трудом верилось, что царское правительство действительно боялось революционной деятельности этого мягкого и скромного человека. Он преподавал русский язык и писал статьи в московские газеты. Присущие ему дружелюбие и покладистость оказались незаменимыми в семейной жизни, потому что Анастасия Александровна частенько показывала характер: если у нее болели зубы, на долю Владимира Семеновича выпадали мучения грешников в аду, а когда сердце переполняла горечь из-за несчастий, постигших родину, ему оставалось только пожалеть, что он появился на свет божий. Эшенден не мог не признать, что жизнь у Владимира Семеновича – не сахар, а его полнейшая безобидность привела к тому, что ему даже начал нравиться этот странный

русский. И когда он открылся Анастасии Александровне в своей страсти и с радостью узнал, что чувство это взаимное, вопрос, а как быть с Владимиром Семеновичем, поставил его в тупик. Ни он, ни Анастасия Александровна не желали более ни минуты жить друг без друга, и Эшенден опасался, что с ее революционными воззрениями она никогда не согласится выйти за него, но, к удивлению и немалому облегчению Эшендена, она тут же приняла его предложение.

– Как, по-вашему, Владимир Семенович согласится на развод? – спросил он, сидя на диване, привалившись спиной к подушкам, обивка которых цветом ассоциировалась с протухшим сырым мясом, и держа за руку Анастасию Александровну.

– Володя обожает меня, – ответила она. – У него разобьется сердце.

– Он – милый человек, и я не хотел бы, чтобы он жестоко страдал. Надеюсь, он сможет это пережить.

– Этого он никогда не переживет. Такова уж русская душа. Мне совершенно ясно, как только я от него уйду, он подумает, что потерял все, ради чего стоило жить. Никогда не знала мужчины, столь влюбленного в женщину, как он влюблен в меня. Но, разумеется, он не встанет между мной и моим счастьем. Для этого он слишком великодушен. Володя понимает, если дело касается развития моей личности, у меня нет права на нерешительность. Он, безусловно, вернет мне свободу.

В то время английский закон о разводе был еще более сложным и абсурдным, чем ныне, так что Эшенден, на случай, что Анастасия Александровна не знакома с его положениями, объяснил ей сложности, с которыми им предстояло столкнуться. Она мягко накрыла его руку своей.

– Володя ни в коем случае не подвергнет меня вульгарному позорищу публичного бракоразводного процесса. Как только я скажу ему, что решила стать вашей женой, он покончит с собой.

– Какой кошмар! – воскликнул Эшенден.

Он ужасался, но при этом его охватил восторг. Все это очень уж походило на русский роман, и он буквально видел эти трогательные и жуткие страницы, страницы и страницы, на которых Достоевский описывал бы сложившуюся ситуацию. Перед его мысленным взором представляли невыносимые терзания, которыми мучились герои, разбитые бутылки из-под шампанского, поездки к цыганам, водка, обмороки, гипнотические состояния и бесконечно, бесконечно долгие речи всех действующих лиц. Ах, какими страшными были страницы, но при этом захватывающими и раздирающими душу.

– Нас это ужасно печалит, – продолжала Анастасия Александровна, – но я не в силах представить себе, что еще он может сделать. Я не могу просить его жить без меня. Он превратится в судно без руля или автомобиль без карбюратора. Я так хорошо знаю Володю. Он покончит с собой.

– Каким образом? – спросил Эшенден, которого, как и всех реалистов, более всего интересовали подробности.

– Выстрелом вышибет себе мозги.

Эшендену вспомнилась драма «Росмерхольм». В свое время он обожал Ибсена и даже подумывал над тем, чтобы выучить норвежский, прочитать творения мастера в оригинале и раскрыть тайну притягательности его мыслей. Однажды он даже видел самого Ибсена: живой классик потягивал мюнхенское пиво.

– Но разве мы не лишимся счастья, зная, что на нашей совести смерть человека? – спросил он. – Боюсь, он так и будет стоять между нами. На веки вечные.

– Я знаю, мы будем страдать, мы будем безмерно страдать, – ответствовала Анастасия Александровна, – но как мы можем что-либо изменить? Такова жизнь. Мы должны подумать и о Володе. Речь идет и о его счастье. Он предпочтет уйти из жизни.

Она отвернулась, и Эшенден увидел, как крупные слезы покатались по ее щекам. От волнения перехватило дыхание. У него было доброе сердце, и его ужасала даже сама мысль о бедном Владимире, лежащем на полу с пулей в голове.

Эти русские, ну и забавы у них!

Совладав с эмоциями, Анастасия Александровна повернулась к нему. Посмотрела влажными, круглыми, чуть выпученными глазами.

– Мы должны убедиться, что поступаем правильно, – заявила она. – Я никогда не прощу себе, если позволю Володе совершить самоубийство, а потом выяснится, что я допустила ошибку. Думаю, мы должны проверить нашу любовь.

– Но разве вы не уверены? – От напряжения Эшенден даже осип. – Я – уверен.

– Давайте на неделю съездим в Париж и посмотрим, что из этого выйдет. Тогда мы будем все знать наверняка.

Эшенден придерживался традиционных взглядов на институт семьи, и предложение это застало его врасплох. Но лишь на мгновение. Анастасию он обожал. Тем не менее она все тонко чувствовала, и от нее не укрылась его мимолетная нерешительность.

– Надеюсь, вам чужды мещанские предрассудки? – спросила она.

– Разумеется, – торопливо заверил ее Эшенден, который скорее согласился, чтобы его назвали подлецом, чем мещанином. – Я думаю, это блестящая идея.

– Почему женщина должна ставить на кон всю свою жизнь? Невозможно узнать, каков из себя мужчина, пока не поживешь с ним. По-моему, это справедливо, дать ей шанс передумать, прежде чем будет поздно.

– Совершенно верно, – поддакнул Эшенден.

Анастасия Александровна относилась к тем женщинам, у которых слова не расходятся с делом, и занялась необходимыми приготовлениями, чтобы в следующую субботу они могли уехать в Париж.

– Я не скажу Володе, что еду с тобой, – предупредила она. – Его это только расстроит.

– Что было бы весьма прискорбно, – кивнул Эшенден.

– А если в конце недели приду к выводу, что допустила ошибку, ему нет никакой нужды узнать об этом.

– И это правильно.

Они встретились на вокзале Виктория.

– Каким классом мы едем? – спросила Анастасия Александровна.

– Первым.

– Как приятно это слышать. Отец и Владимир, руководствуясь своими принципами, путешествуют только третьим, но меня в поезде всегда укачивает. Так и хочется положить голову на чье-то плечо. В купе первого класса это как-то удобнее.

Едва поезд тронулся, Анастасия Александровна сказала, что у нее кружится голова, сняла шляпу и положила голову на плечо Эшендена. Он обнял ее за талию.

– Не шевелись, хорошо? – попросила она.

Когда они поднялись на борт парома, она заглянула в дамскую комнату, в Кале смогла плотно перекусить, однако в поезде вновь сняла шляпу и положила голову на плечо Эшендена. Он подумал, что неплохо бы почитать, и взял книгу.

– Ты мог бы не читать? – спросила она. – Если тебе не трудно, прижми меня к себе. Когда ты переворачиваешь страницы, у меня все плывет перед глазами.

Наконец они добрались до Парижа и пошли в маленький отель на левом берегу, который порекомендовала Анастасия Александровна. Она сказала, что у этого отеля особенная аура. Она терпеть не могла все эти помпезные гранд-отели на другом берегу Сены, полагала их невыносимо вульгарными и мещанскими.

– Я пойду, куда ты пожелаешь, – заявил Эшенден, – при условии, что там будет ванная комната.

Анастасия Александровна улыбнулась и ущипнула его за щеку.

– Какой же ты восхитительно англичанистый! Неужели ты не смог бы неделю обходиться без ванны? Дорогой, дорогой, тебе предстоит многому научиться.

Они до глубокой ночи говорили о Максиме Горьком и Карле Марксе, о судьбах человечества, любви и братстве людей, выпили несчетное множество чашек с русским чаем,

поэтому утром Эшенден с удовольствием позавтракал бы в постели и поднялся только к ленчу, но Анастасия Александровна вставала рано: жизнь коротка, успеть нужно многое, так что грешно завтракать хоть на минуту позже половины девятого. И к этому часу они сидели в полутемной маленькой столовой, окна которой не открывались, как минимум, с месяц. Так что аура отеля обладала еще и неповторимым запахом. Эшенден спросил Анастасию Александровну, что она будет на завтрак.

– Омлет, – ответила она.

Ела с удовольствием. Эшенден уже заметил, что аппетит у нее отменный. Предположил, что это национальная черта. Трудно, знаете ли, предположить, что послеполуденная трапеза Анны Карениной могла состоять из чашки кофе и сдобы с изюмом?

После завтрака они пошли в Лувр, во второй половине дня погуляли по Люксембургскому саду. Пообедали рано, чтобы не опоздать на спектакль в «Комеди Франсез». Вечером отправились в русское кабаре, где потанцевали. Когда утром, в половине девятого они вновь сидели за столиком, Эшенден спросил Анастасию Александровну, что она будет на завтрак.

– Омлет, – услышал в ответ.

– Но мы же ели омлет вчера, – запротестовал он.

– Давай съедим и сегодня, – улыбнулась она.

– Хорошо.

День они провели, как и предыдущий, только вместо Лувра побывали в Карнавале,¹ а вместо Люксембургского сада – в музее Гиме.² Но наутро, когда на вопрос Эшендена Анастасия Александровна опять попросила заказать на завтрак омлет, его сердце упало.

– Но мы ели омлет вчера и позавчера, – напомнил он.

– Тебе не кажется, что это веская причина съесть его и сегодня?

– Нет, не кажется.

– Уж не подвело ли тебя этим утром чувство юмора? – спросила она. – Я ем омлет каждый день. Лучшего блюда из яиц просто нет.

– Очень хорошо. В таком случае мы, разумеется, съедим омлет.

На следующее утро Эшенден уже смотреть на него не мог.

– Тебе омлет, как и всегда? – спросил он.

– Разумеется. – Она нежно ему улыбнулась, продемонстрировав два ряда больших, квадратных зубов.

– Хорошо, я закажу тебе омлет, а себе – яичницу-глазунью.

Улыбка исчезла с ее лица.

– Яичницу-глазунью? – Она помолчала. – Не думаешь ли ты, что это необдуманное решение? Так ли необходимо нагружать повара лишней работой? Вы, англичане, все одинаковые, для вас слуги – машины. Вам не приходило в голову, что у них такие же сердца, что и у вас? Те же чувства, те же эмоции? Так чего удивляться, что пролетариат кипит от негодования, видя чудовищный эгоизм буржуа... таких, как ты!

– Ты действительно думаешь, что в Англии произойдет революция, если в Париже я закажу на завтрак яичницу-глазунью, а не омлет?

Анастасия Александровна возмущенно вскинула голову.

– Ты не понимаешь. Это дело принципа. Ты думаешь, это шутка. Разумеется, я знаю, ты просто забавляешься, и я могу посмеяться над шуткой, как и любой другой, Чехов вот известен в России, как юморист, но неужели ты не понимаешь, о чем речь? Неверен сам подход. Ты какой-то бесчувственный. Ты бы не говорил так, если бы стал свидетелем событий тысяча девятьсот пятого года в Петербурге. Когда я думаю о толпах перед Зимним дворцом, о стоящих на коленях в снегу женщин и детях, об атакующих их казаках... ох, нет, нет, нет!

Ее глаза наполнились слезами, лицо перекошило от боли. Она взяла Эшендена за руку.

¹ Карнавале – Музей истории Парижа.

² Музей Гиме – Музей восточных искусств.

– Я знаю, у тебя доброе сердце. Ты проявил легкомыслие, и больше мы говорить об этом не будем. У тебя богатое воображение. Ты все тонко чувствуешь, я знаю. Ты ведь закажешь себе омлет, как и я, правда?

– Естественно, – отозвался Эшенден.

В оставшиеся дни он каждое утро ел омлет. Официант даже заметил:

«Monsieur aime les oeufs brouillés».¹

В конце недели они вернулись в Лондон. Он обнимал Анастасию Александровну, а ее голова покоилась на его плече от Парижа до Кале и от Дувра до Лондона. Ему вдруг вспомнилось, что поездка на поезде от Нью-Йорка до Сан-Франциско занимает пять суток. Когда они прибыли на вокзал Виктория и стояли в ожидании кеба, Анастасия Александровна посмотрела на Эшендена круглыми, блестящими, чуть выпученными глазами.

– Мы чудесно провели время, не правда ли? – спросила она.

– Восхитительно.

– Я уже приняла решение. Эксперимент удался. Я готова выйти за тебя в любой день, только скажи.

Эшенден тут же представил себе, как до конца своих дней ест по утрам омлет. Посадив Анастасию Александровну в кеб, сам он сел в другой и попросил отвезти его в «Кьюнард»,² где купил билет на первый же корабль, отплывающий в Америку. И ни один иммигрант, стремящийся к свободе и новой жизни, не взирал на статую Свободы с большей радостью, чем Эшенден, когда одним ясным, солнечным утром его пароход входил в нью-йоркскую гавань.

Белье мистера Харрингтона (пер. И. Гурова)

С тех пор миновали годы, и Эшенден больше не виделся с Анастасией Александровной. Он знал, что с началом революции в марте они с Владимиром Семеновичем уехали в Россию. Они могли оказаться полезными ему, а Владимир Семенович как-никак был обязан ему жизнью, и он решил написать Анастасии Александровне письмо с вопросом, может ли он навестить ее.

Когда Эшенден сошел в ресторан ко второму завтраку, он чувствовал себя несколько отдохнувшим. Мистер Харрингтон уже ждал его. Они сели за столик и начали есть то, что ставили перед ними.

– Попросите официанта подать нам хлеба, – сказал мистер Харрингтон.

– Хлеба? – повторил Эшенден. – Хлеба нет.

– Но я не могу есть без хлеба, – сказал мистер Харрингтон.

– Боюсь, вам придется обходиться без него. Здесь нет ни хлеба, ни масла, ни сахара, ни яиц, ни картофеля. Только мясо, рыба и зеленые овощи.

У мистера Харрингтона отвисла челюсть.

– Но это же как на войне! – сказал он.

– Во всяком случае, очень похоже.

На момент мистер Харрингтон онемел. Затем он сказал:

– Я сделаю вот что: выполню данное мне поручение как можно быстрее, а потом уберусь из этой страны. Миссис Харрингтон не захотела бы, чтобы я сидел без сахара и масла. У меня очень чувствительный желудок. Фирма ни за что не послала бы меня сюда, если бы не предполагала, что я буду пользоваться всем самым лучшим.

Вскоре к ним подошел доктор Эргон Орт и протянул Эшендену конверт с адресом Анастасии Александровны. Эшенден познакомил его с мистером Харрингтоном. Вскоре стало ясно, что доктор Эргон Орт мистеру Харрингтону понравился, и Эшенден без

¹ Мсье так любит омлет! (фр.).

² «Кьюнард» – крупная судоходная компания, осуществляющая перевозку пассажиров между Великобританией и Северной Америкой.

дальнейших проволочек указал, что лучше переводчика ему не найти.

– По-русски он говорит, как русские. Но он американский гражданин и не подведет вас. Я знаю его не первый год, и, уверяю вас, вы можете на него спокойно положиться.

Мистеру Харрингтону этот совет пришелся по вкусу, и, кончив завтракать, Эшенден ушел, оставив их договариваться о частностях. Он написал Анастасии Александровне и быстро получил ответ, что сейчас она уходит на митинг, но заглянет к нему в отель около семи. Он ожидал ее с некоторым страхом. Разумеется, он знал теперь, что любил не ее, а Толстого и Достоевского, Римского-Корсакова, Стравинского и Бакста, но опасался, что ей это могло в голову и не прийти. Когда она явилась где-то между восемью и половиной девятого, он пригласил ее пообедать с ним и с мистером Харрингтоном. Присутствие постороннего человека, решил он, смягчит неловкость, но он мог бы не тревожиться: через пять минут после того, как они сели за суп, ему стало ясно, что чувства Анастасии Александровны к нему столь же прохладны, как его к ней. Он испытал некоторое потрясение. Мужчине, как бы скромен он ни был, трудно представить себе, что женщина, прежде его любившая, может больше не питать к нему любви, и хотя он, разумеется, не думал, будто Анастасия Александровна пять лет чахла от безнадежной страсти, он все-таки ожидал, что легким румянцем, движением ресниц, дрожанием губ она выдаст тот факт, что он еще владеет уголком ее сердца. Ничего похожего. Она говорила с ним, как со знакомым, которого рада увидеть после недельного отсутствия, но чья близость с ней чисто светская. Он осведомился о Владимире Семеновиче.

– Он меня разочаровал, – сказала она. – Умным я его никогда не считала, но верила, что он честный человек. А он ждет ребенка.

Рука мистера Харрингтона, подносившего к губам кусок рыбы, замерла в воздухе вместе с вилкой, и он в изумлении уставился на Анастасию Александровну. В оправдание ему следует сказать, что он за всю свою жизнь не прочел ни единого русского романа. Эшенден, тоже несколько сбитый с толку, посмотрел на нее вопросительно.

– Нет, мать не я, – сказала она со смехом. – Такого рода вещи меня не интересуют. Мать – одна моя подруга, известная своими работами по политэкономии. Я не считаю ее взгляды здоровыми, но отнюдь не отрицаю, что они заслуживают рассмотрения. Она не глупа. Очень не глупа. – Повернувшись к мистеру Харрингтону, она спросила: – Вы интересуетесь политэкономией?

Впервые в жизни мистер Харрингтон не нашел что сказать. Анастасия Александровна изложила свои взгляды на предмет, и они начали обсуждать положение в России. Она, казалось, была близка с лидерами разных политических партий, и Эшенден решил прозондировать, не станет ли она сотрудничать с ним. Телячья влюбленность не помешала ему увидеть, что она была чрезвычайно умной женщиной. После обеда он сказал Харрингтону, что должен поговорить с Анастасией Александровной о делах, и увел ее в уединенный угол вестибюля. Он сказал ей столько, сколько счел нужным, и убедился, что она очень заинтересовалась и полна желания помочь. У нее была страсть к интригам, и она жаждала власти. Когда он намекнул, что у него в распоряжении есть большие суммы, она тотчас сообразила, что через его посредство сможет влиять на ситуацию в России. Это приятно пощекотало ее тщеславие. Она была пламенной патриоткой, но, подобно многим и многим патриотам, чувствовала, что ее собственное возвеличивание служит пользе ее родины. Когда они расстались, между ними уже было заключено рабочее соглашение.

– Весьма замечательная женщина, – сказал мистер Харрингтон на следующее утро за завтраком.

– Не вздумайте влюбиться в нее, – улыбнулся Эшенден.

Однако на эту тему мистер Харрингтон шутить не умел.

– С тех пор, как я сочетался браком с миссис Харрингтон, – сказал он, – я ни разу не поглядел на другую женщину. Этот ее муж, видимо, скверный человек.

– А я бы сейчас не отказался от яиц всмятку, – вдруг без всякой связи сказал Эшенден. Их завтрак состоял из чашки чая без молока и ложечки повидла вместо сахара.

Располагая помощью Анастасии Александровны и с доктором Ортом на заднем плане, Эшенден приступил к делу.

Положение в России ухудшалось с каждым днем. Керенского, главу Временного правительства, снедало тщеславие, и он убирал всех министров, чуть только замечал в них способности, грозящие подорвать его собственный престиж. Он произносил речи. Он произносил нескончаемые речи. Возникла угроза, что немцы внезапно нападут на Петроград. Керенский произносил речи. Нехватка продовольствия становилась все серьезнее, приближалась зима, а топлива не было. Керенский произносил речи. За кулисами активно действовали большевики, Ленин скрывался в Петрограде, и ходили слухи, что Керенский знает, где он, но не решается дать распоряжение об аресте. Он произносил речи.

Эшендена забавляло безразличие, с каким мистер Харрингтон бродил среди этой сумятицы. Вокруг творилась история, а мистер Харрингтон занимался своим делом. Что было крайне трудно. Его вынуждали давать взятки секретарям и всякой мелкой сошке под предлогом, что так ему будет обеспечен доступ к власти имущим. Его часами заставляли ждать в приемных, а потом бесцеремонно отсылали до следующего дня. Когда же он все-таки добирался до власти имущих, выяснялось, что предложить они ему могут только пустые слова. Он заручался их обещаниями, а через день-два выяснялось, что обещания эти ничего не стоят. Эшенден советовал ему махнуть рукой и уехать назад в Америку, но мистер Харрингтон ничего не желал слушать: фирма возложила на него поручение, и он его выполнит или погибнет в процессе выполнения. Только так! Затем за него взялась Анастасия Александровна. Между ними возникла своеобразная дружба. Мистер Харрингтон считал ее весьма замечательной и глубоко оскорбленной женщиной. Он рассказал ей все о своей жене и двух сыновьях, он рассказал ей все о конституции Соединенных Штатов; она со своей стороны рассказала ему все о Владимире Семеновиче и рассказывала ему про Толстого, Тургенева и Достоевского. Они чудесно проводили время друг с другом. Он сказал, что называть ее Анастасией Александровной не станет: так сразу и не выговоришь! – и окрестил ее Далилой. Теперь она отдала в его распоряжение всю свою неистощимую энергию, и они вместе посещали тех, кто мог быть ему полезен. Но дело приближалось к кульминации. Вспыхивали беспорядки, ходить по улицам становилось небезопасно. Иногда по Невскому проспекту на бешеном ходу проносились броневики с недовольными резервистами, которые, протестуя против своих бед, палили наугад по прохожим. Один раз, когда мистер Харрингтон и Анастасия Александровна ехали в трамвае, окна разлетелись от пуль, и им пришлось лечь на пол. Мистер Харрингтон был возмущен до глубины души.

– На мне растянулась толстая старуха, а когда я начал выбираться из-под нее, Далила хлопнула меня по щеке и сказала: «Не егози, дурак!» Мне ваши русские замашки не нравятся, Далила!

– Но егозить вы перестали! – засмеялась она.

– Вашей стране требуется чуть поменьше искусства и чуть побольше цивилизованности.

– Вы буржуй, мистер Харрингтон, вы не член интеллигенции.

– Вы первая, от кого я это слышу! Если уж я не член интеллигенции, то кто же тогда? – с достоинством возразил мистер Харрингтон.

Затем в один прекрасный день, когда Эшенден сидел у себя в номере и работал, раздался стук в дверь, и вошла Анастасия Александровна, за которой в некотором смущении плелся мистер Харрингтон. Она была явно взволнованна.

– Что случилось? – спросил Эшенден.

– Если этот человек не уедет в Америку, его убьют. Да втолкните же ему это! Не будь с ним меня, все могло кончиться очень скверно.

– Ничего подобного, Далила! – раздраженно сказал мистер Харрингтон. – Я прекрасно могу сам о себе позаботиться. И ни малейшей опасности мне не грозило.

– Но что все-таки произошло? – спросил Эшенден.

– Я повезла мистера Харрингтона в Александро-Невскую лавру на могилу

Достоевского, – сказала Анастасия Александровна, – и на обратном пути мы увидели, как солдат вел себя довольно грубо со старухой.

– Довольно грубо! – воскликнул мистер Харрингтон. – Старушка шла по тротуару и несла в руке корзинку с провизией. Сзади к ней подскочили два солдата, один вырвал у нее корзинку и пошел дальше. Она начала кричать и плакать. Я не понимал, что она говорит, но мог догадаться, а второй солдат схватил свою винтовку и ударил ее по голове прикладом. Ведь так, Далила?

– Да, – ответила она, не сдержав улыбки. – И не успела я помешать, как мистер Харрингтон выскочил из пролетки, подбежал к солдату с корзинкой, вырвал ее и принялся ругать обоих, называя их ворами. Сначала они совсем растерялись, но потом пришли в ярость. Я бросилась туда и объяснила им, что он иностранец и пьян.

– Пьян? – вскричал мистер Харрингтон.

– Да, пьян. Конечно, собралась толпа. И ничего хорошего это не сулило.

Мистер Харрингтон улыбнулся своими большими белесо-голубыми глазами.

– А мне показалось, что вы высказали им свое мнение, Далила. Смотреть на вас было лучше всякого театра.

– Не говорите глупостей, мистер Харрингтон! – воскликнула Анастасия Александровна, вдруг вспыхнув, и топнула ногой. – Неужто вы не понимаете, что эти солдаты вполне могли убить вас, а заодно и меня, и никто из зевак пальцем не пошевелил бы, чтобы нам помочь?

– Меня? Я американский гражданин, Далила. Они и волоска на моей голове не посмели бы тронуть.

– А где бы они его взяли? – сказала Анастасия Александровна, которая в гневе забывала про благовоспитанность. – Но если вы полагаете, будто русские солдаты вас не убьют, потому что вы американский гражданин, то вас ждет большой сюрприз, и в самые ближайшие дни.

– Но как же старуха? – спросил Эшенден.

– Через какое-то время солдаты ушли, и мы вернулись к ней.

– И с корзиной?

– Да. Мистер Харрингтон вцепился в нее мертвой хваткой. Старуха лежала на тротуаре, из головы у нее хлестала кровь. Мы усадили ее в пролетку и, когда она сумела сказать, где живет, отвезли ее домой. Кровь текла совершенно жутко, и мы остановили ее с большим трудом.

Анастасия Александровна как-то странно поглядела на мистера Харрингтона, и Эшенден с удивлением увидел, что тот краснеет.

– В чем дело?

– Видите ли, нам нечем было перебинтовать ей голову. Носовой платок мистера Харрингтона вымок насквозь. А с себя я снять быстро могла только...

Но мистер Харрингтон не дал ей закончить.

– Вам незачем объяснять мистеру Эшендену, что именно вы сняли. Я женатый человек и знаю, что дамы их носят, но не вижу нужды называть их вслух.

Анастасия Александровна хихикнула.

– В таком случае поцелуйте меня, мистер Харрингтон. Или я назову!

Мистер Харрингтон заколебался, видимо, взвешивая все «за» и «против», но он понял, что Анастасия Александровна твердо намерена привести свою угрозу в исполнение.

– Ну, хорошо, в таком случае целуйте меня, Далила, хотя, должен сказать, не понимаю, какое удовольствие это может вам доставить.

Она обняла его за шею, расцеловала в обе щеки и вдруг без малейшего предостережения разразилась слезами.

– Вы храбрый человек, мистер Харрингтон. Вы нелепы, но великолепны, – рыдала она.

Мистер Харрингтон удивился меньше, чем ждал Эшенден. Он поглядел на Анастасию с узкогубой, чуть насмешливой улыбкой и потрепал ее по плечу.

– Ну-ну, Далила, возьмите себя в руки. Это вас очень напугало, ведь так? Вы совсем расклеились. У меня будет прострел в плече, если вы и дальше будете орошать его слезами.

Сцена была забавной и трогательной. Эшенден засмеялся, чувствуя, как в горле у него поднимается комок.

Когда Анастасия Александровна ушла и они остались одни, мистер Харрингтон погрузился в глубокую задумчивость.

– Странные они какие-то, эти русские. Вы знаете, что сделала Далила? – сказал он внезапно. – Встала в экипаже посреди улицы и на глазах у всех прохожих сняла с себя панталоны. Разорвала их пополам и одну половину отдала мне, а вторую использовала как бинт. В жизни я не чувствовал себя так нелепо.

– Скажите, почему вы решили называть ее Далилой? – спросил Эшенден с улыбкой.

Мистер Харрингтон чуть-чуть покраснел.

– Она чарующая женщина, мистер Эшенден. Муж поступил с ней глубоко непорядочно, и, естественно, я проникся к ней сочувствием. Эти русские очень эмоциональны, и я не хотел, чтобы мою симпатию она сочла чем-то иным. Я объяснил ей, что глубоко привязан к миссис Харрингтон.

– Не спутали ли вы Далилу с женой Пентефрия? – спросил Эшенден.

– Не понимаю, что вы подразумеваете, мистер Эшенден, – ответил мистер Харрингтон. – Миссис Харрингтон всегда давала мне понять, что для женщин я почти неотразим, а потому я подумал, что, называя нашу милую приятельницу Далилой, я точно покажу свою позицию.

– Мне кажется, мистер Харрингтон, Россия страна не для вас, – сказал Эшенден, улыбнувшись. – На вашем месте я бы выбрался отсюда как можно скорее.

– Я не могу уехать сейчас. Наконец-то мне удалось вырвать у них согласие на наши условия, и на той неделе мы подписываем контракт. Тогда я упакую свой чемодан и уеду.

– Но будут ли эти подписи хоть чего-нибудь стоить? – сказал Эшенден.

Сам он наконец разработал план кампании. Сутки тяжелой работы ушли на то, чтобы составить зашифрованную телеграмму, в которой он изложил свои намерения тем, кто послал его в Петроград. Они были одобрены, все необходимые деньги ему обещали. Эшенден понимал, что осуществить что-то он сможет, только если Временное правительство продержится еще три месяца, – но на носу была зима, а продовольствия с каждым днем становилось все меньше. Армия бунтовала. Народ требовал мира. Каждый вечер Эшенден выпивал в «Европе» чашку шоколада с профессором З. и обсуждал с ним, как лучше всего использовать преданных ему чехов. Анастасия Александровна нашла Эшендену укромную квартиру, где он встречался с самыми разными людьми. Составлялись планы. Принимались меры. Эшенден доказывал, убеждал, обещал. Ему приходилось преодолевать колебания одного и бороться с фатализмом другого. Ему приходилось решать, кто полон решимости, а кто самодоволен, кто честен, а кто слабоволен. Ему приходилось проглатывать раздражение на русское многословие. Ему приходилось сохранять терпение с людьми, которые готовы были говорить о чем угодно, лишь бы не о деле. Ему приходилось сочувственно выслушивать бешеные тирады и бахвальство. Ему приходилось остерегаться предательства. Ему приходилось льстить самолюбию дураков и обороняться от алчности честолюбцев. А время не ждало. Слухи о деятельности большевиков становились все грознее, все многочисленнее. Керенский панически метался, как перепуганная курица.

Затем грянул гром. В ночь на 7 ноября 1917 года большевики подняли восстание, министров Керенского арестовали, и Зимний дворец разгромила толпа. Бразды правления были подхвачены Лениным и Троцким.

Анастасия Александровна пришла в номер к Эшендену рано утром. Эшенден зашифровывал телеграмму. Ночь он провел на ногах – сначала в Смольном, потом в Зимнем дворце. И падал от усталости. Лицо у нее было бледным, блестящие карие глаза – полны трагизма.

– Вы слышали? – спросила она у Эшендена.

Он кивнул.

– Для них все кончено. Говорят, Керенский бежал. Они даже не пытались сопротивляться. – Ее охватила ярость. – Шут! – взвизгнула она.

В дверь постучали, и Анастасия Александровна оглянулась на нее с испугом.

– Вы знаете, большевики составили список тех, кого намерены расстрелять. Моя фамилия включена в него. А может быть, и ваша.

– Если это они и если они хотят войти, им достаточно повернуть ручку, – сказал Эшенден с улыбкой, но у него неприятно засосало под ложечкой. – Войдите!

Дверь отворилась, и вошел мистер Харрингтон. В коротком черном сюртуке и полосатых брюках, начищенных ботинках и котелке на лысой голове, он, как всегда, выглядел очень щеголевато. Котелок он снял, едва увидел Анастасию Александровну.

– Не думал застать вас здесь так рано! Я заглянул к вам по дороге, хотел сообщить вам мои новости. Я хотел рассказать вам вчера вечером и не смог. Вы не пришли к обеду.

– Да, я был на митинге, – сказал Эшенден.

– Вы оба должны меня поздравить: вчера я получил все подписи, и мое дело завершено.

Мистер Харрингтон сиял на них улыбкой, полной тихого довольства, и выпятил грудь, как бантамский петух, разогнавший всех соперников. Анастасия Александровна разразилась истерическим смехом, и он посмотрел на нее с недоумением.

– Далила, что с вами? – спросил он.

Анастасия Александровна хохотала, пока у нее из глаз не потекли слезы, а тогда она зарыдала. Эшенден объяснил:

– Большевики свергли правительство. Министры Керенского в тюрьме. Большевики собираются пролить кровь. Далила говорит, что ее фамилия значится в списке. Ваш министр подписал вчера ваш контракт, так как понимал, что это ни малейшего значения не имеет. Ваши контракты не стоят ничего. Большевики намерены заключить мир с Германией как можно скорее.

Анастасия Александровна овладела собой с той же внезапностью, с какой дала волю слезам.

– Вам лучше уехать из России немедленно, мистер Харрингтон. Теперь это не место для иностранцев, и вполне вероятно, что через несколько дней вам это уже не удастся.

Мистер Харрингтон переводил взгляд с нее на Эшендена и обратно.

– О-о! – сказал он. – О-о! – Восклицание это было явно неадекватным. – Вы говорите мне, что русский министр просто меня дурачил?

Эшенден пожал плечами.

– Кто может знать, о чем он думал? Возможно, у него сильно развито чувство юмора и ему показалось забавным подписать контракт на пятьдесят миллионов долларов вчера вечером, зная, что сегодня утром его вполне могут поставить к стенке и расстрелять. Анастасия Александровна права, мистер Харрингтон. Садитесь на первый же поезд, который доставит вас в Швецию.

– Ну а вы?

– Мне здесь больше делать нечего. Я запрашиваю инструкций и уеду, как только получу указания. Большевики нас опередили, и людям, с которыми я работал, теперь остается думать только о том, как спасти свою жизнь.

– Утром расстреляли Бориса Петровича, – хмуро сказала Анастасия Александровна.

Они поглядели на мистера Харрингтона, но он устался в пол. Он так гордился своим успехом! И теперь весь обмяк, как пробитый воздушный шар. Но через минуту поднял голову и чуть-чуть улыбнулся Анастасии Александровне. Эшенден впервые заметил, какой привлекательной и доброй была его улыбка. В ней было что-то обезоруживающее.

– Если большевики гонятся за вами, Далила, так не лучше ли вам будет уехать со мной? Я о вас позабочусь, а если вы решите поехать в Америку, я убежден, что миссис Харрингтон сделает для вас все, что в ее силах.

– Представляю лицо миссис Харрингтон, если вы явитесь в Филадельфию под руку с

русской беженкой, – засмеялась Анастасия Александровна. – Боюсь, это потребует больше объяснений, чем вам под силу. Нет, я останусь здесь.

– Но если вам угрожает опасность?

– Я русская. Мое место здесь. Я не покину родину, когда родина особенно нуждается во мне.

– Далила, это чушь, – очень тихо сказал мистер Харрингтон.

Анастасия Александровна говорила с глубоким чувством, но теперь вздрогнула и бросила на него насмешливый взгляд.

– Знаю, Самсон, – ответила она. – Откровенно говоря, я думаю, нас всех ждет черт знает что. Одному Богу известно, во что это все выльется, но я хочу присутствовать. И за миллион ни от единой секунды не откажусь.

Мистер Харрингтон покачал головой.

– Любопытство – проклятие вашего пола, Далила, – сказал он.

– Идите, соберите ваши вещи, мистер Харрингтон, – сказал Эшенден улыбаясь, – и мы отвезем вас на вокзал. Поезд будут брать штурмом.

– Ну, хорошо, я уеду. И с удовольствием. Я здесь за все это время ни разу прилично не поел, и я пошел на то, о чем даже помыслить не мог – пил кофе без сахара, а когда мне выпадала удача и я получал ломтик ржаного хлеба, то был вынужден есть его без масла. Миссис Харрингтон просто не поверит, что мне пришлось перенести. Этой стране требуется организованность.

Когда он оставил их вдвоем, Эшенден и Анастасия Александровна начали обсуждать положение. Эшенден был расстроен, потому что все его тщательно разработанные планы оказались лишними, но Анастасия Александровна горела возбуждением и гадала вслух, чем кончится эта новая революция. Она напускала на себя очень серьезный вид, но в глубине души видела во всем этом увлекательную игру. Она жаждала все новых и новых событий. Тут в дверь снова постучали, но Эшенден не успел открыть рот, как в номер ворвался мистер Харрингтон.

– Нет, обслуживание в этом отеле из рук вон! – возмущенно вскричал он. – Я звоню пятнадцать минут, и никакого внимания!

– Обслуживание? – воскликнула Анастасия Александровна. – Так ведь вся прислуга разбежалась.

– Но мне нужно белье, которое я отдал в стирку. Его обещали доставить еще вчера.

– Боюсь, теперь у вас нет никаких шансов его получить, – сказал Эшенден.

– Я не поеду без своего белья. Четыре рубашки, два комплекта нижнего белья, пижама и четыре воротничка. Носовые платки и носки я стираю в номере сам. Мне нужно мое белье, и без него я из отеля не уйду.

– Не валяйте дурака! – воскликнул Эшенден. – Вы должны выбраться отсюда, пока это еще возможно. Раз за вашим бельем некого послать, вам придется уехать без него.

– Прошу прощения, сэр, ничего подобного я не сделаю. Я схожу за ним сам. Я натерпелся достаточно в этой стране и не намерен бросать здесь четыре отличные рубашки, чтобы их носили орды чумазных большевиков. Нет, сэр, пока я не получу моего белья, из России я не уеду!

Анастасия Александровна на мгновение уставилась в пол, а потом с легкой улыбкой подняла глаза. Эшендену показалось, что бессмысленное упрямство мистера Харрингтона нашло в ней какой-то отклик. На свой русский лад она поняла, что мистер Харрингтон никак не может уехать из Петрограда без своего белья. Его настойчивость возвела это белье в символ.

– Я спущусь вниз и постараюсь найти кого-нибудь, кто знает адрес прачечной, и если это мне удастся, схожу туда с вами, и вы сможете забрать свое белье.

Мистер Харрингтон оттаял. Он ответил со своей ласковой, обезоруживающей улыбкой:

– Вы очень любезны, Далила. И не имеет значения, готово оно или нет. Я возьму его в любом виде.

Анастасия Александровна вышла из номера.

– Ну, так что же вы думаете о России и о русских теперь? – осведомился мистер Харрингтон у Эшендена.

– Я сыт ими по горло. Я сыт по горло Толстым, сыт по горло Тургеневым и Достоевским, сыт по горло Чеховым. Я сыт по горло интеллигенцией. Я стосковался по людям, которые не меняют своих намерений каждые две минуты, которые, обещая, не забывают о своем обещании час спустя, на чье слово можно положиться; меня тошнит от красивых фраз, от красноречия и позерства...

Эшенден, заразившись местной болезнью, собирался произнести речь, но его перебил дробный звук, словно на барабан бросили горсть горошин. В городе, окутанном непривычной тишиной, он прозвучал резко и странно.

– Что это? – спросил мистер Харрингтон.

– Винтовочная стрельба. По-моему, на том берегу реки.

Мистер Харрингтон забавно скосил глаза. Он засмеялся, но лицо у него побледнело, и Эшенден его не винил.

– Да, мне пора выбираться отсюда. Я не о себе беспокоюсь, но мне надо думать о жене и детях. Я так давно не получал писем от миссис Харрингтон, что немного тревожусь. – Он помолчал. – Я хотел бы познакомить вас с миссис Харрингтон. Она удивительная женщина. Лучшей жены быть не может. До этой поездки я со дня нашего брака не расставался с ней больше чем на трое суток.

Вернулась Анастасия Александровна и сказала, что узнала адрес.

– Идти туда минут сорок, и если вы пойдете сейчас, я вас провожу, – добавила она.

– Я готов.

– Поберегитесь, – сказал Эшенден. – По-моему, улицы сегодня небезопасны.

Анастасия Александровна посмотрела на мистера Харрингтона.

– Я должен забрать свое белье, Далила, – сказал он. – Я никогда себе не прощу, если брошу его здесь, и миссис Харрингтон не даст мне об этом забыть до конца наших дней.

– Ну, так идемте.

Они вышли, а Эшенден вернулся к тягостной задаче облекать в очень сложный шифр сокрушающие новости, которые был обязан сообщить. Телеграмма получилась длинной, а ему еще предстояло запросить дальнейшие инструкции для себя. Работа была чисто механической, но тем не менее требовала полного внимания. Ошибка в одной цифре могла обесмыслить всю фразу.

Внезапно дверь распахнулась, и в номер вбежала Анастасия Александровна. Она потеряла шляпу, волосы у нее растрепались. Она задыхалась, глаза у нее вылезли на лоб, и видно было, что она вне себя от волнения.

– Где мистер Харрингтон? – крикнула она. – Он здесь?

– Нет.

– У себя в номере?

– Не знаю. А что такое? Если хотите, пойдемте посмотрим. Почему вы не привели его с собой?

Они прошли по коридору и постучали в дверь мистера Харрингтона. Ответа не было. Они подергали ручку. Дверь оказалась запертой.

– Его там нет.

Они вернулись в номер Эшендена. Анастасия Александровна упала в кресло.

– Дайте мне, пожалуйста, воды. Я совсем задыхаюсь. Я бежала бегом.

Она выпила весь стакан, который ей налил Эшенден. И вдруг всхлипнула.

– Только чтобы с ним ничего не случилось! Никогда себе не прощу, если его ранили. Я надеялась, что он вернулся сюда до меня. Белье он свое забрал. Мы нашли прачечную. Там была только какая-то старуха, и она его не отдавала. Но мы настояли. Мистер Харрингтон был в ярости, потому что ничего выстирано не было. Оно все еще было увязано, как он сам его увязал. Его обещали принести вчера вечером, а даже узла не развязали! Я сказала: это же

Россия, и мистер Харрингтон сказал, что он предпочитает негров. Я вела его боковыми улицами, думала, так лучше, и мы пошли назад. Переходили проспект, и я увидела дальше по нему небольшую толпу. Там кто-то произносил речь. «Пойдемте, послушаем, что он говорит», – предложила я. Видно было, что они спорят. Могло оказаться что-то интересное. Мне хотелось узнать, что происходит. «Идемте дальше, Далила, – сказал он. – Не будем вмешиваться не в свое дело», – сказал он. «Возвращайтесь в отель, укладывайте вещи, – сказала я. – А я намерена посмотреть, что там». Я побежала туда, а он пошел за мной. Там собралось двести – триста человек. Речь произносил студент, на него кричали какие-то рабочие. Я люблю споры и начала пробираться в первый ряд. Вдруг раздались выстрелы, и мы оглянуться не успели, как по проспекту понеслись два броневика. С солдатами. И они стреляли на ходу. Не знаю зачем. Наверное, просто баловались, а может быть, были пьяны. Мы прыснули во все стороны, как кролики. Побежали, спасая жизнь. Мистера Харрингтона я потеряла. Не понимаю, почему его нет. По-вашему, с ним что-то случилось?

Эшенден помолчал.

– Надо пойти поискать его, – сказал он. – Не знаю, какого черта он не мог бросить этого белья.

– А я понимаю. Так понимаю!

– Это утешительно, – сказал Эшенден с раздражением. – Идемте!

Он надел пальто и шляпу, и они спустились по лестнице. Отель выглядел непривычно пустым. Они вышли на улицу. Прохожих почти не было. Они направились к углу. Трамваи не ходили, и тишина в огромном городе наводила жуть. Магазины стояли закрытые. И когда мимо на бешеной скорости промчался автомобиль, они невольно вздрогнули. Редкие унылые встречные боязливо косились по сторонам. Когда они вышли на проспект, то ускорили шаг. Людей там было много. Они нерешительно стояли, словно не зная, что делать дальше. По мостовой, сбившись в кучки, шли резервисты в серых шинелях. Они молчали. Они походили на овец, разыскивающих пастуха. Потом они добрались до улицы, по которой бежала Анастасия Александровна, но с противоположного конца. Много окон было разбито шальными пулями. Улица была пуста. Однако следы панического бегства остались: оброненные в спешке вещи – книги, мужская шляпа, дамский ридикюль и корзинка. Анастасия Александровна дернула Эшендена за рукав – на тротуаре, склонив голову на колени, сидела женщина. Она была мертва. Немного дальше лежали двое мужчин. Тоже мертвые. Раненые, вероятно, сумели кое-как уйти, или их унесли друзья. Затем они нашли мистера Харрингтона, Его котелок скатился в канаву. Он лежал ничком в луже крови. Шишковатая лысина была совсем белой, щеголеватый черный сюртук запачкан кровью и грязью. Но его рука крепко сжимала узел, хранивший четыре рубашки, два комплекта нижнего белья, пижаму и четыре воротничка. Мистер Харрингтон не расстался со своим бельем.